

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

О жизни и творчестве художника Яна ван Эйка
читайте на странице 66.

Это интересно

<i>Анатолий Крищенко</i>	Ода Создателю	4
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	День любви и верности	15
<i>Владимир Братченко</i>	Последний капитан «Одессы»	114

Музеи Подмосковья

<i>Дмитрий Зелов</i>	Старейший музей Подмосковья	24
----------------------	--	----

Рассказ

<i>Марк Наумов</i>	Победа	28
--------------------	---------------------	----

Из российской истории

<i>Алла Зубкова</i>	Царевич Алексей	36
---------------------	------------------------------	----

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Добрый волшебник Евгений Шварц	52
--------------------	---	----

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Ян ван Эйк. Портрет четы Арнольфини	66
---------------------	--	----

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Анна Дианова: «Любовь будет всегда, сколько бы не менялась жизнь на Земле»	77
<i>Иван Переверзин</i>	Мой Глазунов	84

Минувшее

<i>Валерия Быкова</i>	Королева Марго — повелительница сердец	100
-----------------------	---	-----

Житейские истории

<i>Иосиф Гольман</i>	Отсрочка	126
----------------------	-----------------------	-----

Поэзия

<i>Игорь Молчанов</i>	Стихи	130
-----------------------	--------------------	-----

Детектив

<i>Наталья Солдатова</i>	Химера	132
--------------------------	---------------------	-----

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Коллаж Натальи Кумуковой
из фильмов по мотивам сказок
Евгения Шварца

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24,
стр. 4, э7, пом I ком 49
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.06.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Прожив чуть более полувека, этот писатель, поэт и журналист успел оставить по себе яркий немеркнущий след. Дети знают его как автора множества увлекательных «стишков и рассказиков», придумавшего столь любимого маленькими читателями фокстерьера Микки. Взрослые же ценят Сашу Черного не только за произведения, возвращающие их в лучезарную страну детства, но и за едкую, отточенную, словно бритва, сатиру.*

Юрий **Осипов** «Посильна беда со смехом»

«*Имя этой женщины когда-то было широко известным и символическим для россиян. Оно отождествлялось со стремлением к свободе, с борьбой против угнетателей и героической гибелью во имя народа и за народ. Известный историк Николай Карамзин написал историческую повесть, в которой вывел образ некой бесстрашной амазонки, пытавшейся спасти Новгород от захвата его великим князем Московским Иваном III. Все это так, но... немного приукрашено историком. На самом деле жизнь и смерть Марфы Борецкой была куда более драматичной и куда менее романтической и возвышенной..*

Светлана **Бестужева-Лада** «Марфа-посадница»

«*Их по праву считали красивейшей и самой знаменитой парой советского кинематографа 60–70-х годов. Они, Элем Климов и Лариса Шепитько, сняли легендарные фильмы, принесшие им мировую славу: Лариса — «Восхождение», Элем — «Агония», «Иди и смотри», «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен». Их судьбы, их картины — яркие свидетельства того сложного и противоречивого времени, в которое они жили. Лариса трагически погибла в 1979-м, Элем ушел из жизни в 2003-м. О брате и его жене рассказывает сценарист Герман Климов.*

Марина **Бойкова** «Нежная броня и железная леди»

«*Детектив Александра **Аннина** «Куркулиха»*

ОДА СОЗДАТЕЛЮ

В просторном светлом кабинете сотворялись последние строки оды. Сорокалетний поэт резко встал, подошел к иконе и, крестясь, произнес:

— Все. Точка! Прости, Господи, за дерзость. Волнуюсь... как перед атакой. Боже, что я несу, грешный? Какая атака? — А потом, глядя на исписанные листы, проговорил: — Это же... это же преклонение, скорее попытка проникновения. По-пыт-ка... Дерзкая! Не зря же твердят исстари

мудрецы: иная попытка — словно пытка. И в каждом слове есть таинство Неба. Не случайно я слышу эфирный гул своих замыслов. Да не своих, а Его. Слово-то, по-библейски, есть Бог, а потом все остальное. Прости, Создатель, прости... дерзнул я... Может, примешь сей труд раба Твоего грешного.

Просматривая листы и прохаживаясь по кабинету, он тихо выдохнул:

— Да-а-а... дерзости здесь больше, чем надобно бы. Но невозможно объять необъятное. Все. Моя попытка-самопытка. Далее не надо. Опасно! — В глазах поэта полыхнул живой огонек страданий и сомнений, присущих избранным земным творцам. — Слово... оно есть порох мысли. Порох. Но как с ним играют дерзновенно грешники вроде меня. И все же что-то всегда происходит при взрыве озарений... Что-то... Ведь чудеса случаются при любой опасной игре. Случаются! А я — игрок! Сколько перьев переломал до этого на разные оды-броды... А эти гусиные перья — ни разу не сломались. Чудеса...

В этот миг на пороге бесшумно появился слуга Захар, застыл на месте.

Державин меняющимся голосом, переходящим от проникновенного шепота до почти громкого восклицания, читал первый стих оды «Бог»:

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в Трех Лицах*

Божества!

*Дух всюду Суший и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы нарицаем — Бог!*

Повернувшись, он наткнулся взглядом на Захара, и служивый робко спросил:

— Простите, ваша милость, вы что, молитву проговаривали? — Осекшись под гневным взглядом и опу-

стив голову, продолжил: — Простите, я, кажись, что-то лишнее сказал... Подумал, что молитву...

В глубокой задумчивости Гавриил Романович чуть отрешенно проговорил:

— Почти, Захарушка. Почти... Но молитвы-то пишут всегда святые. И очень, очень такие люди, набожные. А я, грешник, вот рискнул на оду. Самому Богу!

Захар бестолково заморгал глазами, перекрестившись и откашлявшись, растирая почему-то глаза, робко переспросил:

— И не страшно ли вам, ваша милость, было?..

— Страшно, Захарушка. Ох, как страшно. А ничего с собою поделывать не сумел. Слова-то сами рождали стих. Конечно, это Дух Святой диктовал. Это Он... Так что там у тебя, Захарушка?

— Оно, такое дело... Приплелся тот...

— Лихоимец? Чинуша... озерный?

— Он самый.

— Вот жизнь! — вскрикнул Державин. — Кубок с ядом! Там, где мыслишь о Боге, обязательно бес появится.

— Оно так, — задумчиво ответил Захар. — Я дюжа вижу и понимаю... вы правы в этом. Я, простите, раньше думал, что пост правителя — дюжа почетная работа.

— А в сей момент что? Поменял, что ли, свой взгляд на мой почет?

— Не дай Бог, такой почет! Правитель... он-то должен быть юрким. А вы...

— Договаривай. Коль размахнулся, то бей!

Захар часто заморгал глазами. На его круглом лице резче обозначились следы прошлой оспы. Покусывая губы, он тихо проговорил:

— А вы... вы совсем, ну, не юркий.

— А какой же?

— Ну, сердитый. А сердитые юркими не бывают.

— Бывают, Захарушка, бывают, — нараспев возразил поэт. — Вот, смотри, в комнату влетела, видишь, юркая муха. Хотела пожить, ан нет. В моем кабинете книги. В них мысли великих. А юркие мухи, как и юркие казнокрады... Они наживу ищут. Ишь ты: ей нужен свет. Разжужжалась, бестия!

Захар, подбежав, попытался прихлопнуть муху, но та, изловчившись, вылетела в приоткрытую дверь.

— Не случилось, Захарушка! Не получилось. Разумеешь? — засмеялся Гавриил Романович.

Качнув отрицательно и упрямо головой, Захар твердым голосом, допуская несогласие в своих суждениях, бодро и громко отчеканил:

— Не разумею. Мухи и есть мухи. Они, подлюки, хуже сорок да ворон.

— Похлеще... похлеще. Ну, что стоишь? Зови этого... чинушу-ворона. Мы его постараемся, как муху, что ты не сумел... Погоди чуть. Соберусь...

Тревожные рассуждения серой тенью легли на лицо. Но огонек от иконы продолжал где-то изнутри излучать свет... И этот свет почему-то был... каким-то иным... даже не

мягко-блаженным, а горько-осязаемым. Живым.

Поэт осознал, что сам свет, как и дух человека, имеет что-то таинственно-небесное, не земное...

За спиной раздался грубовато-вежливый бас Захара:

— Так впускать этого... Блохина? Он дюже того... важный. Но все блохи завсегда керосину боятся. Даже об двух ногах.

Чтобы не рассмеяться, Державин, прикусив губу, улыбнулся. Решительный блеск засиял в глазах. Вспомнив забытое, подумал: «Как в Преображенском полку... Но там было ясно. Ведь пугачевцы хоть и разбойники, но в облике людей. А все блохины в облике бесов. Попытаюсь освободить олонецкого бесика от пагубной страсти керосином... Да разве всех освободишь? Керосина не хватит. Их-то развелось по всем губерниям поболее чем пугачевцев. Будем их жечь, а то они сожгут нас».

С нахмуренным лицом и лихорадочным недобрым блеском в глазах Гавриил Романович ключом открыл ящик стола, вынул папку и с презрением прочитал:

— Блохин, бригадир охраны лесов и озер Олонецкого наместничества. Бес, а не чиновник! — невольно вырвалось с языка. — И вот такие факты делишек бесовских приходится держать дома. А в служебном кабинете моем, бывало, что такие папки исчезали... Чиновник... М-да. Душа чиновника — потемки. Да я в своей не разберусь. Но воровством никогда не баловался. — Обратив-

шись к скульптурке Екатерины II, он тихо произнес: — И вот что доложу тебе, матушка, почти в каждом таком скакуне-чинуше сидит воришка при седле. Вот в чем вопрос. Думалось об этом намеренно мне. Конституцию, горемычный, написал. Силушки на нее много истратил. Но ее не приняли чинуши, потому как там силки для воров поставлены. А ежели все воруют, то кому охоче в силки закона попадать. Волки и то силки обходят. Но мы иначе поступим с этим чинушей. Зови, Захар, зови!

Едва Державин произнес последние слова, как в дверях появился рослый богато одетый человек лет тридцати. Кашлянув, он произнес:

— Простите... Я — Блохин. Ваш адъютант в управе направил вот к вам... Пришел насчет работ по очистке озер.

— Ну, как работа? Как движется?

— Она... ваша честь, приостановилась, — опустив голову, тихо ответил чиновник.

— Угу, лошадь приостанавливается, когда ее не кормят. А люди тоже приостанавливаются, когда им за работу не платят.

— Так нечем платить, ваша честь.

— Понятно, — угрюмо откликнулся Державин и, подняв папку, прочитал: — Дело старшего чиновника... Блохина Емельяна Ивановича. — Затем внимательно посмотрел на чиновника и проговорил: — Мы, царевы слуги, тому Емеле Пугачу, голову отсекли. А тебя, служивый дворянушка, каторга ждет. Так-то, Емеля. А пришел ты сюда, чтобы

спасти себя от каторги. И дело твое теперь зависит только от тебя. Земля Олонецкая стоит на былинном озерном родном эпосе. И ни в одной былине, будет тебе известно, воровство не прославляется... соловьи-разбойники, как и воры, лишаются головы. А людины вроде тебя милуются каторгой.

— Любые условия... любые условия, только не каторга, — падая на колени, прошептал Блохин.

Державин подошел к нему, взял за шиворот и приподнял:

— А понимаете ли вы, ваше проходимость, что, ежели я вас не упеку на каторгу, то заинтересуются мной. М-да, ситуация похуже, чем в картежной игре. Тут не профинтишь. Тебе были дадены большие деньги из царской казны! Из царской! Чтобы ты очистил озера. И дорогу прорубил к ним. А ты очистил казну. И прорубил себе дорогу на каторгу, в прорубь, в полынью! Не зря же говорят, что Россиюшку-матушку исстари тянут на дно дураки да дороги, да вот такие блохины. С дураками и дорогами царская власть справляется, а вот с блохиными — не получается. Не получается... Я вот что решил! До конца лета, считай, и осени, осталось 2–3 месяца. За полгода ты деньги все украл, а работы сделал с гулькин хрен. Тебя спасет только атака. Слушай, то, что ты не сделал за полгода, сделаешь за два месяца.

— Так невозможно-то, — выпучил глаза чиновник.

— Тогда каторга, — решительно произнес Державин. — В этой пап-

ке, Емеля, все подсчеты имеются... и доказательства, сколько сосен спилено, и куда они девались. И сколько верст дороги освоено. Кажись, три. Так?

— Так, ваша честь, — понуро ответил Блохин.

— Слушай и запоминай, Емеля: чтобы спасти себя от каторги (да и меня тоже), ты должен за два-три месяца до морозца выполнить все намеченное и оплаченное царской казной. Думаю я... вприкидку, что надобно набрать вчетверо больше людей для прорыва. Иначе — плен, заточение... Каторга и кандалы. И сам... сам! (я проверю) будешь там и киркой, и лопатой, и пилой отвоевывать себе свободу работой, потом, трудом. Может, этот труд приблизит тебя к человеку. Родину надобно любить, а не губить ее воровством. А кража — всегда болото, гибель, грех. Искупай свой грех атакой, прорывом!

— Так на сей прорыв, ваша милость, капиталы надо такие... очень большие. Даже больше, чем были, — кашлянул чиновник.

— А ты свои истрать! — гневно бросил Державин. — Казенные-то профукал в иной работе, бесовской. Имение заложил. А ежели тяжело будет кровное закладывать, то посчитай, что тебя тоже обворовали, как ты царскую казну в прошлом. А каторга, Емеля, в настоящем тебя уже поджидает. Согласен? Почто молчишь, ваше лихоимство?

— Угу, — промычал Блохин.

— Топай и спасай себя, не теряй ни минуты. Напоминаю второй разок,

чтобы сам там вкалывал с людьми. Для тебя это будет вроде каторги без цепей на ногах. Но лучше каторга о двух-трех месяцах, чем пожизненно. Твой выбор, твоя игра. Только краплеными не играй. Проверю. Иди!

Осознав, что буря гнева почти пронеслась, чиновник покосился на папку и выдохнул:

— Спасибочки, ваша честь.

— Погоди! Напоследок вот что. Рубить просеки в лесу, Емеля, труднее, чем подделывать документы для недотеп. В Россиюшке много недотеп. Но государево око повсюду зрит. А топор иногда звенит. По тому звону, как по нотам, слышна фальшь напева.

Разумеется, Емеля-казнокрад ничего про звон топора и ноты не понимал. Но быть дурнем при таком раскладе ему совсем не хотелось. Он-то хорошо знал, что с дурака иногда спроса не бывает. Но кожей своей чувствовал боль такого дурака, когда его секут розгами. И часто не по делу. Знал о том, что в любом скверном деле умники всегда ищут дурака для своего спасения. Но на поиски дуралея нужно время... Крутанулась окаянная мыслишка: быстро дурня не найти, а сейчас — труба дело: где взять дурня? Их много кругом, да всякий русский дурак — он-то для себя никогда не будет таким. Всякие дураки чаще бывают умнее господ.

Глядя на него, Державин загадочно улыбнулся и почти шепотом произнес:

— И не вздумай искать дурака, на кого спихнуть свое преступление.

Только время потеряешь, да дело свое усугубишь. Уразумел?

— Ага, — кивнул чиновник.

— Иди и помни: дурак тебя не спасет. Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай.

Емеля тихо выскользнул из светлого кабинета правителя. Уже в темном коридоре подумал, что этого волчару не обложишь флажками, не проведешь. А вдогонку ему донесся глуховатый трубный бас Захара:

— Делай, как сказано, а то хуже будет.

Надломленный Блохин с серым лицом вышел во двор. Ярко светило солнце; на клумбе еще цвели летние розы. Сама услада жизни, как чаша с вином, привычно хмелила сознание. И жить на свободе захотелось вдвойне, потому что на краю пропасти частенько и открываются те манящие прелести обыденности жизни, что порой и не замечаешь.

Едва за ним закрылась дверь, Державин, потирая руки, проговорил:

— Посмотрим, как все обернется. Поглядим и проверим. Воровство — болезнь веков. Получается, что такая порча вроде скрепы бытия. Нет, скрепы дьявола! Но почему она бессмертна?

Гнусно стало на душе правителя. Недобрые мысли не уходили... Сколько их, лихоимцев на Руси... Тьма... Они, как комарье болотное, высасывают Россиюшку. А ежели комарье не уничтожать, она превратится в болото, и осушать ее будут иные. Но не бывать такому! Гавриил Романович нервно вышагивал по кабине-

ту. Резко остановился у шкафа с книгами, негромко произнес:

— И вы, мыслители веков, не на все вопросы дали ответ. Не на все...

Взгляд его снова скользнул по небольшой скульптурке императрицы.

— А как бы поступила ты, матушка? В пасьянсе сем? В картах мне везло. Там иные законы, там за шулерство дуэль с правом первого выстрела... А здесь — кругом чиновники, иные законы... И кругом — шулера... Хотя в миру житейском воруют почти все! Да и воюем мы исстари почему-то... Даже в библейском стихе кровушка рекой льется. Господи, для чего же нам тогда жизнь дается? Для самоистребления?!..

Он взял листы с написанной одой и прочел:

*Ты цепь существ в Себе
вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.*

— И смертью живот даришь, — тихо повторил Гавриил Романович. — М-да, хотел я в оде сей спросить и о смертельном... да поостерегся. Испугался. Потому как в ином вопросе Создателю бывает поболее ереси да греха, чем в воровстве... А когда выходишь за горизонты Его, то и попадаешь в гнев Его... Кажется, ко мне пришел ответ знакомый. Библейский. В Библии поясняется, что за Адамов грешок и не любим мы себя, и истребляем. — Положив на стол Библию, снова посмотрел на скульптурку Екатерины II и уже иным тоном проговорил: — И все же

и ей, матушке Екатерине, жизнь тоже подносила не единожды кубки смертельные. Не единожды... но ангел-хранитель ее сберег для России. И была она иногда радостной. Да не в грехе любви, а в политике своей. И я видел ее счастливой. Светоносной такой. Видел! Сам-то чуток зажегся тем светом. А жизнь, как тройка лошадей, чтобы тебя не разнесли, надобно в вожжах ее держать. Счастьем же надо повелевать. А с кровососами, что доводят народ до нищеты, необходимо воевать, не то появятся новые «маркизы» — Пугачевы.

Захар, тихо вошедший в кабинет, с удивлением спросил:

— А разве Пугач был маркизом?

Державин громко захохотал — так смеяться могут только открытые, смелые люди — и, утирая платком слезы, ответил:

— Да разбойники, Захар, на Руси завсегда назначали себя спасителями да справедливыми царями. А «маркизом» я Пугача в шутку прозвал, когда с ним сражался.

— А правда, что за вашу голову разбойник обещал десять тысяч монетой серебра?

— Ишь ты, и об этой okazji Пугача дошла молва! — воскликнул Державин.

— Так то правда? — не унимался Захар.

— Правда, Захар, правда. Но, как видишь, моя головушка при мне на плечах. Но, доложу тебе, служивый, я-то был беспощадным с пугачевцами. Хотя втайне понимал чуток разбойника. Но это втайне... Потому

что Пугачи — они и есть вроде духа обиженного люда Россиюшки. Надобно не забижать народ, не грабить безлошадных налогами да податями. От них до бунта Пугачей один шаг! Вот я здесь для того, чтобы не было этого шага... Не было, Захарушка. — Гавриил Романович чуть кокетливо надул еще моложавые чувственные губы и уже иным тоном добавил: — А ведь счастливыми в жизни все норовят быть. Все. Вот скажи-ка мне, Захар, может ли человек быть счастливым вообще? Хоть чуток. Только честно, без волынки. Ответствуй. Ну, хотя бы на несколько дней? Может ли человек быть счастливым таким, как птица в полете?

Слуга задумался и через паузу густым басом отозвался:

— Неведомо мне такое. Я ж не птица. Оно-то, счастье нашенское, вроде сказки. Хотя... человек небось-то может, когда пьет, ну, гуляет во хмелю своем. Но не все. Я, к примеру, бываю счастлив только во сне да в церкви. И то не всегда... Тогда только, когда божья молитва хора входит в душу. Тогда пропитываешься весь иным воздухом. Он, знаете, очищает меня. А я, того... гляжу на иконы святых мучеников и вроде светом их изнутри покрываюсь. Оно-то, счастье, и есть тот свет изнутри...

— Точно сказал, Захар! «Свет изнутри». Да в нашей окаянной жизни такой свет изнутри мало нам светит.

— Оно так. Счастья, ваша милость, много не бывает.

— Как и денег, — задумчиво подхватил поэт.

— Насчет денег не знаем. А про счастье, по моему разумению, как я сказал, только мигом изнутри, ваша милость. Можя что и не так... так вы простите мужика темного.

— Так, так! — улыбнулся Державин. — В темноте твоей больше света, чем в иной нашей барской. Больше, Захарушка.

Слуга часто заморгал глазами и с осторожностью промолвил:

— Да я так мудрено не умею думать.

— А как же ты думаешь?

— А никак...

— А ты подумай!

— Да чо думать? — уже смело предположил Захар. — Темнота,

она и есть темнота. А свет и есть свет. Но еще та лучина в храме меня вроде блажит светом. А пение хора не так. Я там слова не все разумею. А вот эхо от высоты пения... оно входит прямо в живот и в голову. До пяток меня прошибает.

— Точно! — согласился Державин. Быстрым движением достал из внутреннего кармана деньги и вложил их в руку слуги: — На вот, возьми. Бери, бери, Захар Михайлович.

— Да за что? За что такое...

— За проповедь.

— Я же не батюшка... я грешник.

— А мы в миру порой бываем и грешники, и батюшки, — покачал головой Гавриил Романович.

— Так за что мне так много? — не веря глазам, прошептал Захар.

— Сходишь в церковь, свечи поставишь и помолишься за себя и меня тоже, грешника. Да и деткам твоим кренделей принесешь. Ну, и дома, сам знаешь, всегда не хватает чего-то...

— Оно точно, — ответил слуга.

Державин цепко всматривался в почти незнакомо-измененный взгляд Захара и узрел глаза не слуги, а какого-то иного человека. Невольно подумалось, что тайна души все же проявляется не столько в словах и жестах, а иногда вот так, во взгляде. Может, и потому хрупкое счастье — это когда тебе верят, а несчастье — когда сам никому не веришь.

С легкостью в сознании пронеслось: «Я, кажись, еще что-то новое для себя сегодня открыл. Хотя... хотя всякое новое под небом — забытое старое. Вот и моя ода — не новизна. Но она, чувствую, переживет меня».

Прохаживаясь по кабинету, он остановил свой взгляд на папке Блохина, брезгливо взял ее, открыл ящик стола:

— Побудь пока здесь, а то муторно как-то от тебя, — и, замкнув ящик ключом, осторожно взял в руки оду: — Очищай меня, одушка! — Молча прочитал ее, а затем негромко произнес: — Да оно так и есть! В голове, вроде, прояснилось. Считай, четыре года писалось, да терпелось, да зачеркивалось. Сколько бумаги извел. — Стал перебирать листы. — Вот здесь бы надо поправить. Да и здесь. Правка — что? Она

вода круговерти. Не зря толкуют, что в такой круговерти водяной можно и утонуть. Нет, топиться не буду. Хватит. Коль слово Его, то и рифма Его. А земные рифмы, они-то часто — химеры заблуждений. Но здесь я стремился к идеалам смысла непостижимого. И совсем ненароком прбрдал легкость стиха. Верлибриными истинами пророков пользовался: молитвами живой реки слова. Мудрость дерзнул взять Твою неземную. Взвалил на себя вериги дерзости... Прости, Господи! — Он перекрестился и тихо промолвил: — Я точно иным стал, пока оду Создателю творил. Иным... Это не императрице ода. Да и разным земным вельможам. Здесь рискованнее мне было, чем в Преображенском полку. Там лихо Емелю Пугача громили. Какие поручики были! В бою играли со смертушкой, как в карты. А промысел тот козырный и держал меня на гонорском скаку в нашем полку. Да больше чем стихи, что марал! Страсти те козырные, слава Богу, покинули меня. А тщета опять клокочет. Чует сердце мое: по этому божественному риску и опознают меня, может быть, потомки. Очистительное сочинение случилось. Когда писал, сам очищался от скверны своей. Атаку вел на самого себя. А без этого нельзя. Чистку духа от греха всегда надобно творить.

Поэт вспомнил, как в полку неподъемную сумму проиграл, а платить нечем. Дал тогда его визави два дня отсрочки. А потом — плати: картежный долг считался долгом чести. Но он, везун, на второй день оты-

Ты был, ты есть, ты будешь ввек!
Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя роятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.
Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как ночь пред днем.
Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.
Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает.
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных,
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.
Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить. □

1784

Светлана
Бестужева-Лада

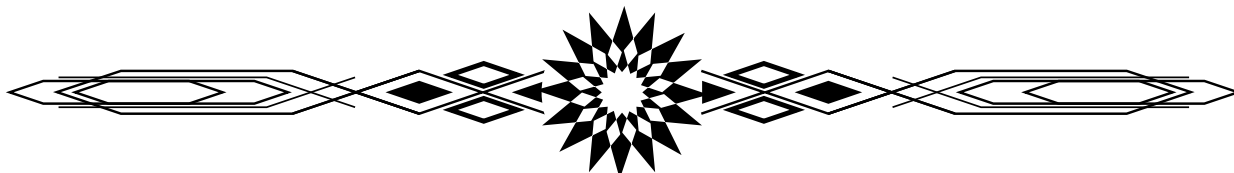
ДЕНЬ ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ

Нет, речь не об импортированном к нам сравнительно недавно празднике святого Валентина, который очень быстро приобрел популярность. Дело в том, что в русском православном календаре давным-давно есть праздничная дата — 8 июля, когда отмечается день святых

Петра и Февронии, покровителей супружеской жизни. Поскольку их брак считается образцом христианского супружества. Этот брак показал, каким он должен быть, и многие православные, да и не только православные люди почитают их и следуют по их пути.

Первый шаг в этом направлении уже сделан: с 2008 года день 8 июля объявлен Всероссийским днем семьи, любви и верности.

История жизни Петра и Февронии очень интересна и поучительна. Они жили в России XII–XIII века, когда назвать ее страной можно было лишь очень условно. Не слишком обширная территория была, к тому же, раздроблена на десятки небольших княжеств, каждое из которых жило своими интересами, традициями, уставом. По сути, княжества объединяло только то, что все они были славянские, и все — под крылом Русской православной церкви.

И почти в каждом княжестве имелись так называемые местночтимые святые — подвижники, высоко почитаемые земляками, но почти неизвестные за пределами княжества. Первоначально Петр и Феврония как раз и были такими — местночтимыми святыми Муромца. Канонизированы они были только в XVI веке — когда Русь уже окончательно стала полноценным сильным царством: с единым законом, единым правителем и едиными святыми.

К этому времени слава о них разнеслась уже по всей русской земле.

Второй сын муромского князя Петр и дочь простого крестьянина-бортника (собирателя дикого меда) Феврония теоретически никогда не должны были встретиться. Но Бог распорядился иначе. Петр заболел редкой и неизлечимой болезнью — проказой, и, казалось, никогда не мог бы вести нормальную жизнь, ибо прокаженные во все века и во всех странах становились изгоями, общаться с ними мало кто рисковал.

Но Петр был княжеским сыном, поэтому оказался просто затворником в выстроенном специально для него доме. Он был очень набожным и проводил свои дни в молитвах и чтении Священного Писания, избегая впасть в грех уныния. А князь-отец искал целителя или хотя бы какое-нибудь средство для исцеления.

Эти поиски, наконец, увенчались успехом. Во сне князю было видение, что исцелить его сына может дочь «древозлазца»-бортника Феврония, крестьянка из деревни Ласковой в Рязанской земле.

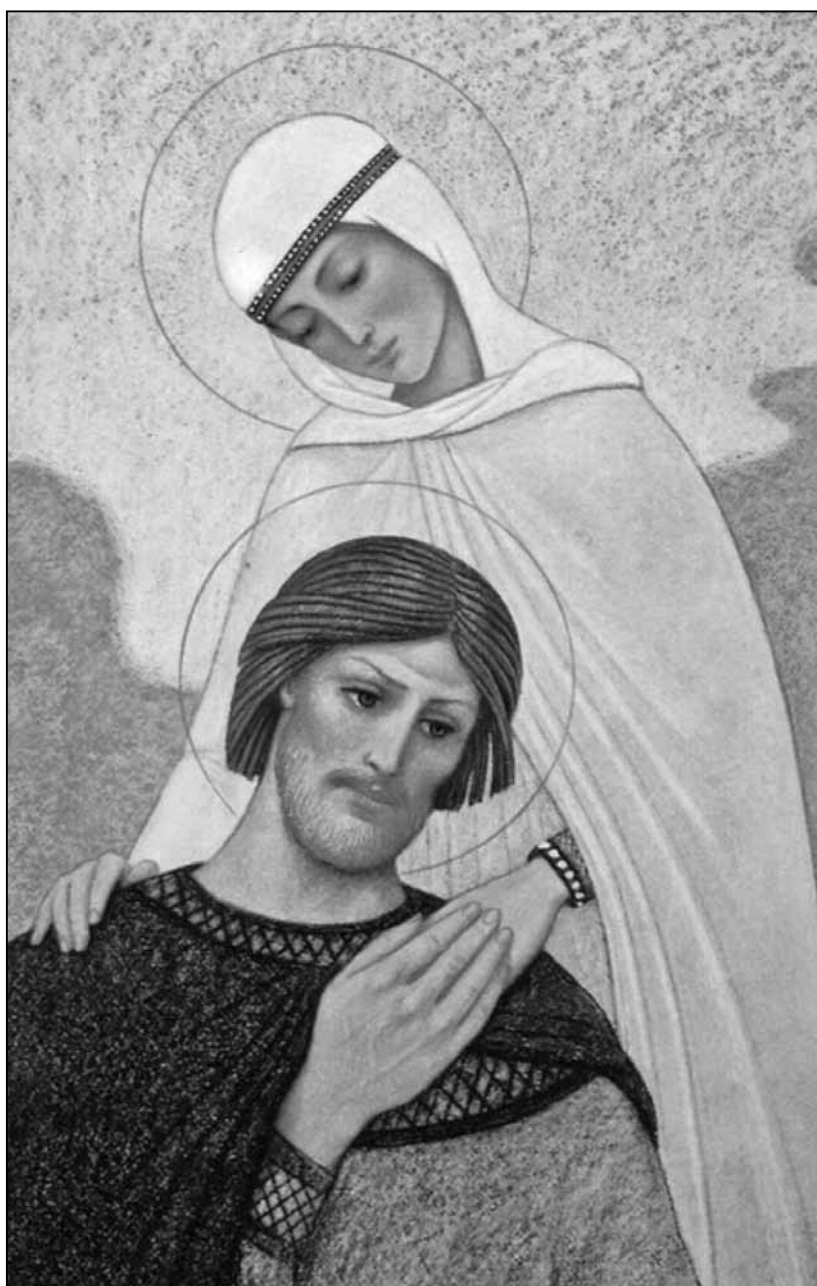
Дева Феврония была мудрой, ее слушались дикие животные, она зна-

ла свойства трав и умела лечить недуги, была красива, благочестива и добра. Многие сватались к красавице, но все получали отказ без объяснения причины.

Петр отправился к Февронии. Она поставила только одно условие: если ей удастся излечить князя, то он на ней женится. Князь дал слово, и красавица совершила чудо — излечила Петра от страшного недуга.

В те времена мужчины не слишком отличались от современных в плане отношения к браку. Исцелившись, князь решил, что может нарушить свое обещание, ибо ему, как говорится, не по рангу жениться на простой крестьянке, и вернулся в Муром. А в скором времени к нему вернулась и излеченная вроде бы болезнь.

Пришлось опять ехать в Рязань, вымаливать прощение у Февронии

и жениться на ней, не дожидаясь второго чудесного исцеления. Тем не менее, оно произошло: после венчания князь Петр снова был абсолютно здоров. А крестьянка Феврония стала его законной супругой.

В Муроме радость от исцеления князя со временем сменилась недовольством бояр: вслед за князем-отцом умер старший брат Петра, и престол перешел к чудесно исцеленному. Но бояре не захотели иметь княгиню простого звания, заявив ему:

— Или отпусти жену, которая своим происхождением оскорбляет знатных боярынь, или оставь Муром.

Князь предпочел второе. Они с Февронией отплыли на лодке по Оке подальше от города и стали жить как простые люди, радуясь тому, что они вместе, и Бог не оставляет их своей помощью.

Нигде нет связного рассказа о том, какой именно была жизнь счастливой четы, чем и как они зарабатывали на пропитание. Известно только, что супруги какое-то время жили отшельниками, в избушке на краю леса. Феврония, скорее всего, была травницей и лекаркой. Об этом смутно упоминается в сказаниях: «Лечила травами многими и снадобьями из них же». Расплачивались с ней хлебом и иными продуктами, так как супруги были весьма неприхотливы в еде и строго соблюдали все посты.

Один момент из этого периода жизни князя и княгини в изгнании очень популярен в проповедях, посвященных супружеской верности. Однажды лодочник, который перевозил Февронию через реку, подумал о ней с вожделением. Женщина поняла это и попросила мужчину черп-

нуть воды сначала с одного бока лодки, потом с другого и попробовать эту воду, зачерпнутую с обеих сторон. Она была одинакова по вкусу.

— Так и суть женская везде одинакова, — объяснила Феврония лодочнику.

Супружество — это не только слова и чувства, но и дело. В данном случае — жена не просто всегда сопровождала мужа, но и поддерживала в часы, когда тот унывал. Женская поддержка хранит брак и укрепляет мужчину.

В Муроме же начались смута и убийства из-за освободившегося престола, но занять его так никто и не смог. Тогда бояре опомнились, собрали совет и решили звать князя Петра обратно. Князь и княгиня вернулись. Феврония сумела быстро заслужить любовь горожан, а князь окончательно вступил на Муромский престол. Это произошло в 1203 году.

За свою земную жизнь святая чета показала невероятную преданность друг другу. Все радости и невзгоды они привыкли делить пополам, все службы в церкви выстаивали вместе, все трапезы проводили совместно, хотя многих бояр первоначально смущало постоянное присутствие княгини. Это было не по устоявшимся уже традициям, когда знатные женщины редко показывались из теремов.

Петр и Феврония жили в мире и уважении друг к другу и правили Муромом по законам любви и правды.

А вот детей Бог им не послал, хотя молились они об этом смиренно и

непрестанно. Тем не менее, их брак остается в глазах церкви образцом христианского супружества.

Предание говорит, что бояре всегда подозревали Февронию в колдовстве. Во-первых, она смогла излечить Петра, когда никто не мог. Во-вторых, они не понимали многих ее привычек. Например, бояре обратили внимание Петра, что его супруга собирает в ладонь крошки со стола. На самом деле Феврония просто с трепетом относилась ко всякой еде, как к дару Божию, но люди вокруг додумали невесть что... Как-то Петр, вняв подозрению бояр, попросил Февронию разжать ладонь. Княгиня послушалась, но в руке у нее вместо крошек оказался благодатный фи́миам. После этого Петр никогда не «проверял» свою супругу и не слушал никаких наветов на нее.

Это не просто красивая сказка, это — урок всецелого доверия, которое устанавливается между супругами благодаря Промыслу Божию. Ведь, с христианской точки зрения, супружество — это и есть служение Богу через человека рядом, как бы странно это ни казалось людям, далеким от веры. И любовь в христианской семье — это не только направление чувств от одного человека другому, но Любовь сама по себе, которая с Христом устанавливается в сердце, и которая благодатит все вокруг.

«Стяжи дух мирен и тысячи вокруг тебя спасутся», — говорил преподобный Серафим Саровский. Тысячи вокруг, но в первую очередь — твоя «вторая половина»!

Разлучились Петр и Феврония уже в преклонных годах, приняв монашеский постриг в разных монастырях с именами Давид и Евфросиния. Но монастыри были недалеко друг от друга, что позволяло им время от времени встречаться на общих богослужениях.

Они молили Бога, чтобы им умереть в один день, и завещали тела их положить в одном гробу, заранее приготовив гробницу из одного камня, с тонкой перегородкой. Не отсюда ли пошло присловие: «Они жили счастливо и умерли в один день»?

И действительно скончались в один день и час — 8 июля 1228 года. Сочтя погребение в одном гробе несовместимым с монашеским званием, их тела положили в разных обителях, но на следующий день они оказались вместе.

Их смерть тоже отмечена печатью неразрывного единения супругов. Из преданий известно, что Петр несколько раз посылал Февронии гонца с сообщением: «я умираю», и каждый раз она отвечала:

— Подожди, не умирай, мне нужно дошить покрывало для храма.

И только на третий раз она оставила свое шитье, чтобы перейти из мира земного в мир вечный вместе со своим супругом...

Впрочем, здесь не нужно усматривать чудо или какое-то мистическое совпадение — очень часто супруги, прожившие вместе целую жизнь, практически не разлучаясь, умирают если не в один день, то очень быстро один за другим. Потому что жизнь в браке — это две жизни, тесно переплетенные одна с другой, и «расплетсти» эту связь, не повредив остав-

шемуся живому, практически невозможно.

Единовременная смерть Петра и Февронии это, скорее, символ их супружеского служения, которое нашло выражение еще и вот таким, красивым запоминающимся способом.

Таков был их жизненный путь. Кроме нетленных мощей каких-либо иных свидетельств чудесного действия Благодати на них не сохранилось. Неизвестно, чтобы они кого-то исцеляли; упоминаний о внешних сверхъестественных событиях, не считая их совместного упокоения в одном гробу, тоже не имеется.

Погребены были святые супруги в соборной церкви города Муром в честь Рождества Пресвятой Богородицы, возведенной над их мощами по обету Иоанном Грозным в 1553 году, а ныне почивают в храме Святой Троицы Свято-Троицкого монастыря в Муроме. Прошел уже не один век, а память о них сохранилась и до наших дней.

Причем память не только молитвенная и устная. Ибо после причисления Петра и Февронии к лику святых на Московском церковном соборе 1547 года инок Ермолаю было поручено написать житие муромских чудотворцев. В качестве источника автор опирался на устные народные

предания, что усилило в «Повести» элемент сказочного мотива и сделало ее совершенно не похожей на произведения житийной литературы того времени. Сюжет повести стал одним из самых популярных на Руси. Текст произведения распространялся в огромном количестве списков. До наших дней их дошло более 300.

Стоит помнить о том, что любой брак — свят, а любой развод — «трагедия на небесах». Ради сохранения брака Петр готов был навсегда отречься от княжеского престола. И Господь помог сохранить ему и брак, и престол.

Святых благоверных князей Петра и Февронию глубоко почитают не только на их родине — в городе Муроме, но и далеко за ее пределами. Они являются покровителями православной семьи и брака. Почти в каждом храме есть икона с изображением святых супругов, а в некоторых городах в их честь освящены и сами храмы.

И все же главный храм, с которым, прежде всего, ассоциируются имена святых Петра и Февронии, — это Троицкий собор Свято-Троицкого монастыря в Муроме. Здесь покоятся их мощи, перевезенные сюда в 1992 году из Благовещенского мужского монастыря. Ежедневно тысячи паломников приезжают в монастырь, чтобы поклониться святым угодникам Божиим и помолиться им о семейном благополучии.

МОЛИТВА ПЕТРУ И ФЕВРОНИИ

О, величьи угодницы Божии и предивнии чудотворцы, благовернии княже Петре и княгине Февроние, града Мурома предстатели, честнаго брака хранители и о всех нас усерднии ко Господу!

Вы во дни земнаго жития вашего образ благочестия, христианския любви и верности друг ко другу даже до гроба явили есте и тем законное и благословенное супружество прославили есте.

Сего ради к вам прибегаем и молимся со усердием крепким: принесите за нас, грешных, святыя молитвы ваша ко Господу Богу, и испросите нам вся благопотребная душам и телесем нашим: веру праву, надежду благу, любовь нелицемерну, благочестие непоколебимое, в добрых делех преуспяние, наипаче же союзом брачным сочетавшимся даруйте молитвами вашими целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, единомыслие душ и телес, ложе ненаветное, пребывание незазорное, семя долгожизненное, о чадех благодать, дома исполнены благостыни и в жизни вечней неувядаемый венец славы Небесныя.

Ей, чудотворцы святии! Не презрите молитв наших, со умилением вам возносимых, но будите приснии заступницы наши пред Господем и сподобите нас предстательством вашим спасение вечное получитьи и Царствие Небесное наследовати, да славословим неизреченное чело-веколюбие Отца и Сына и Святаго Духа, в Троице покланяемаго Бога, во веки веков. Аминь.

Святые Петр и Феврония являются покровителями православной семьи и брака. С установлением в 2008 году Дня семьи, любви и верности, который совпадает с днем памяти святых супругов, количество памятников им значительно увеличилось. Скульптурные композиции устанавливаются в рамках программы «В кругу семьи».

Программа была создана в 2004 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия II. Ее деятельность направлена на укрепление института семьи в нашей стране.

На сегодняшний день памятники святым Петру и Февронии установлены в более чем 20 городах России, среди которых Сергиев Посад, Ярославль, Екатеринбург, Сочи, Новосибирск, Иркутск и другие.

Один из первых памятников святым Петру и Февронии был установлен на их родине — в Муроме, около местного здания ЗАГСа. Композиция носит название «Союз любви — мудрый брак». Согласно местной традиции, молодые люди в день бракосочетания приезжают на это место, чтобы попросить благословения у святых, чья супружеская жизнь, исполненная любви, преданности и доверия, является примером для подражания. □

Дмитрий Зелов

СТАРЕЙШИЙ МУЗЕЙ ПОДМОСКОВЬЯ

На западе Московской области есть небольшой, но уютный в своем неспешном очаровании городок Руза. Ее улочки-шкатулочки, то поднимающиеся круто в гору, то извилисто сбегаящие вниз, к подножию одноименной реки, и давшей название городу, словно приглашают нас прогуляться по живописным окрестностям. За прошедшие века Руза пережила вместе со страной взлеты и падения, а ныне, бережно сохраняя рассыпанные по ее территории бриллианты старины, уверенно смотрит в будущее. В самом центре Рузы, в старинном купеческом особняке, расположился краеведческий музей. Вроде бы музей как музей, ведь подобных очагов культуры на просторах нашей необъятной страны сотни. Однако, не будем торопиться, ведь Рузский краеведческий музей — старейший в Подмоскovie. Ему уже более века, и ведет он свою историю аж с 1906 года.

За прошедшее столетие музей несколько раз менял место своей дислокации, был варварски разграблен (а фактически уничтожен) за недолгий период фашистской оккупации Рузы с конца 1941 по начало 1942 года, но каждый раз возрождался, подобно сказочной птице Феникс, из небытия на радость ружан и гостей города. В наши дни, в начале XXI века, музей по праву гордится тем, что органично сочетает предметы ста-

ки экспоната, ибо все обширное и разноплановое собрание краеведческого музея — это дар равнодушных к истории и культуре жителей Рузы и ее округи.

Посетителей, впервые оказавшихся в здании музея, неизменно привлекает древо-земляной макет Рузского кремля, бывшего в средневековье не только зримым украшением города, но и его надежным защитником. Беспощадный ход време-

рины с передовыми информационными технологиями. Кстати, примечательный факт: в коллекции Рузского краеведческого музея нет ни одного приобретенного за дензна-

ни, увы, не сохранил для нас местный кремль в натуре, но зато, благодаря детально выполненному макету и сохранившимся в городе валам, мы можем себе представить,

как он выглядел много столетий назад.

Как нам рассказали в ходе обстоятельной экскурсии сотрудники музея, на самой вершине Рузского кремля есть крошечное озерцо. Оно было выкопано еще в древности, на случай осады, и не раз выручало ружан, когда враги подходили к самым стенам города. Вот только вода в нем обладает удивительным свойством: ее уровень то понижается, то повышается в зависимости от уровня протекающей у подножия кремля речушки Городянки, ныне превратившейся фактически в ручеек, но еще в позапрошлом веке бывшей весьма полноводной, хоть и неширокой речкой. Как такое возможно — загадка! Но факт остается фактом, а отгадка кроется, скорее всего в том, что не-

ведомыми подземными ходами воды Городянки сообщаются с озерцом Рузского кремля.

В местном краеведческом музее выставлено немало занятных вещей. Многие ли из вас, к примеру, могут сходу ответить на вопрос: что такое поняга?! Вот и нас это словцо, признаемся, поставило в тупик, пока мы не увидели берестяной рюкзак, в который век назад предки ружан складывали добытые в лесу охотничьи трофеи. Нельзя пройти мимо и другого музейного экспоната, неизменно вызывающего улыбку. Это столетней давности плетеный детский стульчик с дыркой посередине. Вот так: все гениальное — действительно просто!

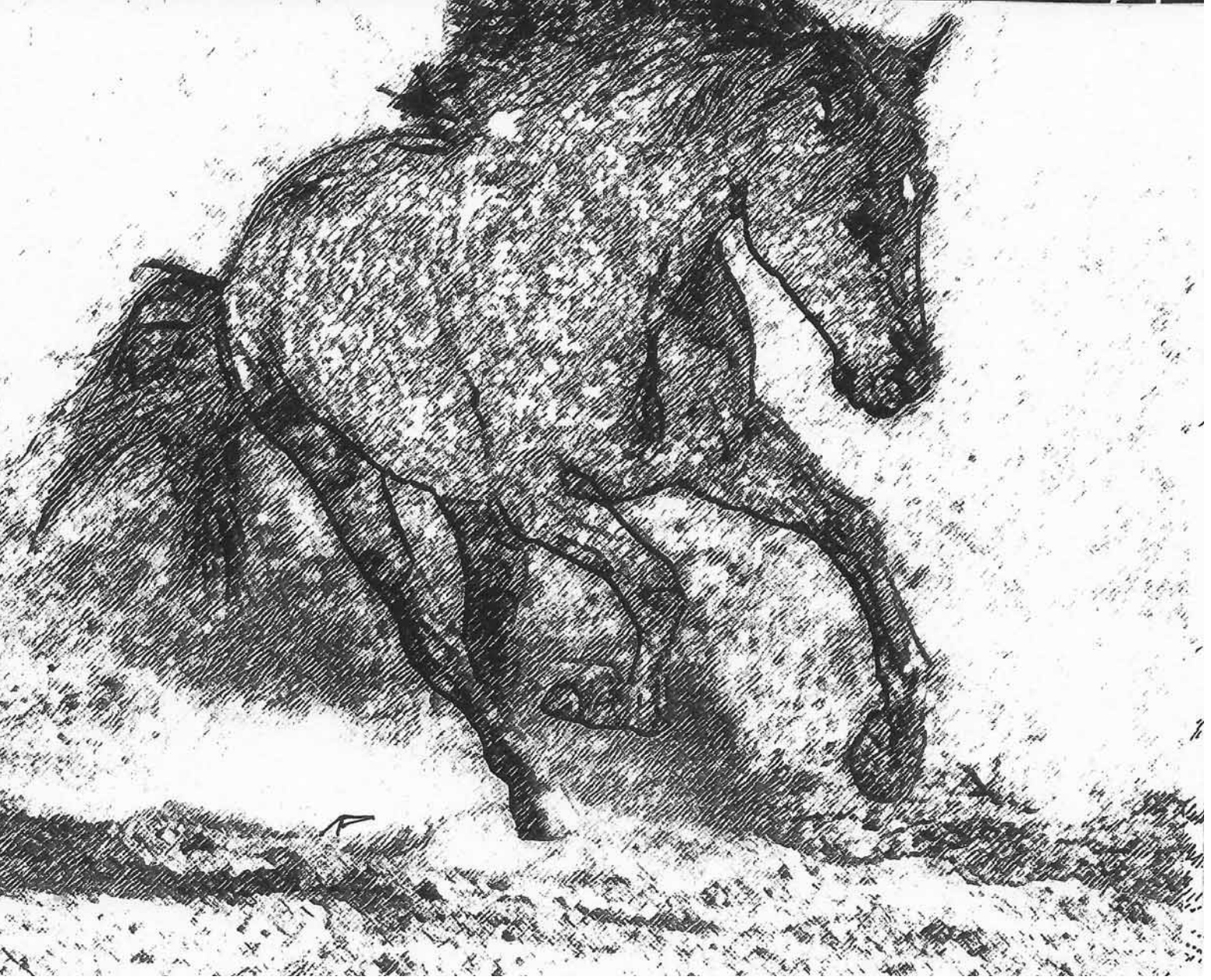
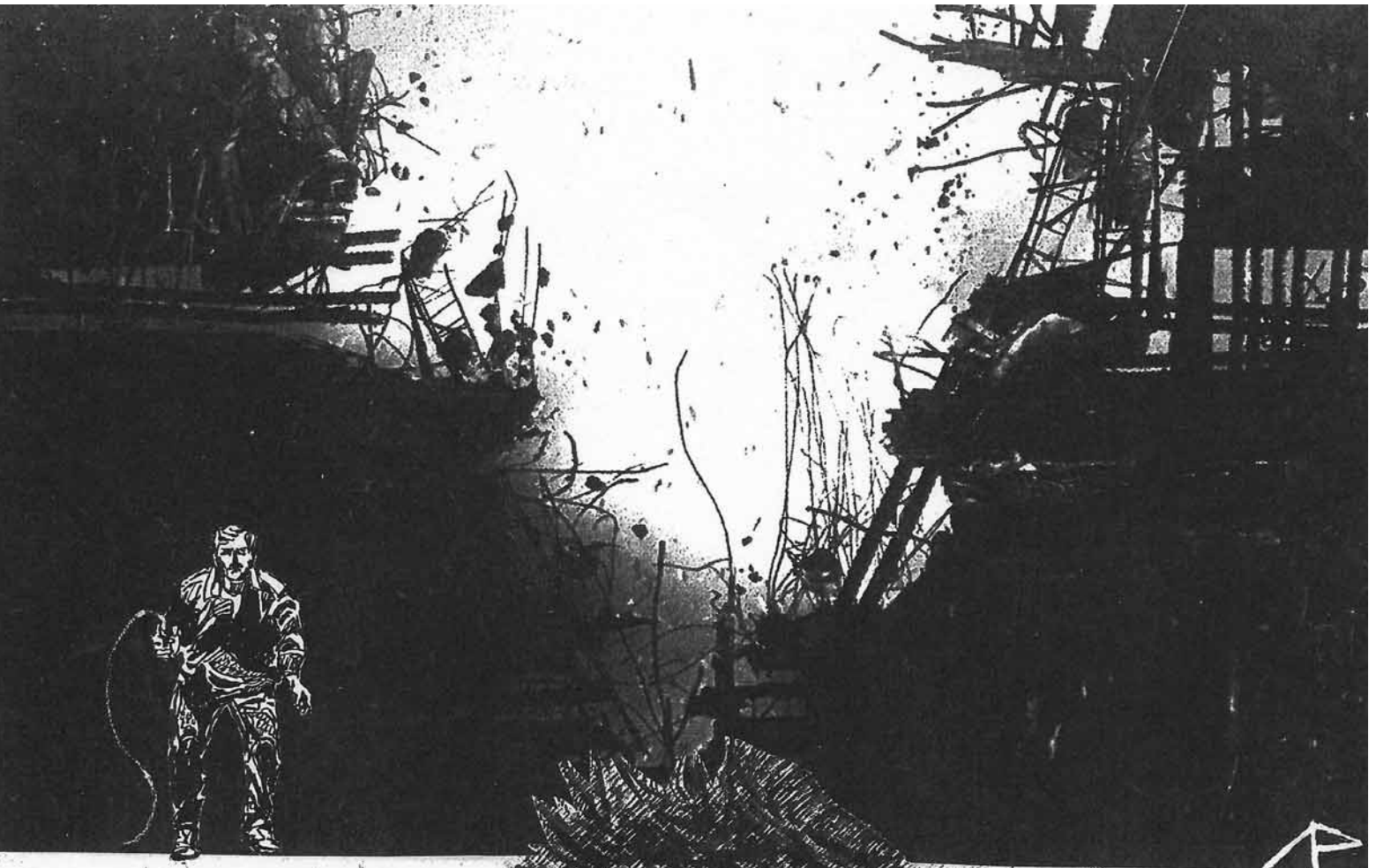
И все же большая часть выставленных в Рузском краеведческом музее

предметов так или иначе связана с Великой Отечественной войной, прошедшей через сердца и судьбы его жителей. Среди нескольких десятков и советских, и трофейных экспонатов той трагичной и славной поры наше внимание привлек совок для выгребания золы из буржуйки. Он был выполнен из... фашистской каски, к которой безымянный кулибин приделал ручку! Понятное дело, что для выгребания золы в ход шли только вражеские головные уборы. Или вот другой занятный экспонат — советская стеклянная армейская фляжка. Такие использовались в нашей армии в самом начале войны, но оказались тяжелыми, а главное — хрупкими, и потому были в скором времени заменены на удобные и неприхотливые алюминиевые.

...О Рузском краеведческом музее и его экспонатах можно говорить и писать еще долго. Но лучше, как говорится, один раз увидеть. А потому, выбирайте погожий день и приезжайте в Рузу. Прогуляйтесь по ее улочкам, вдохните аромат свежего воздуха и не забудьте непременно посетить старейший краеведческий музей Подмосковья. Радужные сотрудники музея обязательно проведут для вас замечательную экскурсию. □

Победа

Началось утро. Солнце еще не вышло из-за круглой глиняной горы Кыз-курган, еще не выжгло небо добела, и оно было синим и глубоким. Чуть левее желтой зари блуждал прозрачный месяц, а гора, заслонившая мир от солнца, была еще черной.

Перед юртой старуха доила козу, и звон струи о дно ведра расплывался по долине. В устье ближнего сая грязно белела отара. От нее исходил душный запах шерсти, помета, пыли, довольства. Чабаны спали на невысоком холме над отарой, завернувшись в вытертые тулупы. В потухшем кострище жирно чернел закопченный кумган. Кизяк слабо дотлевал, исходя извилистым синим дымком.

Я сидел в юрте напротив Нияза и запоминал приметы пути с урочища в аул Хакан-кала.

— Пойдешь по долине вниз и повернешь в четвертый большой сай направо. Когда поднимешься по нему до самого верха, то увидишь синюю кривую гору. Далеко. Возьмешь на две ладони вправо от нее и пойдешь быстро. Там ровное место, и не на что смотреть. Но ты иди прямо, чтобы солнце все время грело тебе левую щеку. Когда дойдешь до места, где гора упирается в пески, повернись так, чтобы солнце было у тебя на затылке, и скоро увидишь на краю маленький темный курган. Это будет роща перед Хакан-калой. Если пойдешь правильно, будешь там до зноя. Однако ты уже опоздал идти сегодня, инженер, зной быстро догонит тебя. Побудешь сегодня здесь, а завтра старуха растолкает тебя вовремя.

— Но меня будут ждать и беспокоиться, — ответил я.

— Много теряешь. Сегодня придет табун, и будут отлавливать жеребят. Ты же хотел увидеть.

Вошла старая Саным, поставила ведерко с молоком между нами и открыла его большой ноздреватой лепешкой с неровными краями. Мы стали

есть. Саным сбросила полу халата с головы и неловко стала укладываться на свои одеяла у входа.

Под ее зеленой просторной рубахой угадывались опустевшие большие груди.

— Пойдем смотреть табун, — сказал Нияз, когда молоко и лепешка кончились.

С высоты недолгого, в одно дыхание, подъема, почти в самом устье долины я увидел распластанное по дну ее землистое облако. Оно было тяжелое и мягко, медленно ползло в нашу сторону.

— Вот, — сказал Нияз, — пасутся. Вечером дойдут до источников. Здесь твой любимый Курбан со своими джигитами. Приехали, пока ты спал. Теперь пошли назад.

Начиналось время, когда человеку надо сидеть в тени и пить горячий чай. У того, кто будет ходить по солнцу, язык заполонит весь рот, не давая говорить и дышать. Мы вернулись в юрту.

Близ колодцев у водопойного желоба понуро стояли кони. Их было пять — три крупных гнедых жеребца, буланый мерин и игренева со звездой кобыла. Они тыкались мордами в тухлую стоялую жижу и брезгливо вздергивали головами. С их губ падали мутные капли.

Пока я приводил в порядок записи маршрута, который привел меня вчера вечером в стан Ниязовой бригады, приготовили плов. В глубоком чугунном казане сквозь желтые прозрачные зерна риса булькали мелкие пузырьки кипящего сала. Мухи очнулись и бешено закружились, ожидая, когда казан снимут с огня. Крупная фаланга выползла из-под большой глиняной касы, ожидая, когда мухи потеряют осторожность.

Кошма на входе отдернулась до половины, и в засветившемся проеме показались сводчатый верх текинской шапки и черная рука со сведенными острыми пальцами. Саным набросила на голову полу халата и прикусила яшмак. Вошедший выпрямился. Это был старик Курбан, и внешность его была причудлива из-за перенесенной в детстве трахомы. Уцелевший глаз его был красным и немигающим. Он сел, принял пиалу и сказал:

— Пусть отару гонят вверх от родников, Нияз. И пусть оставят здесь собак.

— Якши, якши, — бормотал Нияз, подливая Курбану чай в тонкую светящуюся пиалу.

— Где будешь ловить, Курбан? — спросил я.

— Где всегда, в Гек-сае. Ты поднимайся на Кара-бурун, — ответил мне Курбан, — оттуда будет видно хорошо.

Скала Кара-бурун замыкала душный провал Гек-сая. Стенки сая были отвесны, и на глубину человеческого колена он был завален пересохшей,

невесомой колючкой, которую ветер нанес туда за несколько лет. Я сидел на остывающем черном камне, свесив ноги в глубокую пустоту. Слева ярким желтым куполом возвышался Кыз-курган, освещенный косым солнцем. Бурым пятном распластались камыши, охраняющие источники. Отара разбрелась по склонам Кыз-кургана.

Стан Ниязовой бригады был оживлен. Работал движок, насосы качали воду из колодцев, наполняя желоба. Седлали лошадей и гнали верблюдов к устью Гек-сая. Собаки, которых было много, смиренно сидели между юртами, опустив пудовые морды. Над юртами поднимался дым, слышалась музыка транзисторов.

Я ждал. Ящерицы высовывались над кромкой обрыва и исчезали. Эфа подняла свою скуластую головку, наполненную ядом дневного сна, долго смотрела на меня, потом исчезла. Пес Акбай, который любил ходить со мной, лег рядом и косил на меня из-под нависшего лба свои грустные волчьи глаза. Низко обрезанные уши его шевелились в густой шерсти. Вдруг шерсть вздыбилась, черная губа беззвучно поднялась над сточенными зубами. Я уловил перемену вокруг, еще не понимая, в чем она. Стало чуть темнее, оттенки цветов сместились. Стена пыли накатывалась по долине снизу. Она густела быстро. На время, более короткое, чем перебой дыхания, меня охватил темный страх оседлого перед набегающей лавой степных коней. Из стана четверо выезжали веером на склон, противоположный Гек-саю. Всадники и кони хорошо выделялись — черные на белом. Вслед за пылью пришел стук многих копыт.

Впереди размашистой рысью бежал огромный жеребец редкой масти — черный, с белым ремнем вдоль хребта. За ним рысили матерые кобылы, временами переходя на короткий галоп. Сосунки жались к их лоснящимся бокам. Молодняк держался сзади. Они сталкивались, коротко и зло схватывались, разбегались. Табун стремился к воде. Меченый вожак уже сломал широчайшей грудью крайние камышины на пути к источникам. И тут из густоты зарослей донесся протяжный волчий вой, и ударили гулкие выстрелы. Тлеющие пыжи взлетели высоко. Вожак сел на круп, вспоров передними копытами хилую почву, потом легко перебросил свое тяжелое тело кругом и захрапел. Преодолевая замешательство, табун потек вверх по долине. Когда вожак был почти уже напротив устья Гек-сая, ловцы с противоположного склона бросили своих лошадей вбок табуну, заставляя диких скакунов жаться друг к другу. Табун закипел. Всадники визгливо выли, заваливаясь в седлах. Собаки, разъяренные шумом и суматохой, исходили злобным хриплым лаем. Они стаяй, по-волчьи, набрасывались на отстающих лошадей, и те с размаху врезались в плотную массу табуна. Всадники сместились, охватывая табун спереди, чтобы не дать вожаку проскочить

устье Гек-сая. Цепь пеших и собаки нажали сбоку, и табун начал вдавливаясь в узкую горловину. Плачущее ржание лошадей гасилось глиной обрывов. От тесноты лошади вскидывались на крупы соседей. Некоторые падали, запутавшись в стеблях колючки. Скоро весь табун оказался запертым в Гек-сае. Кобылы сбились в круг, держа сосунков в середине. Вожак стоял в стороне неподвижно. Молодняк бестолково топтался тесной кучей, забыв про ссоры. Несколько заматеревших жеребцов, соперников вожака, пытались пробиться из ущелья, но собаки их не пускали.

Я стоял, удерживая Акбая, который рвался вниз. Всадники — перед тем я их потерял из виду — были теперь над правым обрывом, и солнце светило в сай через их спины. Из сая неслись храп, визг, ржание. Пыль поднималась плотным белесым куполом, и по нему бродили солнечные блики. Верблюды беспокойно пританцовывали — мальчишка на буланом мерине каркающим криком удерживал их на месте. Черные фигурки всадников двигались вдоль клубящейся стены, что-то выбирая. Курбан показывал вниз, заставляя остальных смотреть по направлению своей руки. Потом тесная кучка ловцов снова распалась цепью.

Белесую мглу пробили черные и белые молнии волосяных и капроновых арканов. Все четыре петли упали на шеи жеребят по выбору Курбана. Поворотом своих тяжелых коней ловцы сбивали пойманных с ног, и вокруг них образовывалась пустота, потому что остальные боялись. Упавшие бились, вскидывая то грудь, то зад, но натянутый аркан мешал подняться. Всадники с обрыва метнули еще по одной петле, двое промахнулись и стремительно перебросили веревку кольцами с ладони на локоть. Курбан въехал на бугор над самой долиной и крикнул что-то вниз. Цепь загонщиков распалась, открывая ворота табуну. Всадники краем обрыва спускались в долину. Табун с грохотом лился из сая. Прежде чем упавшие успевали подняться, на них наваливались люди, стягивая им ноги арканами. Жеребята, уже белые от мыла, все бились, изгибаясь кольцами. Мальчишка гнал верблюдов в сай. Свободные концы арканов вязали к их недоуздам. Потом их стали по одному выводить из сая обратно к стану. Верблюды шли медленно, с усилием, задирая морды; бьющиеся жеребята боком тащились за ними, сгребая вал сухой колючки. Широкие борозды, пропаханные их телами, вытягивались к овечьему загону. Ошеломленный табун нерешительно перемещался в сторону источников. Один вожак, не тая угрозы, двинулся к всадникам. Забыв жажду, он исполнял долг сильнейшего — водителя и отца табуна.

Разгоряченная кобыла боком шла под Курбаном, и он, вставая на высоко поднятых стремянах, что-то тонко, со звоном кричал, указывая на медленно подходящего жеребца. Остальные всадники отрицательно мотали головами. Тогда Курбан поднял кобылу на дыбы и крикнул им что-то со-

рванным горлом, из чего я понял только «донгуслар» — «трусы». Явно нехотя, конные клином двинулись навстречу вожаку. Он смотрел на них красными безумными глазами, в которых полыхала жажда убивать. Под блестящей шкурой прокатывались высокие волны мышечной судороги. Ноздри вздувались и опадали. Хвост мел землю. Курбан крикнул что-то про камни. В голосе его был азарт, радость, нетерпение. Я не узнавал своего безмятежного, как пески, учителя. Несколько ребят из Ниязовой бригады бросились набивать камнями два больших брезентовых мешка. Набитые мешки тащили к рельсу, врытому зачем-то на полпути между станом и источниками. Их волокли по земле, взявшись за углы по двое.

И вот вожак прыгнул на ближайшего всадника, но тот отскочил, и Меченый пролетел мимо. Прежде чем он успел повернуться, две петли упали на его крутую неохватную шею, и ловцы силой своих крупных тяжелых коней рванули вожака дальше по его пути. Рывок двух коней, соединенный со стремлением его собственного мощного тела, бросил вожака на колени — и дальше, головой оземь. Теперь он лежал грудой, как не ляжет живая лошадь: на брюхе, с подобранными передними и разбросанными задними ногами. Курбан слез с лошади и направился к нему походкой человека, жизнь которого прошла в седле. Сильно наклонившись, прогнув спину, он шел мелкими шагами, выворачивая ступни наружу. Голова его напряженно покачивалась. Он подошел к оглушенному жеребцу с головы и постоял, собрав лицо морщинами. Почесал темную безволосую грудь под распахнувшимся халатом рукоятью тяжелой волчьей камчи. Жеребец зашевелился, оживая. Курбан что-то делал, склонившись над ним. Мне показалось, что он самоубийца, что никто не сможет спасти его через секунду, когда вожак поднимется. Курбан стоял, нагнувшись, наложив руки на ноздри жеребца, когда тот неуловимо быстро поднялся на ноги. Все это перед моими глазами проплывало медленно и плавно, как соскальзывание тела по мелкой осыпи. Вот вожак поднимает голову и грудь, начиная отрывать передние копыта от земли. Рука Курбана, не отпуская храпа, тянется вверх, и сам он вытягивается за своей вздыбившейся смертью. И вдруг могучий зверь опять валится на колени, а Курбан смотрит сверху и опять морщит лицо, открывая редкие темные зубы. На этот раз жеребец почему-то покорно пошел за Курбаном к рельсу, волоча за собой оба аркана. Следы их в пыли были похожи на змеиные. Концы путались в пучках жухлой травы и выдергивали стебли. Человек и конь шли ко мне, и я увидел, что верхняя губа пленника защемлена волосяной удавкой, а Курбан держит в руке палочку-закрутку. Жеребец подчинился. Его была крупная дрожь.

Табун пил из источников, растоптав камыш. Сейчас им не нужен был вожак.

Курбан держал пленника, пока его люди вязали арканы к рельсу, покрывали белый ремень хребта пыльным войлоком и выючили мешки с булыжником. Когда все было кончено, он, скалясь, крикнул: «Бир, эки, уч!» — и все бросились по сторонам, как куры от камня.

Вожак постоял немного, подседая на задние ноги, а потом рванулся, думая, что он свободен. Бешенство его было столь велико, что рельс подался, было, но устоял.

Много раз жеребец был сбит с ног арканами и непосильным грузом. Он хрипел, полузадушенный, и кровь струйкой текла по шее из-под узла на белом аркане, окрашивая капрон. Это длилось долго.

Освеженный водой табун лавой расходился по урочищу. Вожак не видел своих, но все смотрели на него.

Когда он перестал вскакивать, а стал медленно подниматься сначала на передние, а потом на задние ноги, Курбан подошел к нему с уздой. Он переждал последний взрыв бешенства и сел поверх выюка. Жеребец под Курбаном пошел шагом, равнодушный к своему унижению. Курбан обрезал выюк, и мешки упали со скрежещущим грохотом. Конь не отозвался. Курбан направлял его к загону, и он подчинился. Перед самой загородкой его остановило плачущее ржание жеребят. В последний раз его подняло чувство долга, и он бросился на изгородь, чтобы освободить своих. Курбан остановил его уздой и камчой. Дважды объехав стан, он перевел коня сначала на рысь, а потом поднял его в галоп, но это была уже агония. Когда жеребец перестал двигаться, Курбан спрыгнул с него и пошел навстречу своим. Торжество поднимало его над землей.

Вороной конь с белым ремнем вдоль хребта, ставший грязно-саврасым от мыла, пыли, стоял, широко расставив ноги, как не обсохший сосунок. Его заметно водило из стороны в сторону. Табун не двигался с места, смотрел на него.

В загоне все не хотели успокоиться жеребята. Их распутали, и они тыкались в занозистые доски, не глядя пока на раскрытые хурджины с ячменем. Они ждали, когда их отправят на ипподром в большой город, сами того не зная. Возможно, им предстояло блестящее будущее.

Табун двигался, обтекая стан, к Кыз-кургану, стремясь обойти отару и выйти на непотравленное место. Солнце падало за равнину, и западный склон Кыз-кургана светился желтым. Ветра не было. Дневная пыль над урочищем висела неподвижно.

Я возвращался в юрту Нияза, вынуждаемый вежливостью. Подойдя к ней, услышал вдруг шум разгневанных голосов внутри. А потом ко мне вышел Нияз.

— Понравилось? — спросил он.

— Видно было хорошо, — ответил я.

— Там старуха Курбана ругает.

— За что?

— И всегда он был бешеный! — не отвечая, в сердцах выговорил Нияз.

Тут из юрты вышел Курбан, в черном проеме показалась Саным, которая продолжала кричать, придерживая, однако, яшмак у рта. Нияз сказал, не улыбаясь:

— Говорит, Меченый теперь не будет крыть кобыл, а ведь он наилучших кровей. Она права.

Курбан дошел до своей лошади и с облегчением поднялся в седло.

— Баджи-и... — протянул он, глядя вверх. Потом повернулся ко мне и спросил: — Идешь в Хакан-калу?

Я чуть помедлил с ответом, пристально вглядываясь в него. Курбан остался тем же. Тот же человек, что приворожил меня в начале моей жизни здесь. Потом ответил:

— Да.

— Отведи домой Юлдуз, — похлопал он кобылу по длинной сухой шее. — Я поеду в город с отловом. Скажу ей, она будет тебя слушаться. Будешь в ауле к темноте, если выедешь сейчас.

— Да, — повторил я, — да! — Мне не хотелось оставаться здесь.

Путь мой в Хакан-калу был благополучен.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Сай — сухой ручей

Кумган — род чайника

Каса — миска, большая пиала для супа

Яшмак — «платок молчания» — головной платок, конец которого туркменка должна держать зубами в присутствии посторонних мужчин

Бир, эки, уч! — раз, два, три

Камча — плеть

Хурджин — ковровый мешок

Баджи — женщина, баба. □

Алла Зубкова

Царевич Алексей

Он не прославил свое имя ни на поле брани, ни на дипломатическом поприще, ни в делах управления государством. Сын от первой, нелюбимой жены Петра, царицы Евдокии, он мало что унаследовал от своего великого отца. Однако было бы ошибкой усматривать в отношениях между Петром и царевичем Алексеем только семейную трагедию, порожденную различным темпераментом, складом характера, духовным обликом. Друг другу противостояли не только отец и сын, но два различных представления о роли верховного правителя и благе государства. Отец счи-

тал себя слугою государства, в то время как сын готов был довольствоваться пассивной ролью «помазанника Божьего», не обременяя себя трудами и ратными подвигами. Более того, у Петра имелись все основания подозревать, что сын, будучи наследником трона, повернет ход истории страны вспять, откажется от преобразований, достигнутых титаническими усилиями царя и его подданных. Судьба сына или судьба страны — таков был у царя выбор, и он его сделал.

Царевич Алексей появился на свет 18 февраля 1690 года, вскоре после женитьбы восемнадцатилетнего Петра на юной Евдокии Лопухиной. Дуня была недурна собой, нравом кротка, но наивна и простовата. Петру она быстро наскучила. Рождение сына не сблизило супругов. Отец не очень обременял себя его воспитанием. Разумеется, в первую очередь это объяснялось занятостью молодого царя — его непрерывными разъездами, строительством кораблей, первыми военными походами, посольскими делами, частыми визитами в Немецкую слободу, романом с Анной Монс. Но были и другие проблемы. Навестить сына означало столкнуться с его матерью, которой царь открыто пренебрегал, а потому он предпочитал избегать обоих. Естественно, Алексей чувствовал, что между родителями непреодолимая пропасть, и что отец в душе воспринимает его, как одно целое с матерью. Таким образом, в самые ранние годы, когда формировался характер царе-

вича, Алексей чувствовал исходящее от отца недовольство и привык видеть в нем непонятную, но, возможно, враждебную силу. В то же время, находясь под влиянием матери, он невольно принимал ее сторону и усваивал ее образ жизни и мыслей.

В 1698 году Петр, срочно вернувшись из Европы домой, чтобы подавить стрелецкий бунт, отправил царицу в монастырь, а Алексея отослал в Преображенское, на попечение своей сестры, царевны Наталии Алексеевны. До этого Алексея учил грамоте Никифор Вяземский, человек достаточно начитанный, но слабый и лишенный педагогических способностей. Царевич рано научился «вертеть» своим наставником, уваливая от занятий. Тем не менее, кое-каких успехов он все-таки добился. Ему исполнилось тринадцать, когда Петр в качестве наставника приставил к нему германского доктора права барона Генриха фон Гюйссена. Согласно разработанной Гюйссеном программе, Алексей должен был изу-

чать французский, немецкий и латынь, штудировать математику, историю и географию. Ему надлежало также заниматься фехтованием, танцами и верховой ездой. Гюйссен достаточно высоко оценивал способности царевича, хотя не отрицал, что порой Алексей склонен отлынивать от занятий. Барон занимался практическими вопросами обучения царевича, официальным же воспитателем Алексея числился А.Д. Меншиков, в обязанности которого входил общий надзор за его

дился в Москве, а сам он большую часть времени проводил в Петербурге или в боевых походах и редко посещал «первопрестольную».

Сам Петр особого внимания сыну не уделял, но порой в нем просыпалось желание приучить наследника к воинским трудам. Несколько раз он брал его с собой в походы и осады. Так тринадцатилетний Алексей присутствовал при штурме Ниеншанца, а годом позже при штурме Нарвы.

Через какое-то время Петр стал поручать ему самостоятельные за-

Д

руг другу противостояли не только отец и сын, но два различных представления о роли верховного правителя и блага государства. Отец считал себя слугою державы, в то время как сын готов был довольствоваться пассивной ролью «помазанника Божьего», не обременяя себя трудами и ратными подвигами

обучением и вообще за подготовкой наследника к обязанностям монарха. Разумеется, Петр отлично понимал, что Данилыч вряд ли годится на роль воспитателя юноши, но этого от него и не требовалось. Просто Петр хотел, чтобы за подготовкой наследника престола наблюдал его ближайший друг, человек, облеченный его полным доверием, разделявший все его мысли. Впрочем, Меншиков при всем желании не мог полностью контролировать занятия царевича, поскольку тот нахо-

дился в Москве, а сам он большую часть времени проводил в Петербурге или в боевых походах и редко посещал «первопрестольную». Сам Петр особого внимания сыну не уделял, но порой в нем просыпалось желание приучить наследника к воинским трудам. Несколько раз он брал его с собой в походы и осады. Так тринадцатилетний Алексей присутствовал при штурме Ниеншанца, а годом позже при штурме Нарвы. Через какое-то время Петр стал поручать ему самостоятельные за-

*Евдокия
Лопухина —
первая жена
Петра I
и мать
царевича
Алексея*

как он захочет. Алексей оказался в обществе людей, которые предпочитали старые порядки и страшились реформ и нововведений Петра. Это были представители старых аристократических семейств и церковники. Кроме того, у Алексея составилась кружок близких друзей, с которыми он, подобно отцу в юности, любил покутить и крепко выпить. Кстати, позднее царевич утверждал, что к пьянству его приохотил Александр Данилович во время своих приездов в Москву.

После Полтавской победы Петр принял два важных решения, касавшихся сына: Алексей должен получить европейское образование и европейскую жену. Все это, по мысли царя, сможет отвратить его от старомосковской жизни, которая все больше затягивала наследника. Решено было отправить царевича в Саксонию, в Дрезден. Учиться там Алексей должен был под присмотром семьи курфюрста, а в жены ему была предназначена принцесса Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбют-

*Царевич
Алексей*

тенская, которая жила в Дрездене под бдительной опекой своей тетки, польской королевы.

Весной 1711 года Алексей приехал в Дрезден. Курс наук, которые ему предстояло изучать, включал как общеобразовательные дисциплины, так и танцы, рисование и фехтование. С Шарлоттой царевич познакомился в Карлсбаде, на водах. После второго свидания Алексей официально попросил ее руки. Нельзя сказать, что внешность будущей супруги пленила наследника российского престола. Шестнадцатилетняя Шарлотта была высока ростом,

худощава. К тому же ее от природы не очень красивое лицо было довольно сильно подпорчено оспой. Впрочем, Алексея также нельзя назвать писанным красавцем. Высокий (иностранцы утверждали, что его рост составлял шесть футов (183 см)), был он худощав, крутолоб, почти всегда с суровым выражением лица. В одежде он был весьма неряшлив. Тем не менее, и Шарлотта, и Алексей были достаточно практичными молодыми людьми и к внешним недостаткам друг друга относились весьма снисходительно. Шарлотта написала матери, что

жених показался ей разумным и учтивым, и что для нее большая честь стать избранницей царского сына. Алексей со своей стороны понимал, что «Шарлотта — человек добрый, и лучше ее мне здесь не сыскать».

Свадьба состоялась в середине октября 1711 года в Торгау. Она проходила в интимной обстановке в присутствии Петра и носила весьма скромный характер. После ужина

глазах у прислуги. Наутро он вспоминал эти кошмарные сцены и пытался загладить их лаской. Шарлотта всякий раз его прощала, но душевные раны ее становились все глубже.

Отношения с отцом также были далеки от идеальных. Сразу после приезда Алексея из Дрездена Петр решил проверить знания сына, приказав ему принести выполненные там чертежи. Царевич испытал при-

После Полтавской битвы Петр принял для себя два важных решения, касавшихся сына: Алексей должен получить европейское образование и европейскую жену. Решено было отправить царевича в Дрезден, где в жены ему была предназначена принцесса Шарлота Брауншвейг-Вольфенбюттенская, которая жила там под бдительной опекой своей тетки, польской королевы

Петр лично отвел молодых в отведенные им покои. Наутро он же разбудил их и позавтракал с ними в спальне.

В первые полгода семейной жизни Шарлотта всем говорила, что очень счастлива. Впрочем, вскоре Петр разлучил сына с женой, отправив его в армию, находившуюся в Померании. Встретившись после разлуки, которая длилась почти год, молодые поначалу были нежны друг с другом, но вскоре все пошло вкривь и вкось. Алексей страшно напивался в компании друзей, а когда возвращался домой, оскорблял супругу на

ступ животного страха: а ну как ба-тюшка заставит его чертить при нем! Он поплелся в кабинет и, разыскивая бумаги, в ящике стола наткнулся на пистолет. Стремясь любой ценой избежать «экзамена», Алексей решил простелить себе ладонь, но в последний момент струсил. Раздался выстрел, но он лишь обжег порохом руку. Отца ему провести не удалось. Петр пришел в страшную ярость, но, в конце концов, гнев его постепенно улегся.

Царевич продолжал при любой возможности отлынивать от дела. Старался избегать встреч с отцом.

Друзьям говорил, «что не токмо дела воинские отца, но и сама особа его зело ему омерзела, и для того всегда желает быть от него в отлучении». Невольно, но неизбежно Алексей сделался центром притяжения для серьезной оппозиции царю. Все, кто противостоял Петру, видели в его сыне надежду на будущее. Среди них было немало влиятельных лиц — князя Долгорукие, Голицыны, Шереметевы, Куракины. Одним из главных и наиболее близких советчиков царевича был Александр Васильевич Кикин, бывший денщик Петра. В свое время Кикин пользовался таким же расположением Петра, как и Меншиков, и унаследовал обязанности последнего по устройству царского быта. Между царем и денщиком установились дружеские отношения. Петр назначил его на должность главы интендантской службы в Адмиралтействе. Кикин, однако, проворовался и был привлечен к следствию, в результате чего у него случился апоплексический удар. Благодаря заступничеству Екатерины ему удалось избежать сурового наказания. Затаив злобу против царя, он рассчитывал на реванш и продолжение карьеры. Но связывал свои надежды уже не с Петром, а его наследником. С этой целью он и сблизился с царевичем.

Пропьянствовав всю зиму 1713 года, Алексей заболел. Доктора обнаружили у него чахотку и прописали лечение на карлсбадских водах. Петр дал разрешение на поездку. Шарлотта, находившаяся на восьмом месяце беременности, узнала об отъезде су-

пруга последней. Он даже не обнял ее на прощание. В середине июля 1714 года, через пять недель после его отъезда, Шарлотта родила дочь, которую назвали Натальей. Алексей никак не отозвался на эту новость. Да и вообще за шесть месяцев его отсутствия жена не получила от него ни одного письма. Вернулся он в Петербург в середине декабря. Поначалу прилично вел себя с Шарлоттой и восхищался дочерью. Но затем снова принялся за старое. Однако попойками дело теперь не ограничивалось. Царевич не на шутку увлекся девицей Евфросиньей Федоровой, находившейся в услужении его бывшего учителя Никифора Вяземского. Алексей поселил ее в левом крыле своего дома, тогда как Шарлотта с дочерью жила в правом крыле. Он совершенно не интересовался женой, виделся с ней раз в неделю, когда мрачно являлся исполнить супружеский долг в надежде произвести на свет сына и тем закрепить свои права на престол. В октябре 1715 года его «труды» дали результат — у него родился сын, которому суждено было взойти на российский трон под именем Петра II. Увы, через четыре дня после рождения сына у Шарлотты открылась горячка, и она скончалась. О супруге царевича горевали недолго. На следующий день после ее похорон жена Петра Екатерина родила сына, которого также нарекли Петром. Маленькому царевичу не удалось взойти на отцовский трон — он умер трех с половиной лет отроду.

Петр I

Спустя неделю после смерти Шарлотты Алексей получил от отца письмо, в котором тот недвусмысленно выражал свое недовольство его поведением и угрожал лишить его наследства, если он не одумается. Прочитав его, царевич обратился за помощью к Кикину. Тот посоветовал ему отказаться от престола. Алексей так и сделал. Однако, зная характер сына, Петр усомнился в его искренности и потребовал от Алексея прямого ответа: «Так остаться, как желаешь быть, ни рыбой, ни мясом, невозможно... И нелицемерно удостой

себя наследником, либо будь монах, ибо без сего дух мой спокоен быть не может».

Из двух вариантов, предложенных отцом царевичу, он выбрал второй. Не без совета друзей, которые уверяли, что «клобук не гвоздем к голове прибит», Алексей согласился на пострижение. Разумеется, покорность царевича и его готовность отречься от престола являлись чистой-шим обманом. Дождаться смерти батюшки куда удобнее было не в монастырской келье, а за границей, где можно было заручиться поддерж-

кой иностранных держав. Но как выбраться за границу? Осуществлению замысла помог сам Петр. Находясь в это время в Копенгагене, царь предпринял последнюю попытку приблизить к себе сына и отпра-

тия развивались по законам детективного жанра. Беглец предпринял ряд предосторожностей. В почтовой карете, выехавшей из Митавы, сидел не наследник российского престола, а московский подполковник Кохан-

Царевич при любой возможности пытался отлынивать от дела и старался избегать встреч с отцом. Другьям говорил, что «не токмо дела воинские отца, но и сама особа его зело ему омерзела». Таким образом, он невольно сделался центром притяжения для серьезной оппозиции царя, среди которой было немало влиятельных лиц — Долгорукие, Голицыны, Шереметевы, Куракины

вил ему послание с предложением либо приехать в Копенгаген для участия в военной операции против шведов, либо определить время пострижения и назвать монастырь, в котором он собирался жить. Царевич выразил желание ехать к отцу. Сборы были недолгими. В конце сентября 1716 года Алексей, заняв денег у Меншикова и членов Сената, в сопровождении Евфросиньи, ее брата Ивана и трех слуг отправился в путь. Узнав, что в Митаве в это время находился Александр Кикин, царевич направился туда, надеясь получить от него совет, где можно будет укрыться от грозного отца. Кикин высказался в пользу Вены, поскольку император приходился Алексею свояком. Царевичу этот совет пришелся по душе. Последующие собы-

ский с супругой и поручиком. В другой карете разместились его слуги. В пути произошло еще несколько метаморфоз. Подполковник Коханский стал регистрироваться на почтовых станциях как польский кавалер Кременецкий, а его любовница, переодевшаяся в мужской костюм, сопровождала его в качестве пажа. При этом кавалер постоянно менял внешний облик, приклеивая то бороду, то усы.

В начале ноября 1716 года он прибыл в Вену. Приезд царевича поставил австрийское правительство в весьма затруднительное положение. С одной стороны, открытое предоставление ему убежища означало вызов Петру, который, как полагали, не остановится перед вооруженным конфликтом. С другой стороны, в Вене не считали целесообразным не-

Царевич Алексей и его супруга принцесса Шарлотта

медленно выдать царевича, так как рассчитывали превратить его в разменную монету в политической игре. Австрийский двор решил приютить Алексея тайно и отправил его вместе со спутниками в горную крепость в Тироле — Эренберг, где он должен был жить в строжайшей изоляции. Тем временем Петр, ожидавший в течение двух месяцев приезда сына в Копенгаген, терялся в догадках: стал ли Алексей жертвой дорожного происшествия или скрылся. Сам он склонялся ко второй версии, а потому отдал распоряжение организовать розыски сына. В конце концов удалось напасть на след беглеца, и след этот привел к крепости Эренберг.

На вопрос Петра, содержащийся в его послании императору, находится

ли его сын в горах Тироля, Карл VI прямого ответа не дал. Он, однако, понимал, что ситуация становится щекотливой, и распорядился тайно перевезти царевича в Неаполь, в замок Сен-Эльмо. Уклончивый ответ Карла VI и его стремление получше спрятать царевича убедили Петра, что предстоит сложная дипломатическая игра с венским двором.

До этого розысками царевича руководил личный адъютант царя Александр Иванович Румянцев, гигант, ростом лишь чуть уступавший Петру, храбрый и преданный офицер. Он и проследил путь царевича в Неаполь. Однако в таком тонком деле Петр счел опыт капитана недостаточным, поэтому руководство по операции возвращения сына на родину пору-

чил умудренному годами дипломату Петру Андреевичу Толстому. Семидесятидвухлетний Толстой как нельзя более подходил для столь деликатной миссии. Двенадцать лет он служил послом России в Константинополе. Кроме того, он почти два года провел в Италии, исколесил всю страну и хорошо знал язык. Царская инструкция, данная Толстому, предусматривала различные повороты дела. В случае если император наотрез откажется выдать Алексея, Толстой должен был пригрозить разрывом отношений России с Австрией. Если же венский двор признает факт нахождения царевича в его владениях, но займет выжидательную позицию, Толстому следовало добиться свидания с Алексеем, чтобы в личной беседе склонить его к возвращению.

Император не решился идти на обострение отношений с русским царем. В середине августа Имперский совет известил Толстого, что царевич сам волен решать, ехать ему к отцу или оставаться, о чем царский посол может спросить его лично.

26-го сентября 1717 года ничего не подозревавшего Алексея пригласили во дворец вице-короля Италии в Неаполе. Войдя в приемную залу, он увидел улыбающегося Толстого и грозно нахмурившегося Румянцева. Царевич оцепенел от ужаса. Он знал, что гвардейский капитан — приближенный отца, и ожидал, что вот-вот блеснет сталь клинка. Толстой зачитал ему письмо царя, в котором тот требовал его возвращения в Россию, обещая полное про-

щение, в противном случае, грозил сыну всяческими карами и отцовским проклятием. Алексей заявил, что ответить сразу не может. Через два дня состоялась новая встреча. Обдумав содержание письма и обещания Толстого, царевич наотрез отказался возвращаться, опасаясь гнева отца. Тогда Толстой перешел к языку угроз. Он заявил, что царь не успокоится до тех пор, пока не получит его живым или мертвым. Чтобы вернуть блудного сына в лоно семьи, Петр не остановится и перед военными действиями.

Столкнувшись с упорством царевича, Толстой решил пустить в ход все доступные ему рычаги давления, включая шантаж и подкуп. Он подкупил секретаря вице-короля, и тот шепнул царевичу, будто слышал, что император решил выдать царю сына-беглеца. В то же время Толстой убедил и вице-короля всячески подчеркивать перед Алексеем ненадежность его убежища в Неаполе. И, наконец, изворотливый ум Толстого отыскал способ, с помощью которого он надеялся окончательно сломить сопротивление царевича: Евфросинья. Алексей по-настоящему любил эту женщину и не мыслил жизни без нее. К тому же в то время она ждала от него ребенка. Угроза Толстого немедленно отправить Евфросинью в Россию, поскольку она являлась русской подданной, окончательно сокрушила волю царевича. В начале октября Алексей отправил Петру письмо с просьбой о прощении. Кроме того, он попросил Толстого известить отца об условиях, на которых

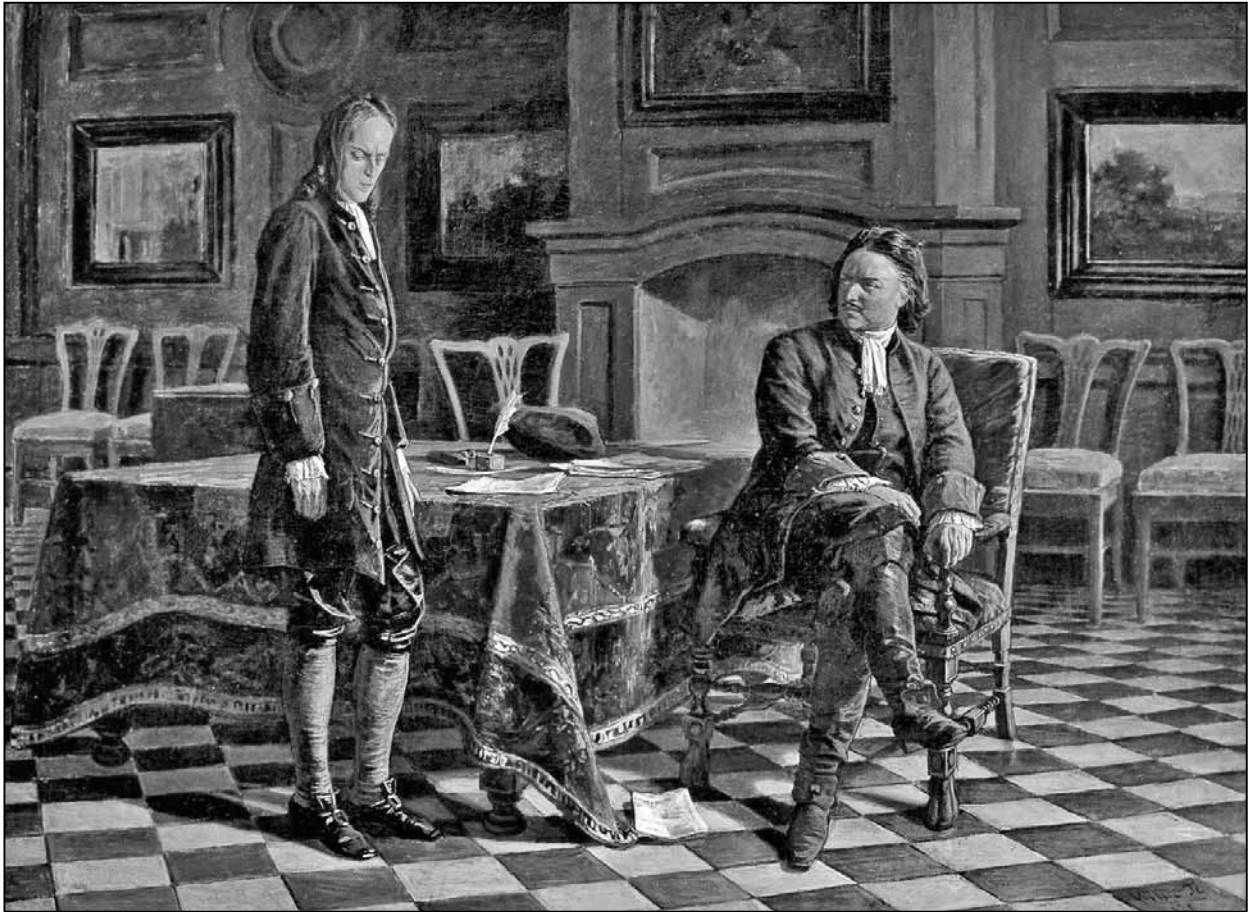
готов был вернуться в Россию — ему должно быть дозволено жениться на Евфросинье и жить с ней в деревне. Через полтора месяца пришел ответ Петра. Он обещал выполнить просьбу сына. Толстой, уже почти выигравший партию, с помощью посулов и подарков уговорил Евфросинью «повлиять» на царевича. Та согласилась. Вскоре они в сопровождении Толстого покинули Неаполь. Однако в Венеции царевичу пришлось расстаться с любимой женщиной — беременной Евфросинье было трудно выдержать быструю езду. Алексей продолжил путь, без конца посылая ей письма, проникнутые страстью и нежностью. Она отвечала довольно сдержанно, зато не скупилась на подробности своего жития, описывая катание на гондоле, покупки парчи, драгоценностей. Скучая по родной пище, просила прислать ей икры паюсной, икры черной и красной зернистой, семги соленой и копченой, крупы гречневой.

В конце января 1718 года царевич прибыл в Москву. 3-го февраля в Тронном зале Кремля в присутствии первых вельмож России, высших чиновников и духовенства Алексей, упав на колени перед отцом, покался в своих грехах. Затем был зачитан документ, в котором ему даровалось прощение. Но при этом оговаривалось, что он лишается наследства, и провозглашался новый наследник — двухлетний сын Екатерины, царевич Петр Петрович.

В знак полного раскаяния Алексею пришлось назвать имена тех,

кто советовал ему бежать от отца, — Кикина и своего доверенного слуги Ивана Афанасьева. Казалось, дело царевича закончено и закрыто. Однако страшная драма только начинала разворачиваться. Петр не верил, что сын назвал ему всех замешанных в подготовке его бегства, в заговоре против трона, а, возможно, и против его жизни, и Алексей вынужден был кроме Кикина и Афанасьева назвать и других людей, которым рассказывал о своих отношениях с отцом. Единственный человек, которого он пытался обелить, была Евфросинья.

В Москве и Петербурге начались аресты. Городские заставы закрыли. Аптекарям запретили продавать мышьяк, чтобы кто-нибудь из подозреваемых не надумал свести счеты с жизнью. Названных царевичем лиц брали ночью и сразу заковывали в кандалы и железный ошейник. На дыбе добывали у них имена пособников и единомышленников. Петр был доволен ходом дознания, однако полностью удовлетворен не был. Он не мог поверить, что его бывшая жена Евдокия не была замешана в заговоре. Она состояла в переписке с Алексеем и много бы выиграла, окажись ее сын на престоле. Начался розыск по так называемому «суздальскому делу» — ведь Евдокия находилась в суздальском Покровском монастыре под именем монахини Елены уже девятнадцать лет. Тщательное дознание не выявило связей бывшей царицы с людьми, подозреваемыми в заговоре. Зато было установлено, что Евдокия, на-

ходясь в монастыре, вступила в любовную связь с прибывшим в Суздаль для набора рекрутов майором (по другим сведениям, капитаном) Степаном Глебовым. Выяснилось, что она «многажды к себе пускала в келью днем и вечером Степана Глебова». Ее привезли в Москву, и она вынуждена была признаться: «Я с ним блудно жила в то время как он был у рекрутского набора, и в том я виновата». Доставили в Москву и Глебова. Розыск был направлен на то, чтобы добиться от него признания, что он осуждал царя, женившегося во второй раз при живой супруге, и пытался поднять бунт. Глебов, однако, выдержал несколько жестоких пыток, отрицая все обвинения,

за исключением прелюбодеяния. Но и этого было достаточно, чтобы подвергнуть его особенно жестокой казни. Офицера посадили на кол и укутали шубой (был сильный мороз), чтобы продлить его муки. Утверждают, что к нему подошел Петр и предложил сознаться, тогда бы его добились сразу, избавив от мучений. Но Глебов плюнул ему в лицо, и он удалился.

Кикина также жестоко пытали. Его подвергли колесованию, а чтобы продлить мучения, отрубили руки и ноги, с большими промежутками во времени. Когда Петр подошел к нему, Кикин был еще жив и умолял простить его и отпустить в монастыри. Царь отказал, но проявил свое-

образное милосердие — велел отрубить голову.

Инокнию Елену не мучили, но отправили в Ладожский монастырь. Из заточения ее освободил только внук — император Петр II в 1727 году.

Царевич не единым словом не вступился ни за кого из пытаемых и казненных. Он преданно смотрел

ка, который искренне и страстно ее любил. Она в подробностях описала их жизнь за границей, ожесточение царевича против отца, его радость при известии о болезни маленького Петра Петровича и слухах о восстаниях в подмосковных городах, о его бесконечных разговорах о вступлении на престол и о том, как он отменит все нововведения и реформы

Или наследник, или монах — такое условие поставил Петр сыну. Алексей вроде бы согласился на пострижение, но про себя решил, что куда лучше дожидаться смерти батюшки не в монашеской келье, а за границей, куда он тайно и сбежал

на отца, благодарный уже за то, что не наказывают его самого.

В середине апреля в Петербург привезли разрешившуюся от бремени Евфросинью (судьба ее ребенка неизвестна). Однако доставили молодую женщину не во дворец к царевичу, а в Петропавловскую крепость. В ее вещах нашли черновики писем Алексея Сенату и духовенству весьма компрометирующего свойства. Болезнь заставила царя отложить дознание, но в середине мая он решил порознь допросить обоих любовников, а потом устроить им очную ставку. Первой в кабинет царя в Петергофском Монплезире была вызвана Евфросинья. Не задумываясь, она предала челове-

отца. Евфросинья утверждала, будто Алексей вернулся в Россию только благодаря ее неустанным уговорам. Ее показания были тщательно записаны, а затем предъявлены вызванному в кабинет царевичу. Жалкие оправдания Алексея лишь распалили гнев грозного государя. Кликнув Евфросинью, он приказал ей повторить все, что она ему говорила. Царевич не верил своим ушам. Он пытался как-то защититься, но язык не слушался его, он сбивался, путался в словах и, наконец, зарыдав, повалился в ноги Петру.

Алексей был арестован и посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Во время совещаний в Сенате высшие сановники

государства признали оправдания царевича неудовлетворительными и объявили, что он будет допрошен «по принятой форме и с необходимым розыском».

ревичу смертный приговор. Подписи под приговором составляли почти полный список петровских сподвижников — первым стояло имя Меншикова.

Царевича с большим трудом удалось вернуть в Россию, где он был сразу арестован и посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Высокий суд единогласно вынес Алексею смертный приговор. Однако он не был приведен в исполнение, так как царевич, не отличавшийся ни крепостью тела, ни здоровьем, скончался от пыток

Это означало, что его будут пытать.

19 июня состоялся первый допрос с применением пытки. В присутствии Петра и его ближайших соратников она длилась более двенадцати часов, за это время Алексей получил двадцать пять ударов страшным палаческим кнутом. Однако ничего нового добиться от него не удалось. 24 июня пытку повторили: на этот раз было дано пятнадцать ударов. Испытывавший адскую боль царевич, готовый показать что угодно, признался следователю, что желал смерти отцу и хотел даже заплатить императору за предоставление иноземных войск, чтобы с их помощью отнять у него трон. Этого было достаточно. Тем же вечером 24 июня высокий суд единогласно, «с сокрушением сердца и слез изливанием», вынес ца-

Приговор, однако, не был приведен в исполнение. 26 июня 1718 года царевич скончался. Сорок ударов кнутом могли свести в могилу и гораздо более сильного человека, чем Алексей, который не отличался ни крепостью тела, ни здоровьем. По Петербургу поползли недобрые слухи. Некоторые иностранные дипломаты сообщали в свои столицы, что царевич умер от апоплексического удара, другие заявляли, что его обезглавили, третьи утверждали, что ему сделали насильственное кровопускание, закончившееся смертью. В городе шептали, что наследника не то отравили, не то задушили с помощью подушек несколько офицеров.

Нужно сказать, что Петр не утруждал себя лицемерным проявлением горя. 27 июня, на следующий день после смерти царевича, в годов-

щину Полтавской победы, он днем побывал на пиру, а вечером на балу. Через день царь спустил на воду фрегат «Лесная», на палубе которого «состоялось великое веселие».

И все же в церемонии отпевания и погребения царевича отразились мучительные противоречия, терзавшие душу царя. Петр хотел, чтобы сыну были оказаны все почести, подобающие царевичу. Тело Алексея уложили в гроб и накрыли черным бархатным и богатым парчовым покрывалами. Затем гроб отнесли в церковь Святой Троицы и выставили для прощания. 30 июня состоялась панихида. По распоряжению Петра, никто из присутствующих мужчин не надел траура, хотя некоторые дамы были в черном. Лицо Петра во время церемонии оставалось непроницаемым, но когда священник произнес слова Давида: «Сын мой,

Авессалом! Сын мой, сын мой, Авессалом!» — царь зарыдал. Затем гроб с телом царевича был перенесен в Петропавловскую крепость. В Петропавловском соборе его поместили в новый склеп царской фамилии, рядом с гробом его жены Шарлотты.

Евфросинья, сыгравшая роковую роль в жизни Алексея, была прощена. Петр разрешил ей взять кое-какие вещи царевича. Оставшиеся тридцать лет своей жизни она прожила в Петербурге и даже вышла замуж за гвардейского офицера.

Так закончил свои дни царевич Алексей. Разрываясь между отцовским чувством и преданностью делу всей своей жизни, Петр в интересах государства принес в жертву сына. В этом трагедия царевича Алексея, в этом же — величайшая драма жизни самого Петра I. □

Юрий Осипов

Добрый волшебник

Евгений Шварц

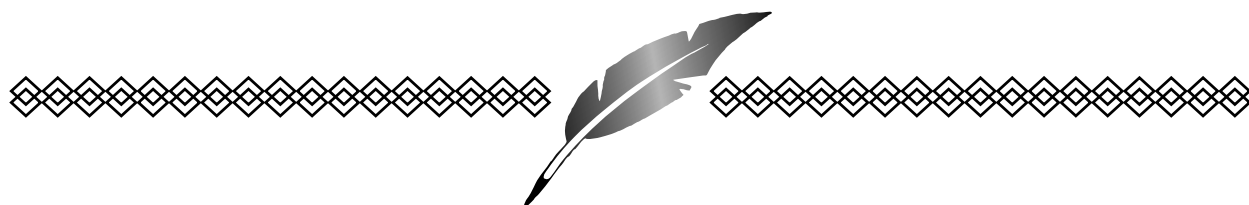
Замечательный советский писатель Евгений Шварц был в своем роде «многостаночником». Писать умел все: сказки, пьесы, в молодости — стихи, фельетоны (для газеты «Всесоюзная кочегарка»), смешные рассказы и новеллы, даже подписи к картинкам в детских журналах, киносценарии, сатирические обзоры для Аркадия Райкина и кукольные представления для Сергея Образцова, балетные либретто, цирковые репризы... Вот только доносов не писал никогда.

Человеком он был весьма закрытым, однако мог рассмешить до слез даже столь искушенных в юмористике собратьев по перу, как Зощенко и Хармс. Печататься начал с 1924 года в детском журнале «Воробей», с благословения Самуила Маршака, и первый рассказ подписал псевдонимом Щур. К своей прославленной впоследствии фамилии вернулся только тогда, когда у него вышло уже пять книжек для детей!

Учился он перед Первой мировой войной на юридическом факультете Московского университета, но провалил экзамен по римскому праву и отправил родителям телеграмму: «Римское право умирает, но не сдаётся!»

После революции воевал в рядах корниловской армии. Участвовал в легендарном Ледяном походе. При штурме Екатеринодара лишился двух передних зубов и получил тяжелую контузию, последствием которой стала дрожь рук (тремор), сказавшаяся на его почерке. Маршак шутил, что из-под пера у Шварца выползали не буквы, а комары с разбросанными во все стороны ножками.

Однажды приятель застал мэтра при полном параде перед зеркалом, он собирался отправиться на какую-то театральную премьеру. Шварц всматривался в свое отражение и ворчал: «Тьфу, ты, совсем! Ну, никак не могу привыкнуть к этой старой образине».

Евгений Львович Шварц родился в Казани в 1886 году. Его родители были зажиточными православными евреями. Сына обожали и баловали. А он в глубокой тайне сделал свой жизненный выбор еще в раннем детстве, хоть и всегда стеснялся называть себя писателем, для него это означало слишком высокий смысл. Совсем еще маленьким, Женя только раз признался маме, спросившей его: «Кем же ты будешь?» Он тогда улегся на ковер

у ее ног и полупшепотом ответил: «Романистом».

Тем не менее, поначалу все склонялось к театральной стезе по причине родительских увлечений. В год рождения Жени его отец, темпераментный красавец, оканчивал медицинский факультет Казанского университета и играл в любительском театре, пел, не расставался со скрипкой, что, впрочем, не мешало ему заниматься подпольной политической деятельностью. Не отставала от мужа

и мать Жени, учившаяся на акушерских курсах.

Обживаясь в очередном сценическом костюме, отец мог часами разгуливать по квартире в римской тоге. А мать подавала ему реплики от лица знатной матроны, причем, по свидетельству очевидцев, едва ли не превосходила его в актерской убедительности. Разумеется, Евгению не оставалось ничего иного, кроме как бросить университет и стать актером «Театральной мастерской» в Ростове-на-Дону.

Этот крошечный театрик, чью труппу образовали друзья, их жены и знакомые, довольно успешно гастролировал в провинции, а в 1921 году приехал завоевывать оправляющийся после гражданской войны Петроград. В результате театрик там сгинул, Шварц же «выплыл» и двинулся, как он сам выражался, «на цыпочках от избытка уважения, робко улыбаясь», в желанную литературную среду, где у него уже завелись некоторые связи.

В столичную литературную среду молодого весельчака и балагура охотно приняли. Ну а первое боевое крещение он проходил литературным секретарем язвительного автора «Айболита» Корнея Чуковского, который и направил его к Маршаку с путевкой в детскую литературу.

Пришлось, правда, сначала поработать в шахтерских журналах и газетах Донецка, для которых будущей писатель сочинял хлесткие фельетоны. В 24-м году он вернул-

ся в Ленинград, чтобы влиться под крылом Маршака в уникальный авторский коллектив редакции детской литературы Госиздата.

Здесь трудился неподражаемый авангардист Даниил Хармс, измучившийся ролью «детского литератора», но при этом создававший подлинные шедевры детской литературы. Другими представителями знаменитого течения ОБЭРИУ в стенах будущего «Детгиза» были писатели Н. Заболоцкий и Н. Олейников, которые беззаботно веселили маленьких читателей журналов «Чиж» и «Еж», а в свободную минуту забавляли редакцию разными остроумными затеями.

Шварц, еще подростком умевший изображать собачьим лаем разной тональности выступления на судебных заседаниях судьи, адвоката и прокурора, почувствовал себя здесь как рыба в воде. Он сочинял уморительные стихи для малышей в стиле русского раешника и объединил их в сборник под названием «Рассказ старой балалайки». А еще попробовал себя в конце 20-х в детских пьесах. Таких, как замечательная «Сказка о потерянном времени».

В коридорах «Детгиза» царила в ту пору неповторимая атмосфера веселых импровизаций. Так, однажды два молодых начинающих литератора почтительно явились сюда, прижимая к груди рукописи, и с изумлением увидели, как навстречу им движется пара солидных дядей, но почему-то на четвереньках. Ни-

чуть не смущаясь и не меняя позы, они приблизились к остолбеневшим посетителям и осведомились: «Вам что угодно, юноши?» Это были Шварц и Олейников, которые, устав, решили поиграть в верблюдишек...

Казалось бы, жизнь удалась, и Евгений Львович нашел свое призвание. Однако его легкая, жизнерадостная, ироничная и вместе с тем глубоко романтическая натура требовала иного проявления. Это «проявление» подсказал главный режиссер только что созданного ленинградского Театра комедии Николай Акимов. В 1934 году он заказал Шварцу пьесу на современную тему, и тот одну за другой написал четыре великие сказочные пьесы по мотивам классических европейских сказок. Сегодня они по-прежнему живут на сцене и на киноэкране — «Голый король», «Тень», «Дракон» и «Обыкновенное чудо».

Первая представляет собой своеобразную авторскую адаптацию трех сказок Г.Х. Андерсена — «Новое платье короля», «Свинопас» и «Принцесса на горошине». Идеей пьеса была направлена против пришедшего к власти в Германии фашизма, но ее символический смысл намного шире. Перемешивая фабулы трех андерсеновских сказок, драматург фактически раскрывал в индизнаказательной форме зловещую подоплеку жизни страны, погружавшейся в атмосферу тотального страха и доносов.

То же относится и к остальным «взрослым» пьесам Шварца. В них писатель показал, сколь современные и актуальные могут быть испытанные веками сюжеты, какие важнейшие нравственные проблемы они таят в себе. Поэтому в детских сказках Шварца всегда проглядывает нечто «взрослое», а во взрослых — «дет-

ское». Акимов как-то очень верно подметил: «Когда Шварц написал свою сказку для детей «Два клена», оказалось, что взрослые тоже хотят ее смотреть. Когда он написал для взрослых «Обыкновенное чудо», выяснилось, что эту пьесу, имеющую большой успех на вечерних спектаклях, надо ставить и утром, потому что дети непременно хотят на нее попасть...»

В сказке про Тень нечеловеческое отродье вполне готово захватить трон. А коварный Дракон уж очень напоминает Сталина... И если вни-

мательно прислушаться, поймешь, что герои «Обыкновенного чуда» пародируют язык литературы «социалистического реализма», да и, пожалуй, конформистов наших дней. Причем за каждым из действующих лиц мы угадываем самого Шварца, который с доброй усмешкой говорит нам, что в жизни «все замечательно и великолепно перепутано». Вот почему в трогательных сценах фильма «Снежная королева» по оригинальному сценарию Шварца на нас вдруг повеет совсем не сказочной жестокостью. А в жестокой истории «Дра-

Справа:

*Первая жена
Гаянэ
Халайджиева*

кона» неожиданно прозвучит нотка простой человеческой нежности.

Причина этого кроется в дневнике Шварца, где за четыре года до смерти он написал о себе в третьем лице: «Без людей он жить не может... Всегда преувеличивая размеры собеседника и преуменьшая свои, он смотрит на человека как бы сквозь увеличительное стекло... И в этом взгляде... нашел точку опоры. Он помог ему смотреть на людей как на явление, как на созданий божьих». Не случайно в своей последней, главной сказке «Обыкновенное чудо» Шварц

О

казавшись в Петрограде в 1921-м году, Шварц двинулся, как он сам выражался, «на цыпочках от избытка уважения, робко улыбаясь», в желанную литературную среду. Молодого весельчака и балагура охотно в нее приняли. А первое «боевое крещение» он проходил литературным секретарем у Корнея Чуковского, который и направил его к Маршаку с путевкой в детскую литературу

нашел такие слова: «Сказка рассказывает... для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь».

Детским драматургом он себя не считал и с шутливым гневом отвечал в 1938 году в письме Акимову: «Вы меня три раза обозвали детским драматургом, сами Вы детский драматург, милостивый государь!»

Первой женой Евгения Львовича стала молодая и своевольная ак-

триса ростовского театра Гаянэ Халайджиева. Шварц долго предлагал ей руку и сердце, но она все никак не соглашалась. И вот как-то холодным осенним вечером, гуляя с ней по набережной Дона, будущий сказочник стал вновь уверять свою избранницу, что готов ради нее на все. «А если я скажу: «Прыгни в реку?» — засмеялась та. Шварц, не раздумывая, как был в пальто, шляпе, галошах, прыгнул в ледяную воду Дона с парашюта набережной.

Разумеется, после такого героического поступка Гаянэ вышла за него замуж. В браке у них родилась дочка Наташа.

Но в 1927 году он познакомился с женой друга-композитора А. Зильбера Екатериной и влюбился без памяти. Завязался тайный роман. Вскоре оба освободились от уз брака и соединили свои судьбы. Они прожили вместе 30 лет. Ей первой читал он свои новые вещи. Брал ее с собой в традиционные «набеги» на

ровьем. Купался в проруби, совершал десятикилометровые прогулки, зимой писал при распахнутом окне. Физическая закалка и офицерское мужество помогали ему стойко переносить выпадавшие на его долю тяготы и невзгоды. Этой жизненной стойкости он учился у своего любимого писателя — Чехова.

Его неизменно назначали тамадой на дружеских застольях, поручали открывать юбилейные собрания и званые вечера. А между тем

К

азалось бы, жизнь удалась, и Шварц нашел свое призвание. Однако его жизнерадостная, ироничная и глубоко романтическая натура требовала иного проявления, чем просто детские стихи и юмористические рассказы. И в этом ему помог главный режиссер ленинградского Театра комедии Николай Акимов, который заказал Шварцу пьесу. Евгений Львович выполнил заказ, но при этом написал не одну, а целых четыре великие сказочные пьесы, которые и сегодня живут на сцене и на экране: «Голый король», «Тень», «Дракон» и «Обыкновенное чудо»

букинистов, поскольку невероятно любил книги, собирал раритетные издания. Нередко засыпал ночью с раскрытым на груди томом. А вставал рано и работал, работал, не покладая рук, пьесу мог написать за две-три недели.

В молодости Шварц никогда не хворал, что и спасло его во время страшного Ледового похода Добровольческой армии. Он и в последующие годы отличался отменным здо-

блистательную пьесу «Тень» по приказу сверху сняли с репертуара сразу вслед за премьерой (1940 г.) «Дракон» также был снят после премьеры в Акимовском театре, война тогда только-только закончилась. Нелегкая участь выпала в послевоенные годы и на долю других ярких произведений драматурга, которые, пока был жив Сталин, находились под запретом. Бесследно исчезали в ходе массовых репрессий конца

тридцатых многие близкие знакомые Шварца. Угроза ареста не раз висела над ним самим.

Чтобы выжить и остаться «в строю», Евгений Львович обратился в своем творчестве к современной теме без опасных сказочных аллюзий. Незадолго до войны он написал пьесы «Брат и сестра», о спасении маленьких детей с оторвавшейся льдины, и «Наше гостеприимство», о неизменной бдительности советских людей. Это были произведения вынужденные и вымученные. А подспудно, для души, Шварц десять лет, начиная с 44-го, сочинял пьесу, которая поначалу называлась «Медведь», «Веселый волшебник», «Безумный бородач», а под конец получила чеканное название — «Обыкновенное чудо».

Король-комформист, подлый лицемер министр-администратор, превратившийся в памятник себе некогда искусный охотник, огрубевшая и ожесточившаяся первая статс-дама, ее постаревший, но все такой же романтичный возлюбленный, хозяин гостиницы, — все они согреты добрым шварцевским юмором, расцвечены его неизменной иронией, заставляющей нас пристальнее вглядеться в самих себя и неожиданно обнаружить свое удручающее сходство с высмеиваемыми персонажами пьесы. А еще после знакомства с пьесой и, в особенности, по памяtnому всем фильму Марка Захарова невольно захочется хоть немного походить на доброго мудрого

волшебника, помогающего отважному молодому герою добиться любви прекрасной принцессы.

С началом Великой Отечественной войны Шварц отказался эвакуироваться и продолжал работать в блокадном Ленинграде, пережив там самое тяжелое время. Затем был все же эвакуирован в Киров, где трудился на посту завлита театра и написал пьесы «Одна ночь», о защитниках осажденного города на Неве, и «Далекий край», о проникновенных мечтах и переживаниях эвакуированных детей... И там же, в эвакуации писатель приступил к работе над второй своей главной пьесой — «Дракон», которую мы опять-таки большей частью знаем и помним по фильму Марка Захарова «Убить дракона».

Когда Ленинградский театр комедии эвакуировали в Душанбе, Евгений Львович отправился туда и встретил вместе с родным коллективом День Победы.

«Дракон» был окончен осенью 44-го, но увидел свет только в 1968 году. Оставалась дожидаться в столе своего часа рукопись «Обыкновенного чуда». Пока же вслед за «Доктором Айболитом» последовали сценарии мультфильма «Зимняя сказка» и художественных картин «Золушка», «Первоклассница», «Дон-Кихот», «Марья-искусница» и, наконец, — «Снежная королева», с ее знаменитым «Снип-снэп-снурре, пурре-базилюрре!» Этого волшебного заклинания не было в сказке Андер-

сена, как не было и в ней, и в «Красной шапочке» Шарля Перро многих сочных деталей, реплик, нюансов и подробностей повествования, которые привнес в сценарии экранизаций этих бессмертных сказок Евгений Шварц.

В послевоенные годы в драматургии Шварца усилилось внимание к психологическим и бытовым подробностям жизни современников, даже если он обращался к ним в сказочно-аллегорической форме. Эта особенность ощутима и в исповедальном «Обыкновенном чуде», и в совсем не сказочной пьесе «Повесть о молодых супругах», в которой автор на примере пары молодоженов и их друзей серьезно размышляет о том, как важно в привычной круговерти будней, в повседневных заботах не растерять прежних пылких чувств, соединивших героев пьесы. Шварца тревожит непрочность многих молодежных браков (проблема по-прежнему сверхактуальная и сегодня!), и он дает своим персонажам советы старого, умудренного житейским опытом человека.

И была еще одна книга, над которой Шварц работал последние годы жизни и которую некоторые исследователи его творчества считают едва ли не главным произведением писателя. Применительно к этой книге он не терпел слова «дневники», а в слове «мемуары» предпочитал шутливо оставить только первый слог.

В книге более 700 страниц документально-мемуарной прозы, и

здесь автор не прячется более за классические сказочные сюжеты, он открыто выходит к «рампе» и позволяет себе быть свободным, то свободно переносясь в собственное детство, то с удивительной четкостью вспоминая жизненные события и встречи. Фрагменты этой книги выходили в 90-е под разными названиями, мне больше всего нравится название: «Позвонки минувших дней».

Всю жизнь он занимался самовоспитанием. Лев Толстой как-то заметил, что труднее всего быть хорошим и проявлять сдержанность в отношениях с близкими, домашними людьми, особенно с теми, кого любишь. Шварц, по воспоминаниям друзей, никогда не повышал голос на жену, не позволял себе в разговоре с ней ни одного резкого слова. Притом, что от природы был очень вспыльчив, и терпеть то, что ему не нравилось, попросту не умел. Особенно, если супруга начинала, как свойственно женщинам, перебивать за столом косточки кому-нибудь из общих знакомых. В подобных случаях он морщился и мягко урезонивал ее: «Ну, Машенька, ну, не надо!..» (Только в этих случаях Шварц почему-то называл Катерину Ивановну Машенькой.)

Беречь деньги, как и беречь себя, он тоже не умел. Всегда помогал нуждающимся коллегам, хотя вплоть до последних лет, когда в театрах страны начали ставиться его пьесы, получал весьма скромные литературные гонорары. Если в доме денег не было,

а человек приходил к нему просить в долг, Евгений Львович одевался и шел занимать у знакомых. А потом нередко возникала необходимость занимать на жизнь и для себя до очередной выплаты «авторских».

Незадолго до смерти Катерина Ивановна сшила ему в писательском ателье первую в жизни «богатую» шубу. Грустно посмеиваясь, Шварц говорил, что похож в ней на ювелира времен нэпа.

После войны Евгений Львович большую часть года проводил с женой в дачном поселке Комарово под Ленинградом, где арендовал у Литфонда синий домик недалеко от вокзала. Ему там хорошо работалось и дышалось.

Перед закатом он любил уходить в сопровождении нескольких поселковых собак в прибрежные дюны и бродить там, подставив лицо балтийскому ветру. С животными он обращался, как с друзьями, постоянными собеседниками, подлинными «братьями меньшими», платившими ему взаимностью. Жена рассказывала о его разговоре с двумя кошками, которые очень внимательно прислушивались к его словам и нежно мяукали в ответ. Подобным образом он разговаривал с сороками и воронами на их «языке». Уморительно свистел, и те ему отвечали, что изумляло профессиональных цирковых дрессировщиков, которые специально приезжали знакомиться с ним и потом говорили: «Мы так не можем».

*Вторая жена —
Екатерина Обух*

Наверное, комаровские собаки и другая живность, следом за детьми, обожавшими ходить к Шварцу в гости, принимали его за доброго волшебника. Да и как иначе, если навещавшийся к нему однажды на дачу приятель застал следующую картину. На заборе дачного участка сидели две большие собаки, а между ними устроился маленький внук писателя. Все трое сидели тихо, степенно, за чем-то наблюдая. «Что

это?» — воскликнул гость. «Как вы не понимаете? — отозвался Евгений Львович. — Они смотрят на поезда». И приятель Шварца понял: смотреть на поезда действительно очень важное занятие.

К писателю тянулись животные, тянулись и люди. Уже очень большим он продолжал радушно принимать на веранде своего дачного домика поток гостей, среди которых попадались порой и совершенно не-

знакомые ему люди. И при этом до конца оставался простым и скромным человеком.

Его положение в послевоенные годы было нелегким, и переносил он его стоически, за шуткой скрывая горечь и тоску. Об этом свидетельствует автобиографическая книга Шварца, изданная в 1949 году. Удивительные же пьесы писателя при жизни Сталина не ставились. За возвращение их на сцену первой выступила выдающаяся ленинградская поэтесса-блокадница Ольга Берггольц. На очередном писательском съезде она назвала автора «Дракона» самобытным, своеобразным

и прекрасные чувства, которые не меркнут с течением времени. А подвергаемые тонкому осмеянию отрицательные персонажи мгновенно узнаваемы, типичны везде и во все времена. И еще в сказочных пьесах Шварца, даже в таких трагических, как «Дракон» и «Тень», всегда счастливый конец, внушающий людям надежду на будущее. (Кстати, этот принцип нарушил Марк Захаров в своей талантливой экранизации под названием «Убить дракона», финал которой драматург вряд ли бы одобрил.)

Под конец жизни Шварца все же признали классиком отечественной

О

н всегда помогал нуждающимся коллегам, хотя сам получал весьма скромные гонорары. Если в доме денег не было, а человек приходил к нему просить в долг, он тут же одевался и шел занимать у знакомых. К нему тянулись и люди, и животные, и особенно дети, обожавшие ходить к Шварцу в гости, так как принимали его за доброго волшебника

и гуманным талантом, который нужен советскому зрителю.

В 1956 году увидел свет сборник драматургических произведений Шварца, и по ним вскоре один за другим в СССР и за рубежом стали ставить спектакли, имевшие огромный успех. Непреходящая актуальность этих пьес в том, что их положительные герои, как отмечал сам автор, «лишены бытовых черт сегодняшнего дня», они являют нам чистые

драматургии. А он, не слишком доверяя изменчивому официальному славословию, на экземпляре сборника, подаренном Михаилу Янковскому, сделал следующую дарственную надпись: «Шварц, человек, тень».

Шестидесятилетие Евгения Львовича торжественно отмечалось в Ленинграде. Во вступительном слове он с юмором, скрывавшим смущение, просил извинить его за достав-

ленное беспокойство. В Комарово почтить юбиляра приехали артисты ленинградских и московских театров в костюмах персонажей любимых всеми сказочных пьес Шварца. Он был тронут до слез. Когда ему передали, что на премьере «Снежной королевы» в Берлине присутствовал президент ГДР Вильгельм Пик, он, испытывая волнение, отделался шутливым возгласом: «Ай да мы!»

Бунин писал о Чехове: «До самой смерти росла его душа». То же самое можно сказать и о Евгении

кашель или насморк. И, как часто бывает с подобного рода людьми, подступившие на пороге старости болезни переносил очень трудно. Однако больше них Шварцу досаждал давний тремор — руки у него дрожали так сильно, что через две недели он сам уже не мог разобрать написанного. Чтобы расписаться в ведомости или квитанции, придерживал правую руку левой, а рюмку со стола брал двумя руками. Если же ему приходилось выступать со сцены, Евгений Львович на глазах

Шод конец жизни Шварца все же признали классиком отечественной драматургии. А он, не слишком доверяя официальному славословию, на экземпляре сборника, подаренном Михаилу Янковскому, сделал такую дарственную надпись: «Шварц, человек, тень»...

Шварце. У него случился очередной инфаркт. Врачи исчисляли остаток жизни писателя буквально часами. А он, чувствуя, что смерть уже стоит за плечами, просил окружающих: «Дайте мне, пожалуйста, карандаш и бумагу. Я хочу записать о бабочке...» Имелась в виду обыкновенная капустница, почему-то удивившая его летом в Комарове своим полетом.

Даже в конце сороковых годов Евгений Львович купался до глубокой осени в заливе. Никогда не купался, зимой и летом ходил нараспашку и понятия не имел, что значит

у публики мужественно боролся с порхающими по трибуне листками доклада...

В последние годы жизни вместе с материальным достатком появилась у него и своя машина, серая «Победа». Пользовались ею раз два в месяц — ездили из Комарова в Ленинград, привозили врача. Остальное время она ржавела в сарае на даче. Когда сердце немного отпускало, Шварц совершал теперь уже совсем короткие прогулки. Появилась одышка. Евгений Львович стал чаще задумываться, молчать. Меньше и реже встречался с людь-

ми. «Испытываю судьбу, — говорил он со смущенной и даже какой-то виноватой усмешкой близкому другу, писателю Л. Пантелееву. — Подписался на тридцатитомное собрание Диккенса. Интересно, на каком томе это случится».

Это случилось задолго до выхода последнего тома. Шварц умер 15 января 1958 года в Ленинграде. Жена отвезла гроб с телом покойного мужа на Богословское кладбище и похоронила там в мерзлой, неприметной могиле в дальнем конце кладбища, а пять лет спустя упокоилась рядом с ним — два одинако-

вых белых надгробных креста прямо на узенькой невской дорожке.

...И ей, и Пантелееву он часто являлся во сне. Возникал из заснеженной дали, высокий, грузный, веселый, в распахнутой шубе. Шел прямо на них, изящно опираясь на трость, откидывая ее слегка в сторону, словно вельможа XVIII века. Подходил все ближе, ближе, так что становилось слышно тяжелое натужное дыхание, знакомый хрипловатый голос, видна ироничная улыбка. И вдруг «все обрывается... Его нет. Впереди только белый снег и черные деревья»... □

Ирина Опимах

*Ян ван Эйк.
Автопортрет*

Ян ван Эйк

Портрет четы Арнольфини

Эта картина, ныне хранящаяся в собрании Лондонской Национальной галереи, — наверное, одна из самых обсуждаемых и самых загадочных в истории мирового искусства. Ее автор — Ян ван Эйк, создатель знаменитого Гентского алтаря, масштабного, глубокого философского произведения. А эта картина — совсем иная. Просто бытовая сценка из жизни двух людей, мужчины и женщины. Но сколько она вместила в себя! Написанная в 1434 году, она и сегодня задает вопросы, на которые ответы не найдены до сих пор. Интерес к ней подогревается еще и тем, что в герое картины находят сходство с героем наших дней.

В начале XV века одним из богатейших государств Европы была Бургундия. Неудивительно, что ее правители и установленные ими порядки определяли жизнь соседних стран — и в экономике, и в политике, и в искусстве, и даже в моде.

А правил этой страной герцог Филипп Добрый. (Кстати, именно он, этот Филипп Добрый, продал англичанам захваченную его войсками в плен Жанну д'Арк.) Столицей Бургундии был чудесный город Брюгге. Здесь жили практичные купцы, тор-

«Портрет четы Арнольфини»

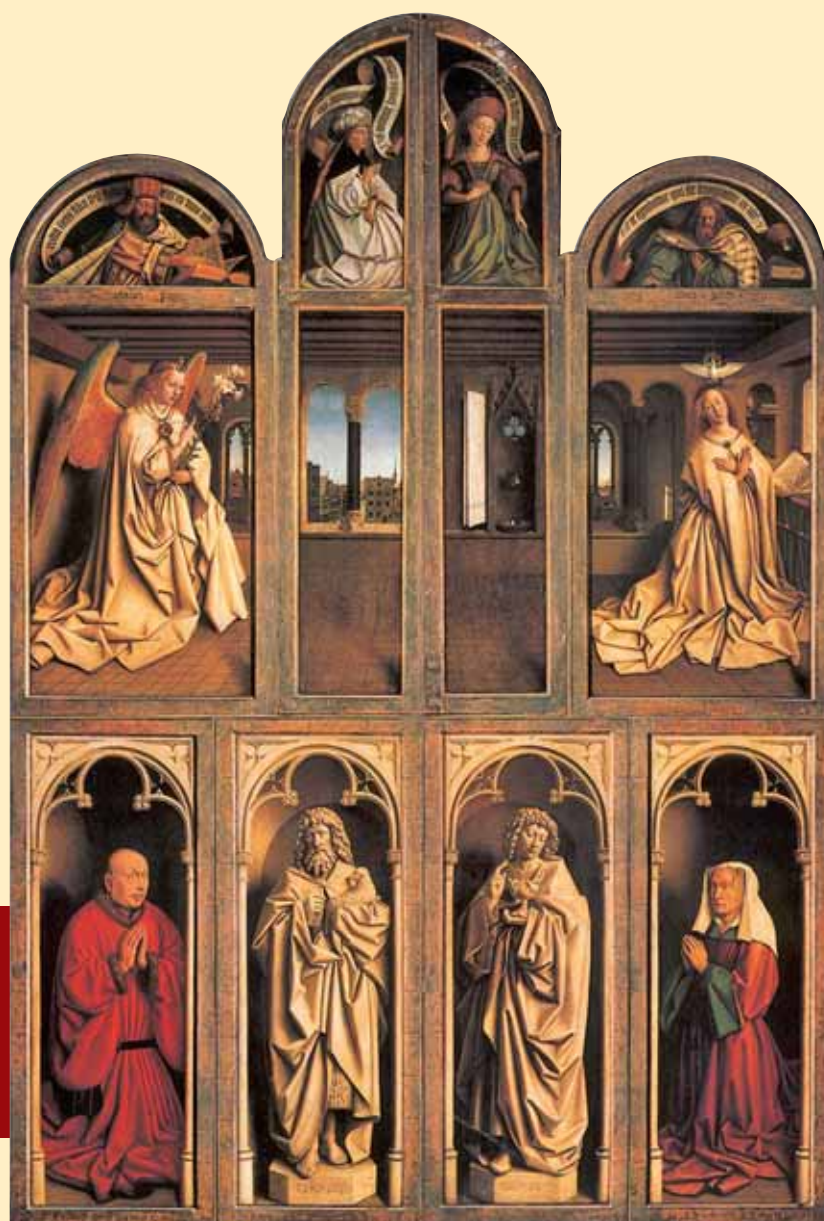
говавшие со всем миром. На огромных складах хранились сукно, шерстяные ткани, кружева, производимые на местных мануфактурах. Все эти товары только и ждали отправки в самые разные страны, а взамен местные торговцы привозили пряности, драгоценные камни, шелка и другие заморские диковины. Город был очень живописен — чудесные каналы, по берегам которых стояли дворцы местной аристократии и особняки купцов, а еще — величественные храмы со шпилями, устремленными в небо...

В 1424 году при дворе герцога в Брюгге появился новый придворный художник. Звали его Ян ван Эйк. Некоторые работы его уже были известны, вот почему, когда его прежний покровитель Иоганн III Безжалостный, герцог Баварско-Штраубингский, двор которого находился в Генте, умер, Ян ван Эйк легко нашел место при дворе герцога Бургундского.

Сегодня мы о жизни художника знаем не очень много. Искусствоведы не знают даже точно, когда он родился. Полагают, в самом конце XIV века, но не позднее 1395 года. Не совсем понятно, и где произошло это знаменательное событие — принято считать, что он родился в городке Маасэйке, ныне этот город принадлежит Бельгии. Правда, существует версия, что он — уроженец более крупного Маастрихта (сейчас это немецкий город). Так или иначе, в те далекие времена оба города входили в состав богатого герцогства Бургундского. Стар-

ший брат Яна Губерт был художником. По-видимому, он в свое время и приохотил мальчика к живописи и стал его первым учителем. Ян оказался очень способным, а потому — это уже известно точно — 24 октября 1422 года он поступил на службу в качестве придворного живописца к гентскому герцогу Иоганну Баварскому.

Но уже через два года, когда тот скончался, Ян перебрался в Брюгге и обрел нового покровителя в лице Филиппа III, герцога Бургундского. И тут ван Эйку повезло. Он нашел в лице герцога не только умного покровителя, но и настоящего друга. У художника и герцога сложились удивительно тесные и теплые отношения. Ван Эйк оставался с ним до самой смерти, служил ему верой и правдой, причем не только на поприще искусства. Несколько раз он выполнял и не совсем обычные просьбы герцога — те, что принято называть особыми поручениями. Так, например, в 1427 году выехал с тайной миссией в Тур. В следующем году ему пришлось совершить гораздо более серьезное путешествие — в Португалию, причем в качестве дипломата. А задача перед ним стояла невероятной важности — подготовить почву для заключения брака между Филиппом и инфантой Изабеллой, дочерью короля Португалии. И хотя поездка оказалась непростой, миссия была выполнена блестяще — он вернулся во Фландрию не один, с ним прибыла португальская инфанта. Облик невесты

*Гентский
алтарь
с закрытыми
створками*

был уже знаком Филиппу — художник еще в Лиссабоне написал портрет Изабеллы и отослал его герцогу. (К сожалению, эта работа Яна ван Эйка, как, впрочем, и многие другие, не сохранилась.)

Долгое время его считали изобретателем масляных красок. На самом деле они были известны еще в XII веке, но именно он, упорно экспериментируя в 1420-е годы, открыл преимущества масляной живописи.

Владение тонкостями живописной техники помогло ему при работе над творением, прославившим его имя на века, — знаменитым Гентским алтарем.

В один прекрасный день гентцы решили, что их собор достоин нового алтаря. Какого мастера пригласить — сомнений не было, конечно же, придворного художника герцога Бургундского Яна ван Эйка, хорошо известного гентцам.

И он полностью оправдал их надежды. Гентский алтарь — действительно уникальное произведение, значение и совершенство которого понимали и тогда, когда он был создан, и многие годы спустя. Художнику удалось создать не только удивительное по жанровому разнообразию полотно — тут и портреты, и пейзаж, и натюрморт, — но и величественную картину Бытия, в котором мир человека и мир Господа составляют единый и неделимый космос.

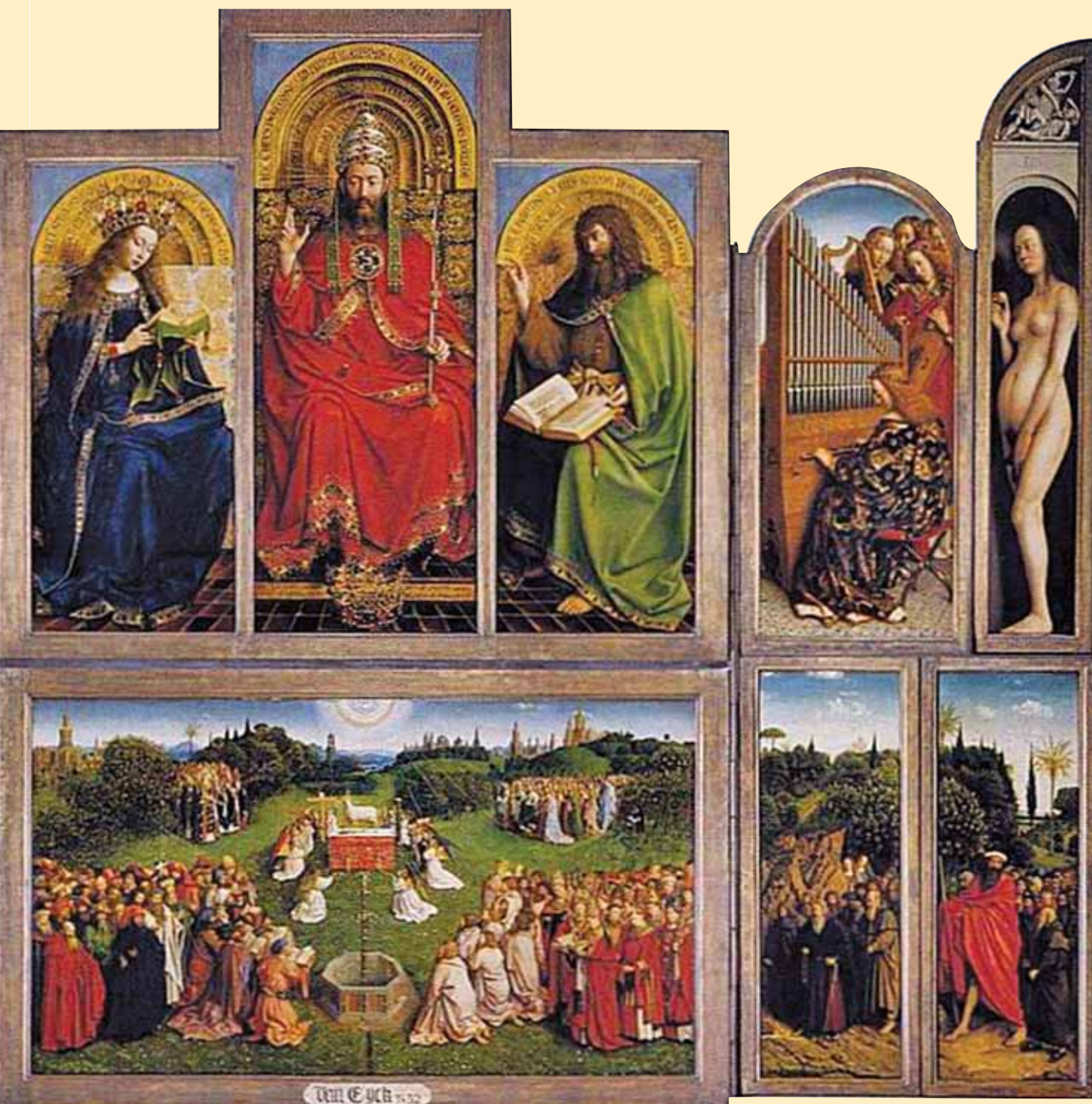
В 1432 году работы были закончены, и алтарь занял подобающее ему место в соборе. А тем временем Ян, скопив требуемую сумму, купил в Брюгге дом и вскоре женился на милой девушке по имени Маргарита. В 1434 году Маргарита родила ему первенца — сына Филиппа, названного так в честь Филиппа Доброго. Герцог, любивший и высоко ценивший своего придворного художника, стал крестным малыша и подарил счастливому отцу в честь радостного события шесть серебряных кубков. Позже Маргарита родила еще девять детишек.

1430-е годы — годы творческого расцвета Яна ван Эйка. Один шедевр рождался за другим. Среди них — и гениальный, загадочный «Портрет четы Арнольфини», написанный в 1434 году, первый в истории европейского искусства парный портрет. Этот портрет — небольшая революция в искусстве. Раньше художники вписывали образы портретируемых в многофигурные религи-

Гентский алтарь

озные композиции, к примеру, коленопреклоненными перед Христом, Мадонной или каким-нибудь святым. Ян ван Эйк первым осмелился показать своих героев дома, в обычной, совершенно светской обстановке.

Вот уже почти шесть веков эта картина не дает спокойно спать историкам искусства. До сих пор не разгаданы ее загадки.

Итак, на картине мы видим мужчину и женщину. Оба — в нарядных одеждах, отвечающих моде того

времени. Позы их торжественны, в лицах — глубокая сосредоточенность и серьезность.

Кто эти люди? По этому поводу искусствоведы спорят и сегодня. Герои картины явно не бедны — об этом говорят их богатые одежды,

отделанные мехом, из дорогих тканей. Основная версия — Ян ван Эйк изобразил на картине купца из Лукки Джованни ди Николао Арнольфини с женой Констанцией Трента. По этой версии, художник запечатлел на картине важный момент в жизни супругов Арнольфини — их бракосочетание. Джованни сложил пальцы так, как это было принято при произнесении клятвы. На задней стене комнаты висит зеркало, в котором словно удвоен мир, изображенный на картине. Рама зеркала содержит десять медальонов, в которых история страстей Христа. Так отраженная в зеркале жизнь этих двоих соотносится с жизнью Господа. Но это еще не все. В зеркале мы видим две фигуры — в комнате находятся еще двое! Возможно, это свидетели обряда. А на рамке зеркала надпись: «Ян ван Эйк здесь был».

А есть и еще одна любопытная версия: некоторые искусствоведы уверены, что на картине — сам Ян ван Эйк и его жена Маргарита! Они отмечают портретное сходство изображенной дамы и жены художника, а также обращают внимание на статуэтку святой Маргариты (над кроватью) — вот, мол, явный намек на имя героини. К тому же Маргарита подарила ван Эйку сына-первенца в том же 1434 году, году создания картины. Чем не повод написать такой двойной портрет!

Правда, кто-то может сказать, что женщина на картине беременна — но в те времена было модно принимать такую позу: слегка отки-

нувшись назад и чуть выставив живот вперед (у этой позы даже есть специальное название — «готическая кривая»). Так что героиня полотна совсем не обязательно ждет ребенка — она могла его уже и родить.

Не только с самим героями не все ясно, но и с обстановкой вокруг них. Она довольно проста, но тут все символично, все несет глубокий смысл, который, по-видимому, легко считывался современниками художника, а для нас сегодня — настоящий ребус.

Итак, собачка — признак благосостояния, символ супружеской верности и преданности.

Фрукты (по одной версии — апельсины, по другой — яблоки) — свидетельство достатка, а также символ чистоты и невинности. Вишня за окном — пожелание плодovitости в браке.

Красный альков справа — символ брачного чертога и классический атрибут сцен Благовещения, Рождества Христова и Рождества Богородицы.

Женщина стоит около постели: она — хранительница домашнего очага. Зато мужчина изображен у открытого окна — он добытчик, его жизнь протекает во внешнем мире, за пределами стен его дома. Четки на дальней стене — символ благочестия.

Спинка кровати украшена фигуркой святой Маргариты — покровительницы беременных женщин, а метелка, висящая на фигурке, означает чистоту супружеской жизни.

*«Мадонна
Лукка»*

Деревянные башмаки, по-видимому, отсыл к Ветхому Завету: «И сказал Бог: не приходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Наверное, поэтому мужчина на картине стоит босиком. Его дом — святое для него место. Но, может, художник нам просто говорит, что его герой — совсем не аристократ. Господа-то передвигались по улицам верхом, дабы не испачкаться в уличной грязи, или ездили в экипажах, а простой люд ходил в деревянных башмаках.

Искусствоведы пишут и о других символах, спрятанных в картине. Их разгадывать — дело на редкость увлекательное. Это как путешествие в другое время, в другую культуру...

В Брюгге под покровительством Филиппа художнику жилось спокойно и весьма небедно. В отличие от своих коллег-современников, он получал регулярное жалованье, которое постоянно возрастало — правитель Бургундии умел ценить в своих подданных талант и преданность. Наверняка Ян участвовал

*«Явление
ангела
женам-ми-
роносицам»*

Справа:
*«Благове-
щение»*

в подготовке празднеств, которые так любили при дворе бургундского герцога, придумывал костюмы, сценарии представлений, декорации. Возможно, и украшал блюда, подаваемые на стол, когда герцог принимал особенно важных гостей. Но главным делом художника всегда оставалась живопись. На всех своих полотнах он оставлял девиз — «Как умею». В этих словах — достоинство, гордость и, несомненно, понимание своего дара...

Ян ван Эйк скончался в Брюгге в июне 1441 года. Похоронили его «в ограде» церкви святого Доната, недалеко от его дома. Прошел год, и младший брат художника Ламберт (скорее всего, он тоже был художником) попросил герцога позволить перезахоронить прах ван Эйка вну-

три церкви, на что получил высочайшее согласие. Это была большая честь — в церкви святого Доната хоронили самых известных и уважаемых граждан Брюгге.

Судьбы гениальных творений художника складывались непросто. История Гентского алтаря вообще легко может стать основой для остро сюжетного авантюрного романа. Тут и кражи, и подделки. Занимательна и история «Портрета Арнольфины». После смерти Джованни Арнольфино картина попала в собрание испанского аристократа дона Диего де Гевара, долгие годы жившего в Нидерландах и знакомого с Арнольфино. В 1516 году де Гевара подарил портрет Маргарите Австрийской, штатгальтеру Испанских Нидерландов.

В 1530 году, после смерти Маргариты Австрийской, картину унаследовала ее племянница, тоже штатгальтер Нидерландов Мария Венгерская. В 1556 году она переехала в Испанию и перевезла туда картину. А после смерти Марии Венгерской картина перешла в собственность короля Испании Филиппа II. В 1599 году ее видели во дворце Алькасар в Мадриде.

В 1734 году в Алькасаре случился страшный пожар. Во дворце хранилось огромное количество настоящих шедевров — работы Веласкеса, Босха, Тициана, Веронезе, Корреджо, Брейгеля и многих других великих мастеров. Испанские монархи всегда любили живопись и с удовольствием собирали картины старых и современных им художников. Множество блестящих работ погибло в огне. Далеко не все удалось спасти. К счастью, картина Яна ван Эйка уцелела. Она украсила новый королевский дворец, возведенный на месте старого. А потом о картине все забыли — видно, во дворце было достаточно более ярких и заметных полотен. Так или иначе, более двадцати лет никаких упоминаний о «Чете Арнольфини» не было.

Начало нового, XIX века, прошло под знаком Наполеона. Вся Европа следила за грандиозными деяниями этого удивительного корсиканца, ставшего императором Франции. 18 июня 1815 года случилось историческое сражение при Ватерлоо, последняя крупная битва Наполео-

на, окончившаяся его полным фиаско. Среди офицеров армии-победительницы под управлением герцога Веллингтона был полковник Джеймс Хей. Во время сражения он получил серьезное ранение, а пото-

му вынужден был остаться в Брюсселе. Ехать на родину он просто не мог. Хейю пришлось несладко, рана болела, не давала спать, и только картина (а это был шедевр ван Эйка), висевшая на стене в комнате, которую он снимал в доме некоего милого брюссельца, скрашивала ему те трудные дни. Понемногу рана зарубцевалась, пришло время возвращаться в Англию. Но как расстаться с любимившейся картиной? Это было немислимо! И Хей упросил хозяина продать ее. Так рассказывал сам Хей, но, скорее всего, этот поэтический рассказ — его выдумка. Картина, вероятно, попала в его руки раньше, еще в Испании, в 1813 году после другой битвы — при Витории. Армия под управлением Жозефа Наполеона тогда потерпела поражение в сражении с руководимой Веллингтоном объединенной армией британцев, испанцев и португальцев. Французы собирали для Наполеона, для его Лувра, произведения искусства во всех странах, куда ступала нога наполеоновского солдата. Армию сопровождал целый обоз с картинами, которые они вывезли (а попросту похитили) из мадридского королевского дворца. И англичане не преминули захватить этот обоз. Понятное дело, в основном трофеи попали в коллекцию Веллингтона, украсившую его лондонскую резиденцию Эпсли-хаус. Но не все. «Портрет четы Арнольфини» оказался у участника битвы полковника-лейтенанта Джеймса Хейя. В 1816 году Хей привез картину в Лондон и преподнес

ее через известного, очень популярного в лондонском свете художника-портретиста Томаса Лоуренса принцу-регенту, будущему королю Георгу IV. Повисев в покоях принца и не произведя, видно, на него сильного впечатления, она была возвращена Лоуренсу в апреле 1818 года, а тот отдал ее обратно Хейю. Хей передал картину на хранение другу и, наверное, забыл о ней.

В 1838 году в Лондоне была официально открыта для публики Национальная галерея в новом здании на Трафальгарской площади. Руководители и хранители галереи активно, с большим знанием дела пополняли собрание (вскоре оно стало одним из лучших в мире собраний западноевропейской живописи). И вот тут о картине снова вспомнили. В 1842 году галерея купила «Портрет четы Арнольфини» (тогда ее называли «Фламандский мужчина и его жена») за целых 730 фунтов. Так закончились приключения этого полотна...

Сегодня «Портрет четы Арнольфини» — одна из жемчужин коллекции лондонского музея. Каждый, кто приходит в Национальную галерею, обязательно идет на свидание с этим шедевром великого фламандца, разгадывает символы, которых так много в картине, погружается в неспешную жизнь ее героев, в атмосферу любви, соединяющую этих двоих. Удивительное дело — спустя более пяти веков после их смерти и после смерти создателя картины тепло, исходящее от нее, продолжает согревать и нас. □

Анна Дианова

*Любовь
будет всегда,
сколько бы
не менялась
жизнь
на Земле*

Молодая талантливая актриса Анна Дианова запомнилась широкой публике по сериалу «Маруся» режиссера Петра Степина, в котором сыграла главную роль. А сниматься в кино она начала с 2012 года, дебютировав в молодежной драме «Скажи правду», позже сыграла в фильмах «Маргарита Назарова» и «Мальчишник». С 2015 года Анна — актриса Театра «Et cetera» под руководством Александра Калягина. Она занята в спектаклях «Декамерон. Любовь во время чумы», «Борис Годунов», «Комедия ошибок», «Земля Эльзы», «Утиная охота» и других.

— Анна, многие девочки в детстве мечтают стать актрисами, и вы, вероятно, не исключение?

— С пяти лет говорила родителям, что буду только актрисой, хотя я абсолютно не из творческой семьи. Помню, как в четырнадцать лет впервые пришла в наш Красноярский драматический театр имени А.С. Пушкина на вечерний спектакль с участием народного артиста Валерия Аркадьевича Дьяконова и была под таким

глубоким впечатлением, что решила для себя — в будущем должна играть на сцене. В Красноярске окончила подготовительные курсы актерского мастерства, где преподавала жена Валерия Дьяконова — Эмилия Николаевна Шевчук. Потом поступила в Красноярскую государственную академию музыки и театра и, отучившись три года, поехала поступать в Москву, во ВГИК. Меня приняли на курс Владимира Петровича Фокина.

Фото: Виктория Якимова

— А кто был вашим педагогом в Красноярском вузе?

— Александр Петрович Истратов, кстати, в этом году он номинировался на «Золотую Маску», он большой артист и невероятный человек. С большой благодарностью всегда вспоминаю мастера.

— Кстати, этом году, в Москве, Красноярский музыкаль-

ный театр и Красноярский драматический театр им. Пушкина получили «Золотую Маску». В номинации «Лучшая работа художника по свету в драме» награду получил Дмитрий Зименко (Митрич) за спектакль «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Красноярского театра им. Пушкина. Валерия Шелепова из музыкального театра наградили за

Фото: Татьяна Китинг

лучшую работу дирижера в мюзикле «Винил». Какие талантливые красноярцы! Анна, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в театр «Et cetera»?

— По окончании института мы всем курсом ходили показываться в разные театры. Мне повезло, потому что Александр Александрович Калягин всегда смотрит выпускников, даже когда у театра нет необходимости в новых артистах. Каля-

гин всегда нацелен на поиск талантов, новых имен.

Я показывала отрывок из «Чайки» Чехова, играла Машу. Показ проходил в несколько туров, почти как поступление в театральный институт. И вот уже четвертый год я служу в «Et cetera». Наш театр — это семья, что является большой редкостью, у нас царит особенная, дружественная атмосфера, и это уже счастье. Первые два года было очень мало

работы, но меня об этом предупредили, и я ждала.

Первая роль мне очень памятна, хоть она и совсем небольшая — это крокодильчик Кокоша в детском спектакле «Ваня и крокодил». Страшно волновалась, первый выход! Со мной репетировали все артисты, занятые в спектакле, предлагали мне еще и еще раз пройти сцены, и я поняла тогда, какие же потрясающие люди работают в этом театре. Всегда помогут и поддержат. Потом я получила небольшую, но прекрасную роль в спектакле «Земля Эльзы», а уже позже были «Политический вечер» и спектакль «Декамерон. Любовь во время чумы» — я сыграла Франческу.

— «Декамерон. Любовь во время чумы» — постановка болгарского режиссера Александра Морфова по мотивам классического произведения Джованни Боккаччо. Александр Морфов возглавляет Национальный театр в Болгарии, его спектакли идут во многих странах мира. А как вам с ним работалось?

— Невероятно интересно и изнуряюще одновременно. Морфов перед репетицией дал нам, артистам, необычное задание: написать свое самое сильное любовное впечатление в жизни. Наверное, это было важно для него... Позже он сказал, что был потрясен, когда прочитал наши признания... Знаете, этот спектакль удивительный: эпоха Ренес-

Фото: Олег Хаимов

санса и агрессия современных технологий, Морфов намеренно стирает границы времени. Любовь будет всегда, сколько бы не менялась жизнь на Земле, джунгли цивилизации никогда не поглотят ее. Любовь с первого взгляда, платоническая любовь, жертвенная любовь, неразделенная любовь... как говорит чумной в нашем спектакле: «Любовь, она никуда не уходит, из нее рождаются цветы».

— Вы играете в спектакле «Это так (если вам так кажется)» в постановке Адольфа Шапиро по пьесе знаменитого итальянского писателя и драматурга Луиджи Пиранделло — лауреата Нобелевской премии 1934 года «За творческую смелость и изобретательность в возрождении драматургического и сцениче-

ского искусства». Премьера состоялась осенью 2018 года, и спектакль идет с большим успехом...

— Спектакль действительно интересный, стильный, поставлен в эстетике Луиджи Пиранделло, в самом названии угадывается главная идея: мир такой, каким мы сами себе его представляем, и у каждого он свой, в зависимости от интеллекта, от воображения и от реальности ... Человеку, обладающему индивидуальностью, очень трудно противостоять большинству... Философский спектакль.

— Вы даже встали на пуанты в роли Дины в этом спектакле!

— Да, так захотел режиссер, а помогла мне в этом хореограф Ксения Маршанская. Мы занимались

с Ксенией два-три раза в неделю, было нелегко, после занятий постоянно делала ванночки для ног, чтобы снять усталость. Знаете, я всегда любила балет — воздушная легкость, грация, полет... Теперь я понимаю, какой же это тяжелый ежедневный труд, какими тружениками являются артисты балета!

— Вы любите путешествовать? Есть ли места, куда хочется вернуться?

— Я обожаю путешествовать и всегда, если есть свободные дни, стараюсь куда-нибудь съездить. Это неправильно думать, что путешествовать могут только состоятельные люди. Есть всегда дешевые авиабилеты, которые, если задаться целью, можно найти. Откройте Интернет, и вы в этом убедитесь. Есть крупнейшая гостевая сеть — каучсерфинга, с ее помощью люди ездят по всему миру совершенно бесплатно. Члены сети предоставляют друг другу помощь и ночлег на время путешествий, а также организуют совместные путешествия и встречи. Через каучсерфинг мы с подругой съездили в Гросетто, в Италию, жили в замечательной семье на природе, пили козье молоко, наслаждались радостями деревенской жизни Тосканы, купались в чистейшем море...

— Да, вы побывали в местах, куда доедет не каждый турист! Там и природный заповедник ла-

гуны Орбетелло, с множеством редких птиц, соленое озеро Бурано...

— Мне нравятся именно такие места. Местные жители очень доброжелательные, все объяснят, с удовольствием покажут особенный колорит своих мест, вы увидите страну совсем другими глазами.

— Какие люди вам импонируют?

— Я в принципе люблю людей, нравится заводить новые знакомства. А настораживает в людях — категоричность, крайности. Люблю тех, кто готов размышлять, сомневаться, развиваться, кто умеет воспринимать чужую точку зрения.

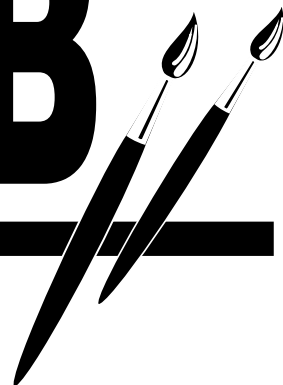
— А какой, по-вашему, должен быть зритель в театре?

— Я воспитана своими учителями так, что театр — это храм, это родной дом, такого же отношения хотелось бы получить и от зрителя. Я толерантна к зрителю, который пришел впервые в театр и шелестит фантиками, уверена, что в следующий раз он этого не сделает, так как будет по-настоящему увлечен спектаклем. Артисты должны любить зрителя, зритель такой же творец спектакля, как и мы. Если нет зрителя — нет и театра. Артист не может играть, петь или танцевать для себя... Для актера важно, чтобы его любили зрители, а любовь должна быть взаимной. □

Беседовала *Елена Воробьева*

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

25

Спустя месяц ко мне в приемную рассылный от имени юбиляра принес красиво оформленное в виде подарочной открытки, отпечатанной на первоклассной лощеной твердой бумаге, персональное приглашение на юбилейный вечер, который должен был состояться, как и сама выставка совершенно новых работ, в Большом манеже. Данное известие, естественно, не могло меня не привести в неопиcуемый восторг и большую радость за дорогого друга: «Ну и молодец же, Илья Сергеевич, уломал все-таки завравшегося мэра! Или мэр вдруг пришел в себя? Какая разница! Главное — справедливость победила! И — добро...»

Пулей полетел в цветочный магазин, и там знакомой флористке, Наталье, причем, очень даже симпа-

тичной, заказал букет цветов такой необыкновенной красоты, чтобы все гости пришли в изумление!

— Сделаем, непременно сделаем! — улыбнулась симпатичная флористка и тут же по-деловому спросила: — На какую сумму?..

— А разве у красоты цена бывает?

— Конечно, Иван Иванович! Причем, разная...

— Я понял вас, но я о другой красоте — духовной.

— Вот теперь окончательно все поняла, — сказала Наталья, сразу став серьезней.

— Значит, не подведете?

— Обижаете, Иван Иванович!

— Вот и добро!

Посмотрев на свои издававшие виды часы, правда, швейцарские, я понял, что на сборы остается всего лишь полдня. Хорошо имеющим огромное количество всевозможных нарядов, к любому празднику соберутся за час-другой. А таким мужчинам, как я, которые могут, совершенно не реагируя на осуждающие взгляды зна-

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018
и №1–6, 2019

комых, носить одно и то же пальто десять, а то и больше лет, пока, жена, наконец, набравшись смелости, не сдаст его старьевщику, быстро да еще и прилично одеться — просто беда! Просмотрев все имеющиеся у меня костюмы, жена пришла к выводу, что ни один не годится. Срочно побежали в магазин мужской одежды, к счастью, находившийся неподалеку от дома. С грехом пополам выбрали костюм, более других подходящий к случаю, — темного цвета, в синюю полоску. К нему долго подбирали соответствующие галстук и рубашку с длинными рукавами какой-то иностранной шибко раскрученной фирмы. Спасибо заносчивому, спесивому Западу хоть за это, иначе бы из-за почти полного безответственного свертывания отечественной легкой промышленности ходили бы в старой, выдавшей виды одежде — драных костюмах и платьях, или же всем народом одевались бы как попало у вездесущих, предприимчивых китайцев, напрочь забыв о доброй и верной пословице: «Не такой уж я богатый, чтобы бедно покупать!..» Однако, прибежав домой, к глубокому сожалению, увидели с женой, что ни одна пара штиблет никуда не годится. И вновь понеслись, но теперь уже в обувной отдел громадного, построенного из стекла и бетона магазина. Услужливые молоденькие продавщицы, выслушав мои пожелания, в несколько минут завалили меня всякими дорожными и не очень моделями, опять же

исключительно заграничной обувной продукции. Долго выбирал, а главное, опробовал «на ходу» одну пару за другой с таким расчетом, чтобы ногам было не только свободно, но и уютно... Наконец остановился на полуботинках темно-коричневого цвета, с высоким подъемом. Быстро надел, еще раз прошелся взад-вперед по отделу, почувствовал, что не жмут, и, облегченно выдохнув, расплатился и ушел.

Рано утром, еще не открыв глаза, по ярко сияющим солнечным лучам, мощным потоком льющим через стекла оставленного не зашторенным на ночь большого окна, понял, что сегодняшней день выдался — на радость! Слово сама матушка-природа смогла угадать, какое замечательное и знаменательное событие должно произойти в этот июньский день, а, точнее, вечер!

Мой рабочий, да и не рабочий, день руководителя расписан вперед по часам на неделю, а то и две. При бешеном московском ритме деловой жизни все, что надо будет делать еще только завтра, уже сегодня может оказаться непоправимо поздно, ибо практический результат будет равен нулю. Поэтому, чтобы добиваться в каждом деле хоть какого-то успеха, приносящего в первую очередь моральное удовлетворение, надо от рождения или со временем обязательно научиться в череде ошибок заглядывать далеко вперед. Иного, хоть из кожи лезь, в этой страсти как суровой жизни не дано.

Вот и забит каждый трудовой час до такой степени плотности, что порой забываешь даже пообедать, при этом то отвечаешь на постоянные телефонные звонки, то сам звонишь кому-то, что-то доказывая, с чем-то соглашаясь... Однако в день рождения друга все служебные, в том числе и не терпящие проволочек дела передал своим заместителям — пусть поработают самостоятельно. Кроме пользы от этого ни им, ни самой организации ничего не будет.

Заказав такси, быстро оделся в купленные вчера при помощи дорогой жены обновы и, видя, что супруга никак не может остановить свой взыскательный взгляд на одной из последних удачно сделанных покупок в виде разных платьев, юбок и так далее, чтобы не мешать ей да и просто убить драгоценное время, включил телевизор.

Наконец дверь в гостиную с шумом распахнулась, и жена, нарядившись на свой утонченный эстетический вкус, не без удовольствия резко крутанулась несколько раз на стройных ногах, обутых в светлые туфли с высокими каблуками, и лукаво спросила:

— Ну, как, милый, я тебе нравлюсь?!

— Конечно же, дорогая! Вот только теперь за тобой в таком восхитительно красивом наряде глаз да глаз нужен. Знаю я этих художников — добрая половина из них женилась на натурщицах. Да каких! Залюбуешься! Или, как говорит Илья Сер-

геевич, — «умереть, не встать!» — в шутливом тоне ответил я любимой супруге.

Меня так и подмывало броситься к ней, обнять, подхватить на руки и кружиться, кружиться, кружиться... Но заказанное такси требовательным сигналом напомнило, что пора ехать.

Первым делом заскочили в цветочный магазин. Знакомая флористка Наталья свое обещание выполнила: при одном взгляде на сотворенный ее умелыми руками букет из живых цветов в сплетенной из тростниковых тонких прутьев корзине казался восьмым чудом света. Мое настроение, с утра и без того приподнятое, вообще стало не то, чтобы праздничным, а, можно сказать, вдохновенным. Я с сияющим лицом заплатил за выполненный заказ намного больше оговоренной суммы, в знак уважения поцеловал флористке изящную ручку и, осторожно взяв драгоценное цветочное чудо, не спеша спустился к машине.

Начавшийся удачно день продолжался — до самой Тверской доехали, как говорится, без сучка и задоринки, только в начале Ленинградского проспекта, как обычно, на перекрестке попали в небольшую, образовавшуюся из-за автомобильной аварии пробку. Однако гаишники быстро разрулили дорожную ситуацию, и мы до самого Манежа доехали без остановок. Но из-за огромного количества автомашин гостей припарковаться непосредственно

у выставочного центра нам не удалось, пришлось проехать почти до самого конца «Охотного ряда», где кое-как втиснулись между двух легковушек, конечно, иностранного производства. И вдруг меня невольно охватило неясное предчувствие чего-то явно нехорошего, но я усилием воли его тут же отогнал.

Войдя в выставочный центр и пройдя через установленные после реконструкции бесполезные металлоискатели, я устремил в зал пристальный взгляд и остолбенел от открывшейся передо мной картины: на всей площади, где обычно развешивались живописные полотна, валялись вповалку оставшиеся от предыдущей выставки деревянные и стальные конструкции, фанерные листы, упаковочная техническая бумага, а по всему огромному залу почему-то лениво слонялись без дела какие-то рабочие, одетые в темно-синюю спецовку. Впечатление от увиденного было такое, будто внутри Большого манежа каким-то необъяснимым образом пронесся огромной силы разрушительный ураган! Немного придя в себя, я внимательно посмотрел направо и увидел стоящего у стены, одетого в черный строгий костюм, с крепкими, накаченными руками служащего, видать, молодого возраста охранника. Подойдя к нему, за руку поздоровался и спросил:

— Скажите, пожалуйста, а разве сегодня юбилейная художественная выставка и праздничный вечер Ильи Глазунова не проводятся?

— Как это, не проводятся! Проводятся. Это понятно даже по скоплению машин, на которых приехали уважаемые гости.

— Извините, но ведь выставочный зал совершенно не готов! В нем, как говорится, еще и конь не валялся!

— Так это рабочие подготавливают главный зал к выставке другого художника, которая должна открыться через два дня, во вторник.

— Еще раз извините, но вы не могли бы назвать фамилию или имя этого столь удачливого художника?

— Знаете, точно вот так сходу вспомнить вряд ли смогу, но, кажется, фамилия у него какая-то хохлятская.

— Случайно, не Нестеренко?

— Точно, она самая!

Чувство несправедливости, граничившее с гневом, ударило в голову, бурным потоком потекли мысли: «Ах, Вася, Вася Нестеренко, конечно, ты мог не знать о коварном замысле мэра, своего протеже: столкнуть лбами, как быков, представителей двух братских народов, но прекрасно знал, что именно то время, которое отдано единоличным распоряжением власть предержащего человека, под твою выставку, совпадает с эпохальным событием государства Российского, юбилеем Ильи Глазунова. И все-таки у тебя не хватило ни воли, ни желания уступить гению. Завидуешь, как всякий мелкой души человек? Или самоуверенно считаешь сам себя гением,

несмотря на то, что исключительно при непосредственной помощи жены мэра, под покровительством президента государственной Академии художеств Церетели, а совсем не по Божьей милости таланту, за десять лет проскочил путь от рядового члена Союза художников до академика? Если это так, то я должен тебя разочаровать: и сегодня, извини, ты со всем своим так называемым творчеством не годишься и в подметки Илье Сергеевичу Глазунову, заслуженно являющемуся народным достоянием не только России, но и всего мира!»

Однокашник Нестеренко по Суриковскому училищу, сегодня широко известный пейзажист, хотя закончил обучение дипломной сюжетной картиной, Андрей Герасимов, с которым у меня за многие годы сложились тесные, приятельские отношения, как-то в многочасовой приятельской беседе откровенно рассказывал: «Однажды, чисто случайно, в городской тесной суете встречаю Василия, охотно разговорившись, вспомнили прошлые студенческие годы и, конечно, не обошли стороной и сегодняшнюю непростую жизнь художников. В конце разговора узнаю, что завтра Нестеренко идет в столичную мэрию на прием к заместителю градоначальника, отвечающего за вопросы культуры, как он без всякого стеснения выразился, выбивать звание «Заслуженного художника России». И совершенно неожиданно, но явно с какой-то целью, приглашает меня с собой.

Честно говоря, я очень этому обрадовался и был Василию глубоко благодарен. Не откладывая в долгий ящик, уже на завтра встречаемся в условленный час у кованой узорчатой решетки мэрии. Я, естественно, не знаящий точно цели посещения, пришел налегке, а Василий — с довольно большим пейзажем, который нес под мышкой. Подойдя ко мне, он крайне удивленно, я бы даже сказал осуждающе, спросил:

— Андрей, а ты почему это совершенно пустой?.. То есть без своего одного из самых удачных пейзажа-подарка?

— Знаешь, а я как-то об этом в попыхах не подумал! — простодушно ответил я. — Да и, извини, как понимаю, не на выставку же идем!

— Эх, друг Андрей, ты хоть и, можно сказать, дожил до седых волос, но так и не въехал в условия современной жизни. Ну, ладно, пошли! Только в следующий раз дай слово, что пейзаж захватишь.

— Даю! — сказал я озабоченно...

В следующий раз я, как и обещал, не лучший, но вполне достойный пейзаж прихватил, и когда Василий завел меня в один из многочисленных мэровских кабинетов, отделанный по современным европейским стандартам высшего класса красным деревом, довольно просторный, уставленный дорогой, красивой мебелью из сплошного редкой породы дерева, смущаясь, подарил его какой-то высокой, дородной женщине, то ли начальнику отдела, то ли аж замести-

телю градоначальника! Василий, то и дело смотревший на меня, довольно улыбался, мол, молодец! Однако, когда надо было идти туда в следующий раз, я разумно подумал: «А какого черта я должен дарить и дарить свои лучшие работы, над которыми вот уже много лет с утра до поздней ночи, не разгибая спины, тружусь, тем более что администрация Газпрома у меня их чуть ли не с руками расхватывает по пять, шесть тысяч американских долларов?!» И больше пейзажей в качестве подарков в мэрию принципиально не носил. На что Василий недовольно отреагировал так: «Ну и дурак! Теперь до самой пенсии не получишь заветного звания!..»

Выслушав Андрея, я спросил:

— Ну, а все-таки, скажи мне откровенно, чем ваши похождения к высокому московскому начальству закончились?

— Как чем? Тем, что я все же получил почетное звание «Заслуженного художника России».

— А когда это произошло?

— Одновременно с Василием!

— Поздравляю!

Вспомнив этот разговор с Герасимовым, я как-то малость успокоился и опять обратился к любезному охраннику:

— А где будут непосредственно проходить праздничные мероприятия, связанные с юбилеем Ильи Сергеевича Глазунова?

— Как где? В подвале!

Ничего не понимая, но чувствуя, как в моей душе начинает круто за-

кипать раздражение, я снова обращаюсь к охраннику:

— Извините за назойливость, но вы мне не скажете, что это за такой чудный подвал, и где он, по какому адресу находится?

— Вы — москвич?

— Москвич!

— Тогда странно ваше незнание того, что в здании Большого манежа при его восстановлении после пожара, случившегося в прошлом году, построили довольно большой, просторный подвал, в котором обычно чуть ли не каждую неделю проводят с большим размахом ярмарки по продаже заморских меховых женских шуб.

— Еще раз извините бестолкового человека, но какое отношение имеют какие-то меховые шубы к мировой классической живописи?

— А я-то откуда знаю, мое дело маленькое: следить за порядком!

— Это за каким, не скажете?!

— А, к примеру, чтобы ни один посетитель без особого приглашения или не имея на руках билета, купленного в кассе выставочного зала, не прошел на выставку, неважно, какого направления и стиля! Надеюсь, это-то вам понятно, уважаемый посетитель? Кстати, у вас самого, такого настойчивого, билет или приглашение имеется?

— А как же — вот! — И тотчас, достав из внутреннего кармана пригласительные открытки, предъявил их охраннику!

Понимая, что я только время теряю, стараясь узнать у незнаю-

щего человека интересующую меня информацию, я в последний раз спросил:

— Так где находится этот шубный подвал?

— Да прямо перед вами! Видите, в самом начале зала, слева от вас, толпятся, беседуют между собой празднично одетые гости, — подсказал мне охранник и махнул рукой в нужную сторону.

Бросив растерянный взгляд строго по указанному направлению, я действительно увидел в каких-то пятнадцати-двадцати шагах от себя знакомые лица многих преподавателей Академии, которые, дожидаясь своей очереди спуститься в подвал, и в самом деле оживленно беседовали между собой. Еще раз поблагодарив молодого человека, я едва направился к художникам, как вслед услышал от него: «Будьте осторожны! Лестница, ведущая в подвал, установлена под большим углом и очень узкая, не держась за перила — упасть можно!»

26

Не спеша подойдя с женой к знакомым преподавателям знаменитой «глазуновки», можно сказать друзьям, среди которых особенно выделялись Дмитрий Слепушкин с кудрявой шевелюрой темных волос, с вечно улыбающимися добрыми глазами, Владимир Черных, ниже среднего роста, всегда глад-

ко выбритый, с густыми волосами, зачесанными назад, Лейла Хасьянова, с миндалевидным черным азиатским взглядом, так и горящим изпод широких бровей, тепло поздоровались со всеми. Я не без интереса с пятиметровой высоты заглянул в глубину подвала и увидел самого Илью Сергеевича, как всегда, одетого с тем тщательным подбором одежды, который откровенно говорит о природной аккуратности и хорошем вкусе, — в дорогом строгом костюме, с неизменным белоснежным носовым платком в верхнем левом кармане пиджака. Однако под глазами даже на расстоянии были заметны припухшие, болезненно налившиеся мешки. От природы ясный, пытливый взгляд художника в тот юбилейный вечер чуть ли ни кричал об огромной, в первую очередь психологической, усталости, которая навалилась чугунной плитой на его старческие, ослабевшие плечи. Но юбиляр крепился, старался быть веселым и сам лично у края коварной лестницы встречал каждого нового гостя. Друзья-художники уважительно пропустили вперед меня с женой, и, наконец-то, спустившись по действительно опасной, с очень узкими железными ступенями, лестнице, мы оказались в объятиях Ильи Сергеевича:

— Иван Иванович, дорогой, Светлана Васильевна, боярыня ты наша Морозова, как я рад вас видеть в этот вечер!

— А мы-то как рады, дорогой Илья Сергеевич! — дружно приветствовали мы юбиляра.

А сзади уже подпирали, я вдруг почувствовал, как мне в спину остро уткнулась чья-то корзина с цветами, и, не оглядываясь, спешно сделал несколько шагов к ожидающей нас верной помощнице друга Светлане. Быстро и тепло поздоровался с ней, и она указала мне место, специально отведенное для цветов, — довольно широкий пьедестал, покрытый белой материей, как раз напротив гостевых мест. Поставил в самой середине шедевр прекрасной флористики и опять последовал за помощницей, которая подвела нас с женой к большому круглому столу, заблаговременно сервированному холодными закусками и разными, в том числе и алкогольными, напитками. Но за стол я садиться не стал, решил, пока высокие гости и знакомые юбиляра не спеша собираются, ознакомиться с юбилейной выставкой, которая начиналась сразу за столами и уходила в глубь подвального помещения, довольно обширного, но с низкими потолками, без специального художественного освещения, что делало его совершенно непригодным для проведения выставки картин.

Центральное место во всей глазунской экспозиции, конечно, занимала последняя по времени большая, эпохальная работа «Раскулачивание», та самая, которая, по словам ее автора, была задумана еще в

студенческие годы, но к которой он смог приступить только полвека спустя. И лишь к своему восьмидесятилетнему юбилею закончить, хотя работа, можно сказать, на моих глазах, очень быстро двигалась и, вот еще одно чудо! — за каких-то полтора года была закончена! Илья Сергеевич очень высоко ценил ее, придавал ей большое значение и считал чуть ли не своей «лебединой песней», но, видя, с каким упоением он писал ее, я думал, что за ней последуют и другие масштабные полотна. Наверное, поэтому и была картина «Раскулачивание», оформленная в широченный красивый испанский багет, установлена более выгодно, чем другие пятьдесят полотен. В пятый, в десятый, а, может, уже и в сотый раз — я остановился перед «Раскулачиванием» и замер: события, развернувшиеся на полотне, как впервые, охватили все мое существо! Словно я сам лично был участником тех трагических для всего русского крестьянства событий! Вспомнился мой дед, избежавший раскулачивания благодаря тому, что в годы столыпинской реформы перебрался вместе со всем своим украинским хутором в далекую Якутию, с надеждой на новом месте обрести и новый смысл жизни. Вспомнились отец с матерью, всю исполненную лишений жизнь посвятившие развитию советского сельского хозяйства в условиях вечной мерзлоты... Всего, пережитого мной у картины, и не пересказать, настолько она

была эпохальна! И снова вспомнились великие слова стихотворной строчки незабвенного Сергея Есенина «... Большое видится на расстоянии...» И бесспорно, даже временная экспозиция этой великой картины должна была проходить в самом лучшем в мире художественном музее, а не в каком-то совершенно не приспособленном для выставок живописи подвале для продажи женских шуб.

Гася вспыхнувшее, как сухой порох, невольное раздражение, но все-таки не без чувства удовлетворения, что наконец-то великая картина, так вдохновенно создававшаяся, явлена миру, я решил вернуться на свое место за большим круглым столом. Еще на подходе к нему увидел, что все стулья, естественно, кроме моего, были уже заняты высокими гостями. Только одна симпатичная молодая семейная пара была мне совершенно не знакома. Рядом с моим стулом удобно устроился столичный министр культуры Илья Худяков, за ним — его прямая начальница, сама Людмила Щецова — первый заместитель мэра по вопросам культуры и социальных проблем, за ней — ее давняя, закадычная подруга и моя коллега, известная писательница Лариса Васильева, и последним, неудобно, спиной к эстраде, чуть подавшись грудью вперед, восседал Павел Гусев, главный редактор газеты, в советское время являющейся грозным печатным гласом столичного ком-

сомола. В один из своих прилетов из-за границы, где в последнее время практически он и проживал, Гусев своим выпускающим редакторам дал строгое указание: «О великом Глазунове печатать или хорошие статьи, или — никакие...»

Наконец, заняв свое место рядом с любимой женой, я взглядом обнаружил, что, хоть и на значительном отдалении, но все же сижу напротив злополучной металлической лестницы, круто спускающейся в подвал, и импровизированного пьедестала, на который поставил свои подарочные живые цветы в шикарной корзине. А занимающие высокие и невысокие посты гости все прибывали и прибывали, и я их с самого спуска в подвал не без определенного злорадства сопровождал и сопровождал глазами до их мест. Вот осторожно ступал по скользким ступеням, одной рукой держась за металлический поручень, а другой сжимающий огромный букет алых роз, губернатор Московской области Борис Громов, заслуженный генерал, в недалеком прошлом герой последнего этапа афганского безумия. Но почему-то, смотря на генерала, тотчас вспомнился рассказ одного молодого художника, писавшего мой портрет для своей галереи, о том, что супруга губернатора заказала ему сразу аж три работы с изображением самой себя, мужа и ненаглядной дочки. Но когда работы были закончены, генеральша отказалась платить за них деньги, объяс-

нив свой некрасивый поступок тем, что ее муж не имеет собственных газовых и нефтяных скважин. А жалобы художника, что его семья в результате отсутствия денег должна будет голодать, никоим образом не смягчили ее женское сердце. Спрашивается, зачем заказывала? Или самоуверенно надеялась, что портреты ей достанутся даром — в качестве подарка за мужние заслуги перед отечеством?

От себя лично могу подтвердить и о таком качестве генерала Громова, как страшная черствость: сколько его верные избиратели, мои друзья-писатели, в тяжелых ситуациях не взывали к нему о помощи, даже дежурного ответа, мол, разберемся, дорогие граждане, не получали! Но, ради справедливости, хочу добавить, что когда на его высокое губернаторское имя поступила телеграмма относительно очень важного для переделкинских писателей вопроса от Юрия Бондарева, получившего в свое время широкую известность благодаря написанными им в молодые годы повести «Батальоны просят огня» и романа «Горячий снег», то Громов в спешном порядке дал строгое указание создать соответствующую комиссию, наделенную полномочиями рассматривать вопросы недвижимого имущества, в данном случае речь шла о выполнении просьбы известного писателя помочь ему приватизировать общественную дачу-мастерскую. Да вот беда, губернаторское указание шло

в разрез с российским законодательством и уставом собственника «Литфонда». И все-таки мне как руководителю этой общественной организации пришлось выдержать несправедливый жесткий напор созданной губернатором комиссии с привлечением и других административных сил, в том числе и правоохранительных. Ну да ладно, там, на небесах, каждому воздастся по делам земным, равно добрым и злым!

А вот узнаю бывшего налогового министра, потом еще какого-то шибко большого начальника, а теперь депутата Федерального собрания Александра Починка. Высокий, нескладно сложенный, с большими, как хохлятские вареники, торчащими ушами, с глубоко посаженными, неспокойными глазками, все время бегущими по сторонам, словно их хозяин потерял что-то очень важное и теперь пытается во что бы то ни стало отыскать, любящий на светских банкетах, довольно крепко поддав, с бокалом красного дорогого вина неуверенной походкой переходить от стола к столу с важными только для него навязчивыми разговорами. Не без иронии глядя на него, я вспомнил один интересный случай.

Позвонил однажды Илья Сергеевич и попросил меня как можно быстрее подъехать в «Русское посольство», то есть к нему домой. Ни минуты не раздумывая, я помчался как угорелый на его зов. Художник встретил меня в прихожей и, пока я раздевался, быстро ввел в курс дела:

— Иван Иванович, через пятьдесят минут должен подъехать Александр Починок, ты его должен знать, если нет, то невелика беда... Приедет с каким-то важным для него или для меня, извини, я по телефонному разговору так и не понял, предложением. Так вот я хотел бы просить тебя в качестве моего советника не только присутствовать при нашем с ним, нутром чувствую, непростом разговоре, но и, как ты умеешь здорово делать, в нужный момент сказать свое волевое слово. Согласен?

— О чем разговор!

Действительно, через несколько минут супруга художника, прелестная Инна Дмитриевна, со вкусом одетая в темную юбку, зеленый вязаный джемпер, из-за которого выглядывала белоснежная сорочка, торопливо доложила о прибытии ожидаемого гостя. Я, как ни в чем не бывало, остался сидеть за столом в гостиной, а Илья Сергеевич торопливо спустился на первый этаж встречать Александра Починка. Буквально через минуту возвратился, ведя его, как давнего друга, под руку, усадил своего гостя напротив меня, а сам сел между нами за торец стола и без какой-либо раскачки, видимо, в моем присутствии чувствуя себя совершенно уверенно, сразу же бодро произнес:

— Уважаемый Александр Петрович, в самом начале нашего разговора хочу вам представить большого русского поэта и моего верного помощника по финансово-экономическим вопросам Перевер-

зина Ивана Ивановича! — И сделал в мою сторону резкий жест.

Я тотчас протянул Поченку руку для пожатия и сказал:

— Точно! Но кроме этого еще являюсь и руководителем Литературного фонда России! Очень старой общественной организации, недавно отметившей свой стопятидесятилетний юбилей!

Однако протянутая мной гостю рука, как ни странно, осталась не пожатой, ибо вечный назначенец лишь смог снизить с черт знает каких облачных высот лишь до холодного взгляда в мою сторону. Это не осталось незамеченным Глазуновым, но он, будто ничего не произошло, предоставил слово напыщенному, как дворовый гусак, гостю.

— Дорогой Илья Сергеевич, — важно заговорил Починок, — понимаете, я у вас в гостях нахожусь с поручением двадцати, скажем так, совсем не бедных людей, к которым принадлежу и я. Так вот, нами единодушно принято решение издать тиражом всего двадцать экземпляров полное собрание сочинений Федора Достоевского.

Не дослушав гостя, Илья Сергеевич воскликнул:

— То есть коллекционное издание?!

— Можно сказать и так! — невозмутимо ответил гость.

— Так в чем же дело?

— А в том, уважаемый Илья Сергеевич, что мы были бы вам очень и очень благодарны, если это уни-

кальное собрание вышло бы в свет с вашими непревзойденными графическими иллюстрациями!

— Старыми, теми, что уже многократно печатались в собраниях многотомных сочинений российских классиков, или вам бы непременно хотелось, чтобы я написал еще несколько и новых, тем более, что Федора Достоевского считаю самым великим, глубоко русским писателем? — спросил художник таким тоном, словно уже дал согласие участвовать своими гениальными иллюстрациями в издании, в общем-то, непонятно какой «двадцатки», да еще таким незначительным тиражом.

— Конечно, новым иллюстрациям мы были бы очень рады, ведь они сделали бы наше собрание намного уникальнее!

— Великолепно! — воскликнул мастер.

И я увидел по его глазам, враз вспыхнувшим, как хворост, творческим задором, что он и в самом деле готов сходу принять бесспорно наглый заказ! Однако, хорошо помня наш с художником уговор, извинившись, я тут же вклинился в разговор:

— Александр Петрович, а не скажете ли художнику главное — запланирован ли вашей «двадцаткой» соответствующий гонорар, с учетом того, что заказ будет выполнять гений живописи?

Починок, почему-то посмотрев на меня так, будто только что увидел, некоторое время пребывал в нерешительности, но все-же ответил:

— Извините, Иван Иванович, но вопрос выплаты какого-нибудь гонорара нашей «двадцаткой» не обсуждался!

— А что так? Денег нет или нет желания их платить? — нажимал я.

— Тоже скажете, Иван Иванович, — денег нет! Просто мы думали, что для Ильи Сергеевича будет очень престижно напечатать свои старые и новые иллюстрации в таком редком издании, которое сразу же по выходу в свет станет непременно настоящим раритетным!

— Может быть, таким оно и будет! Только, увы, практически никому из любителей живописи Ильи Сергеевича неизвестным! Этого ни в коем случае не должно быть, что бы вы тут ни говорили! В общем я, Александр Петрович, должен вам откровенно и прямо заявить, что плохо вы со своими коллегами думали, не по чести и не по совести! Впрочем, в любом случае последнее слово за художником, ведь ему, сутками напролет работающему на трех работах, в конце концов, решать!

Воодушевленный моей поддержкой, Илья Сергеевич мягко, но отчетливо подвел черту:

— Александр Петрович, при всем моем уважении к вам, я тем не менее думаю, что Иван Иванович в вопросе гонорара прав. Тем более, в настоящее время я крайне занят, можно сказать, работой всей жизни — полным ходом пишу огромную картину «Раскулачивание».

После этих слов члену «двадцатки» ничего не оставалось, как только вежливо раскланяться. И можно было только догадываться, какие бури недовольства, а, может, и гнева ох-ватывали его самодовольную душу...

27

За памятными воспоминаниями я и не заметил, что все гости собрались, и из микрофона уже звучит вступительная речь великого юбиляра: «Дорогие друзья, я очень благодарен вам, что вы в своем плотном рабочем графике выкроили драгоценное время для моего скромного торжественного вечера! Я вас всех приветствую и по-мужски крепко люблю!»

Внимательно слушая друга, я напряженно думал: «Скажет хоть слово о злополучном подвале или постесняется, не скажет?»

Как-то неловко, будто сильно в чем-то провинившийся ребенок, Илья Сергеевич все же произнес: «К сожалению, судьбе угодно, вот только не знаю за какие грехи, чтобы свой знаменательный юбилей, с подведением, можно сказать, итогов всей творческой — и не только — жизни, я должен проводить, извините, в помещении, приспособленном для продажи женских меховых шуб. Но, как говорится, «лиха беда — начало»... Может, при острой нехватке выставочных площадей в нашей огромной

столице моему примеру последуют и другие отечественные мастера кисти...»

После этих совершенно не злобных, но до глубины души трогательных слов мне захотелось даже расплакаться, однако я только с негодованием посмотрел на Людмилу Швецову, по должности являвшуюся главной распорядительницей Большого манежа. Зато в голове уже забродил, как хорошие дрожжи в тесте, непримиримый протест к черной несправедливости, которая разверзлась перед нашим национальным гением!

Закончив вступительное слово, Илья Сергеевич предоставил право дальше вести торжественный вечер совершенно незнакомому мне молодому, высокому человеку с зычным, правильно поставленным голосом, а сам сел на свое почетное место за центральным столом. Один за другим известные политики, ученые, губернаторы, министры и депутаты подходили к микрофону и произносили, видимо, заранее заготовленные пространные речи в честь Ильи Сергеевича. Я слушал их всех внимательно, и у меня сложилось четкое впечатление, что каждый новый оратор старался вознести виновника торжества намного выше предыдущего. Какие только блистательные эпитеты не были произнесены в его адрес: и известный, и знаменитый, и великий, и неповторимый — всех не перечислить. Справедливо? Конечно! Но одного звонка любого из

гостей зарвавшегося мэру хватило бы, чтобы воздать Глазунову по заслугам! Увы, видать, даже бровью никто не повел, чтобы позвонить. Или все их заслуженные и верные эпитеты были произнесены не от чистого сердца? Не может быть, поскольку я не раз был свидетелем их искреннего проявления глубокого уважения к великому мастеру! Так в чем же дело? Скорее всего, в том, что мы слишком уж заняты собой, пребываем в каком-то обособленном мирке, пока, как говорится, петух в задницу не клюнет. Но тогда мы опять меры не знаем, ибо поднимаемся на своих обидчиков с такой ураганной силой, что всех до единого как вселенской метлой сметаем со своего пути!

К месту ли я об этом подумал? Конечно, к месту! Ведь когда руководители, наделенные властью, в каком-то жалком и глубоком подвале, а не в Кремле, в торжественном Георгиевском зале, чуть ли не наперебой восхваляют национальное достояние, остается только до поры до времени зубами скрипеть...

От этих горестных мыслей протест в моей душе взлетел на такую высоту, что я уже с трудом его сдерживал, поскольку от бокала красного сухого вина воля моя не то, чтобы ослабла, но стала плохо координируемой. Моя жена, понимая все, что происходит у меня на душе, нервно схватила за руку, сильно сжала ее и умоляюще, со слезами на глазах промолвила: «Ваня, милый! Умоляю

тебя, пойдем отсюда, ведь, взяв слово, ты скажешь в глаза собравшимся здесь зажавшимся господам все, что о них думаешь. Будет скандал! Я понимаю, что тебе он не страшен, но зачем портить знаменательное торжество своему дорогому другу, ведь ты так его любишь, ценишь. Лучше скорей пойдем отсюда!»

Мучительно долго колеблясь, я все-таки принял все доводы супруги, и мы, никого не предупреждая, по-английски, покинули торжество. Уже почти на самой верхней ступеньке травмоопасной лестницы — будь она неладна! — меня догнала верная помощница Глазунова Светлана:

— Иван Иванович! Куда же вы, стойте! Илья Сергеевич просил передать, что следующее выступление — ваше!

— Дорогая Светлана, — быстро заговорил я. — Понимаешь, случилось непредвиденное... Мне внезапно стало плохо с сердцем! В груди что-то не на шутку болит... Передай Илье Сергеевичу от нас с женой тысячу извинений и всего хорошего! Надеюсь, ты меня правильно поняла?

Она внимательно посмотрела в мои лихорадочно горящие глаза и, конечно же, все поняла:

— Иван Иванович! Не беспокойтесь, я все сделаю в самом лучшем виде! А вам от души желаю как можно скорее выздороветь!

— Спасибо, умница!

Когда мы с женой вышли на улицу, ярко и жарко горевшее целый

день солнце уже закатилось, только языкастые красно-золотые сполохи, как огромные собаки своими шершавыми языками, лизали серое, с редкими снизу темными облаками московское небо. Вечерний воздух, напрочь пропахший выхлопными газами и разогревшимся за день асфальтом, чувственно овевая легкой и сухой прохладой лицо, увы, не успокоил меня. Шумный поток разных цветов и марок легковых автомашин, мчащийся стремглав по Моховой, заметно поредел. Я, было, направился к ожидающей нас с женой машине, но вдруг, повинувшись сильно, еще до конца не ясному мне чувству, двинулся в Александровский сад, где по дорожкам, посыпанным мягким красным песком, гуляли молодые пары. Минувя их, я решительно направился к Кремлевской стене и, словно кленовый лист, с силой припечатал ладонь к кирпичной многовековой кладке.

Московский Кремль — твердыня, сердце и душа одновременно всей России, сколько на своем веку ты знавал самозванных царей, одному из которых — Гришке Отрепьеву — удалось даже повосседать на державном троне! Не забыл ты и всю хозяйничавших в царских палатах спесивых оккупантов — поляков, как поганой метлой, выметенных составшими гражданами российскими под предводительством Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина! Никогда, чтобы ни случилось, хорошего или плохого, не забудешь наполе-

оновское варварское, грабительское нашествие, в результате которого в Москве почти все деревянные строения были сожжены дотла — и по твоим опустошенным залам ворвавшийся через разбитые стекла осенний порывистый ветер носил клочки бумаг, пожухлые, прошлогодние мертвые листья берез и кленов, обрывков когда-то красивых обоев, тряпок и другого мусора. В крови невинно убитых москвичей сапоги французского императора, до тебя не проигравшего ни одного из проведенных им многочисленных сражений и битв, ступали по вековому паркету. Но, как и поляки, в конце концов, в страхе за свою жизнь позорно сбежавшего в Париж, лишь благодаря счастливой случайности не попав в русский плен! Не удалось войти в твои державные стены, в твои величавые палаты и самодовольно разместиться в них вероломно напавшим немецко-фашистским захватчиком, хотя они подошли настолько близко к твоим величавым зубчатым стенам, что, казалось, захват неизбежен! Но, завоевавшим полмира и бросившим к своим ногам расшитые золотом знамена армий почти всех европейских стран, немецким самодовольным генералам, с высоких церквей и соборов колоколен, почти сплошь испещренных осколками снарядов и пуль, всю разглядывавшим в бинокли твои древние башни и соборы и самодовольно потирающим руки: «Еще чуть-чуть — и советский Кремль бу-

дет повержен!», до самой лютой смерти ты снился как самое страшное проклятье! И как не сниться, когда на неудавшееся завоевание России ими были по безумной команде фюрера брошены в топку войны многие, многие миллионы невинных человеческих жизней.

Я неотрывно держал ладонь на вековой стене и чувствовал, как через нее в мое крепкое от рождения, мускулистое тело непрерывными волнами переливается мощь и твердость, а в душу — вера в победное,

светлое будущее России. Я ничего не просил у Кремля, ибо Господь, проведя меня через многочисленные испытания, которые я с честью выдержал, в награду за стойкость с избытком дал мне все, что необходимо, чтобы быть не на словах, а на деле настоящим русским человеком, глубоко почитавшим дорогое прошлое своей горячо любимой родины, в первую очередь молящемуся отеческим могилам! □

Продолжение следует.

Валерия Быкова

Королева Марго

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА СЕРДЦА

В течение своей жизни она носила имена и титулы Маргариты Французской, королевы Наваррской, королевы Франции, графини Ажанской и герцогини де Валуа. Но уже четыре столетия для всего света она — единственная и несравненная королева Марго.

Красота, шарм, утонченность и редкий ум этой женщины вскружили немало голов и разбили немало сердец. О ее любвеобильности ходило множество слухов и легенд. Такова была «божественная Марго», супруга Генриха IV, сестра трех королей, последняя из династии Валуа.

Она появилась на свет в Сен-Жермен-ан-Лей недалеко от Парижа 4 мая 1553 года. Назвали ее в честь двоюродной бабки Маргариты Наваррской, сестры короля Франциска I. Отец ее, Генрих II из династии Валуа, был сыном достоправного Франциска I. Мать, Екатерина Медичи происходила из одного из самых известных аристократических семейств Италии. У Маргариты было восемь братьев и сестер. Девочке исполнилось шесть лет, когда ее отец был смертельно ранен на рыцарском турнире в Париже. Маргарита или Марго, как ее без особых церемоний называли братья, была в то время очаровательным созданием, которым невозможно было не любоваться. Отцовский трон занял его старший сын Франсуа — Франциск II. Впрочем, правление его продолжалось немногим более полутора лет. После его безвременной кончины корону Франции наследо-

вал его юный брат Карл. Регентшей при нем стала Екатерина Медичи.

Детство Маргариты проходило в замке Амбуаз. Воспитательницей к ней была приставлена баронесса де Кюртон, женщина образованная, к тому же превосходный педагог. Она первая заметила незаурядные способности девочки и в немалой степени способствовала их развитию. Маргарита изучала древние и современные языки, правила стихосложения. Она обожала верховую езду, увлекалась охотой. К пятнадцати годам Марго превратилась в такого прелестного, обворожительного подростка, что красота девушки вдохновила первого поэта эпохи, Ронсара, который объявил ее новой Авророй, рождающейся вместе с зарей.

Тем не менее, она была не очень уверена в себе, и у нее отсутствовали особые амбиции. На то были свои причины. Маргарита росла при ма-

тери в атмосфере такой скованности, что не только сама не осмеливалась заговорить с ней, а сжималась от страха, когда Екатерина обращалась к ней, опасаясь, не допустила ли какую-нибудь оплошность, которая могла разгневать мать. Зато она очень сблизилась с братом Генрихом, герцогом Анжуйским, восхищалась его многочисленными талантами. Он первым привил ей интерес к политике.

Позже Маргарита встретила и страстно влюбилась в двадцатилетнего красавца князя Генриха

выдать ее замуж. Но планам ее брака сначала с наследником испанского престола доном Карлосом, а затем и с молодым королем Португалии доном Себастьяном так и не суждено было осуществиться. И тогда Екатерине Медичи пришла в голову мысль выдать дочь замуж за молодого короля — соседа Генриха Наваррского. Правда, его королевство было, мягко говоря, невелико, но брак этот мог иметь и положительные последствия. Ведь из союза гугенота Генриха и Маргариты могло родиться примирение католиков

детство Маргариты проходило в замке Амбуаз. Она была очень способной и незаурядной девочкой, изучала древние и современные языки, правила стихосложения, обожала верховую езду и охоту, а к пятнадцати годам превратилась в такую прелестную девушку, что первый поэт эпохи Ронсар назвал ее новой Авророй, рождающейся вместе с зарей

де Гиза. Он ответил ей взаимностью. Честолюбивый лотарингский князь мечтал о браке с сестрой короля. Однако Карл IX и Екатерина Медичи вовсе не горели желанием принять Гиза в семью. Особенно разгневало короля перехваченное весьма нежное письмо Марго к возлюбленному. Карл и Екатерина Медичи буквально с кулаками набросились на Марго. Чтобы окончательно разлучить дочь с де Гизом, было решено

и протестантов внутри Франции, что было необычайно важно.

Вскоре Генрих встретился со своей невестой (кстати, они были троюродные брат и сестра). Он помнил ее еще девочкой, а сейчас увидел обольстительную, элегантную и образованную молодую женщину. Король Наварры, как истый гасконец, не склонен был тушеваться перед дамами, и все-таки он испытывал известную робость перед этим,

*Маргарита
в юные годы*

по общему мнению, «неземным» созданием. Сама Маргарита отнюдь не была очарована «наваррским мужем», который явно проигрывал в сравнении с элегантным красавцем де Гизом. За день до бракосочетания она решительно отказалась идти под венец с нелюбимым человеком. Екатерина Медичи призвала на помощь Карла IX. Объединив усилия, они заставили горько рыдающую Маргариту склониться пе-

ред их волей, и 18 августа 1572 года в соборе Парижской Богоматери состоялась церемония венчания.

Свадьба Генриха и Маргариты должна была упрочить мир между католиками и протестантами. Этого, увы, не случилось. Уже через четыре дня на главу протестантской партии адмирала де Колиньи было совершено покушение. Екатерине Медичи, герцогу Анжуйскому и их советникам удалось убедить неда-

лекого, слабовольного короля в том, что адмирал готовит мятеж и гражданскую войну. Первоначальное решение покарать главарей гугенотов довольно быстро трансформировалось в план покарать всех парижских протестантов. В то же время Карл IX никак не мог допустить, чтобы Маргарита стала вдовой через несколько дней после свадьбы. Да и Екатерина Медичи предпочитала держать зятя при се-

Первая любовь Маргариты — Генрих де Гиз

бе в качестве политического заложника.

В воскресенье, 24 августа, все церкви Парижа ударили в набат, а улицы огласились воплями жаждущих крови убийц. Одним из первых был убит адмирал де Колиньи. Наемники нанесли ему удар рогастиной, а потом прикончили кинжа-

лами. Маргариту, спавшую в своей опочивальне, разбудил оглушительный грохот. Из-за дверей, в которые барабанили руками и ногами, доносился крик: «Наварра, Наварра!» Кормилица королевы решила, что вернулся муж Марго, и открыла дверь. На пороге показался окровавленный дворянин, за которым гнались четверо королевских лучников. Дворянин, его звали месье де Леран, обхватил Маргариту за талию, и оба упали на кровать. Появившийся капитан гвардейцев понимающе ухмыльнулся, решив, что королева Наваррская находится в объятиях любовника, и отчитал подчиненных за бестактное поведение. Некоторое время спустя Маргарита, уже в покоях своего брата, герцога Анжуйского, спасла двух дворян — гугенотов, упростила Карла IX даровать им жизнь.

Между тем, в городе продолжалась вакханалия убийств и насилий. Перед окнами короля навалили огромную гору трупов. Лишь к обеду Карл IX приказал остановить кровопролитие. Что же касается Генриха Наваррского, то он отделался относительно легко: отказаться от религии отцов и принять католичество, как настаивал король, было ему не так уж сложно, поскольку к этому времени религиозные чувства в нем почти угасли. В начале октября Генрих направил папе Григорию XIII послание с просьбой даровать ему прощение и принять в святую католическую веру. Тем не менее, Ека-

терина Медичи предложила Маргарите развестись с мужем. Однако Марго отказалась. «Это была ваша воля, и я должна остаться с ним», — гордо заявила она.

Чем же можно объяснить это решение? Разумеется, дело здесь не в дочернем непослушании и тем более не в страстной любви Марго к мужу. Сексуальные аппетиты Генриха были огромны, но он утолял их на стороне, преимущественно с фрейлинами Екатерины Медичи и самой Марго. Страсти между супругами

менам не малый. Ла Моль пользовался репутацией непревзойденного волокиты. Список его любовных побед вызывал зависть всех придворных кавалеров. Так что его образ в романе Дюма «Королева Марго» сильно романтизирован. Увы, его связь с супругой наваррского короля длилась не так уж долго — чуть меньше года. Ла Моль, как и любовник герцогини де Невер, итальянец из Пьемонта Аннибал Коккона, принял участие в заговоре, который возглавили Генрих Наваррский и

Генриху удалось бежать из Парижа в свою Наварру, где он скучал по Маргарите, ему явно не хватало ее как собеседницы и советчицы. А она тем временем путешествовала по Фландрии и поражала местных аристократов не только царственной внешностью и изысканным вкусом, но и своей редкой эрудицией

никакой не было, зато их отношения были основаны на взаимной симпатии и уважении. Марго часто приходила мужу на помощь, давая ему полезные советы. Со своей стороны, Генрих постоянно баловал супругу щедрыми подарками — роскошными тканями для ее туалетов и драгоценностями.

Весной 1573 года Марго без памяти влюбилась в элегантного офицера из Прованса по имени Гиацинт-Бонифас де ла Моль. Ему было уже сорок три года, возраст по тем вре-

брат короля, герцог Алансонский. Участники заговора должны были ворваться в Сен-Жерменский замок, в котором находился больной Карл IX, и потребовать для герцога Алансонского должность генерального наместника королевства. Однако планы заговорщиков оказались сорванными. Королю Наваррскому и Алансону удалось оправдаться, но менее высокопоставленных участников было решено примерно наказать. После допросов и пыток Ла Молю и Кокконна на Гревской пло-

*Супруг
Маргариты —
Генрих
Наваррский*

щади отрубили голову. Той же ночью Марго и герцогиня Неверская в карете с наглухо задернутыми кожаными шторками прибыли к месту казни и выкупили у палача головы осужденных. Забальзамированные головы своих возлюбленных женщины сами похоронили в часовне Сен-Мартен на Монмартре. А самая пикантная и маловероятная версия гласила, что экстравагантные дамы распорядись забальзамировать сердца ла Моля и Коконна, уложили их в зо-

лотые футлярчики и потом носили в мешочках под своими фижмами.

В конце мая 1574 года Карл IX скончался. На престол взошел его брат Генрих, герцог Анжуйский, под именем Генриха III, последнего монарха из династии Валуа.

Вскоре в жизнь Маргариты снова вошла большая любовь. Ее избранника звали Луи де Клермон Бюсси д'Амбуаз, и он был одним из самых обворожительных кавалеров королевского двора. Луи слыл непре-

взойденным фехтовальщиком и выходил победителем из всех поединков, а его храбрость и дерзость не знали границ. Однажды он один отбил от пяти подосланных к нему убийц, притом, что накануне участвовал в дуэли и был ранен в правую руку, которую носил на перевязи. Это, кстати, был шарф, подаренный ему Марго. В конце концов Генриху III надоели бретерские выходки и безоглядная бравада Бюсси, и он сослал его подальше от Пари-

жа, в Анжу. Марго обожала Бюсси, но достаточно быстро нашла ему замену в лице другого бесшабашного дуэлянта Шарля д'Антрага по прозвищу «красавчик д'Антраг». Но и этот храбрец не так уж долго владел изменчивым сердцем Марго.

Генриху Наваррскому удалось бежать из Парижа в свою Наварру, где он вернулся в протестантское вероисповедание, от которого отрекся в день Святого Варфоломея. Он, как и прежде, «порхал» от одной

любовницы к другой, но, по его собственному признанию, Маргариты ему все-таки не хватало — как собеседницы и советчицы. А она, между тем, путешествовала по Фландрии, где поражала тамошних аристократов не только царственной внешностью и изысканным вкусом в выборе туалетов, но и умом, редкой эрудицией и тонким знанием поэзии. Марго безукоризненно владела латынью, читала в подлиннике Гомера и Платона, превосходно знала ис-

полугода, но никаких реальных результатов не принесли. В начале августа 1579 года Маргарита с мужем прибыла в его резиденцию — крепость Нерак. Там до нее дошла печальная весть о смерти ее бывшего возлюбленного Бюсси. Этот храбрец и покоритель женских сердец отчаянно скучал в своем замке до тех пор, пока не познакомился с очаровательной супругой главного ловчего короля графиней де Монсоро. Обстоятельства их любовной

Когда встреча Маргариты и Генриха, наконец, состоялась, оба сразу поняли, что внутренняя связь между ними давно уже утеряна. Маргарите к тому времени исполнилось 32 года, и на своем браке она поставила жирный крест, переехав в одно из своих владений, город Ажан. Теперь она именовала себя графиней Ажанской, отказалась от титула королевы Наваррской, а свои ордонансы подписывала именем Маргариты Французской

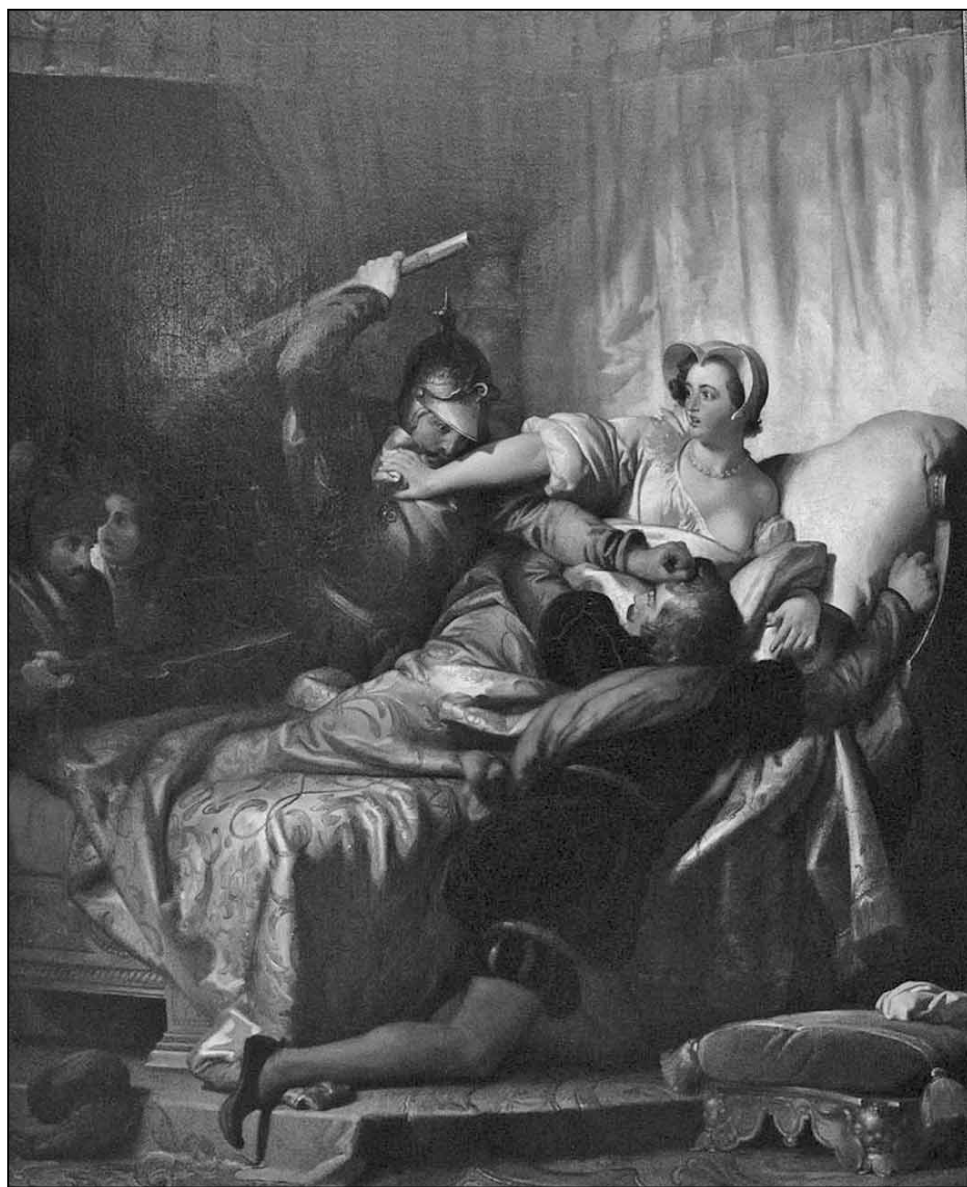
панский и итальянский. Кроме того, искусно играла на лютне и пела под ее аккомпанемент.

Шло время. Генрих III принял решение послать Маргариту к мужу. Для ведения переговоров с Генрихом ее должна была сопровождать Екатерина Медичи. Она надеялась склонить наваррца к примирению, а возможно, даже вернуть его в лоно католической церкви.

Переговоры Екатерины Медичи с Генрихом длились долго, более

связи покрыты завесой тайны. Известно лишь, что в руки Генриха III попало письмо Бюсси к его другу, в котором он рассказывал о своей любовной победе. Король недолюбливал Бюсси из-за его независимого, неуживчивого характера и решил наказать его. Он показал компрометирующее письмо графу де Монсоро и дал ему понять, что не станет вмешиваться, если тот отомстит за нанесенное ему оскорбление. Граф немедленно отправился домой и,

*Гугенот Лерак
спасается
в спальне
Маргариты
Наваррской.
(В романе Дюма
герой этого
эпизода —
де Ла Моль)*

объявив супруге о том, что знает об ее измене, приказал ей назначить Бюсси свидание вечером следующего дня. Графиня не посмела ослушаться.

Бюсси, прибывший на зов любимой женщины, попал в засаду. На него накинулась добрая дюжина вооруженных слуг графа. И тут Бюсси доказал, что сердце его и в самом деле не знает страха. Он дрался как лев. Скоро в руке оказался лишь обломок шпаги, но он продолжал сра-

жаться. А когда осталась одна лишь рукоятка, он пустил в ход стулья, табуреты, скамьи. Но врагов было слишком много. Бюсси нашел свою смерть у окна, из которого собирался выброситься, чтобы спастись. Нужно сказать, что эту сцену блистательно описал Дюма в своем романе «Графиня Монсоро». По мнению специалистов, ни в одном из своих произведений, даже в много-томной эпопее о мушкетерах, Дюма не дал такого мастерского и под-

робного описания той рукопашной схватки.

Марго была очень опечалена, получив известие о смерти своего бывшего любовника, но не в ее натуре было долго предаваться скорби. За пару месяцев в Нераке у нее сменилось несколько фаворитов, пока, наконец, в конце 1580 года в замке Фуа-Кантала родилась третья, самая большая, после герцога де Гиза

Луи де Клермон Бюсси д'Амбуаз

и Бюсси, любовь Маргариты. Ее нового возлюбленного звали Жак де Арле де Шамваллон, и он был конюшим герцога Анжуйского. Два месяца гостила она в замке Кадиллак, принадлежавшем герцогу Анжуйскому и каждый день наслаждалась обществом Шамваллона. Для Марго он был «великим чудом природы». Она исписывала стены домов

и стволы деревьев именем любимого. Однако вскоре Шамваллон вынужден был уехать, сопровождая своего герцога, и Маргарита вернулась в Париж, но без супруга, который не очень-то доверял королю и Екатерине Медичи.

В столице роман Марго с Шамваллоном возобновился. Чтобы незаметно попадать в ее дом на улице Кюльтюр-Сент-Катрин, любовник приказывал доставлять себя туда в деревянном сундуке.

Встреча Маргариты и Генриха произошла только в апреле 1584 года, однако внутренние связи между ними были уже утеряны. Маргарите исполнилось тридцать два года. В ее жизни это стало поворотным пунктом. На своем браке она поставила жирный крест. Ответственность за свои обиды и неудачи Марго возлагала на Генриха. Она считала, что их пути окончательно разошлись, и начала готовить мятеж. Вместе со своим двором Марго переехала в город Ажан, одно из своих владений. Теперь она именовала себя графиней Ажанской и объявила себя членом Святой католической лиги, перестала величать мужа королем, пренебрежительно именуя его просто «князем Беарна», отказалась от титула королевы Наваррской и свои ордонансы подписывала именем Маргариты Французской.

Войско Маргариты составляло около двух тысяч человек. Они провели несколько операций против соседних городов, в которых стояли

гарнизоны короля Наваррского. Поначалу перевеса не могла добиться ни одна сторона, но затем солдаты Генриха осадили Ажан, а затем прорвались через ряды его защитников. Потерявшая присутствие духа Маргарита приняла решение спастись бегством. Ее конюший капитан д'Обиак посадил свою госпожу позади себя на круп лошади и, пустив коня галопом, вырвался из города. После шести дней скачек по

надцать лет. Впрочем, условия ее жизни там даже в первые годы вряд ли можно было назвать суровыми. Марго сумела очаровать коменданта крепости, маркиза Канияка, и, в конце концов, тот попал в полную зависимость от своей узницы. Ну а когда весной 1589 года Канияк погиб, сражаясь за дело католической лиги, Марго стала полной хозяйкой Юсона.

В августе 1589 года король Генрих III скончался от руки фанатика.

увидев свою бывшую супругу, Генрих испытал настоящий шок. Вместо «розовоперстой Авроры», слава о которой достигла всех уголков Европы, перед ним предстала немолодая, непомерно полная женщина, единственной отрадой которой в течение многих лет было объедаться сладостями и не в меру много спать. Но ей все-таки суждено было пережить своего бывшего супруга на четыре с лишним года. Как-то зимой она сильно простудилась, а уже в марте последняя из рода Валуа скончалась...

горам беглецы добрались до города Карлата в Оверне. Там Марго вознаградила своего спасителя, сделав его своим любовником.

Между тем король Генрих III, которому надоели сумасбродства мятежной сестры, решил захватить ее в плен. В конце октября 1586 года Маргарита была арестована и доставлена в неприступную крепость Юсон в овернских горах. Здесь ей предстояло провести целых девят-

Династия Валуа угасла. На трон возшел супруг Марго, Генрих Наваррский из династии Бурбонов. Теперь он именовался Генрихом IV. Маргарита, королева Наваррская, номинально стала королевой Франции. Однако фактически властью она обладала только в крепости Юсон. Любовь продолжала владеть мыслями королевы, которая уже приближалась к сорокалетнему рубежу. Маргарита дарила свою благосклонность

молоденьким певцам из юсонского хора. Особым ее благоволением пользовался их хормейстер, Клод Франсуа. Под крышей своего замка Марго пережила еще множество любовных историй — это был кто-то из ее слуг или какой-нибудь местный крестьянин. Жизни без увлечений она просто не представляла. Столь же сильное удовольствие доставля-

*Король Франции Генрих IV
(бывший супруг Маргариты
Генрих Наваррский)*

ло ей чтение. Королева буквально проглатывала произведения Горация, Овидия, Петрарки и Боккаччо.

В июле 1593 года Генрих IV снова перешел в католичество. Это случилось уже в третий раз. Его слова «Париж стоит мессы» вошли в историю. Он, однако, понимал, что для упрочения династии ему нужен но-

вый брак и законный наследник. Но для этого необходимо было сначала развестись с Маргаритой. Та не возражала, но потребовала немалую материальную компенсацию. В декабре 1599 года о расторжении брака короля было торжественно объявлено при большом стечении народа в приходской церкви Лувра. Неделей позже Маргарите по ее просьбе был присвоен титул герцогини де Валуа, а в начале октября 1600 года Генрих IV заключил брак с племянницей великого герцога Тосканы Марией де Медичи.

И снова потекли годы. Марго, ставшая герцогиней де Валуа, по-прежнему жила в своем заточении в Юсоне. Однако ее не оставляла надежда на возвращение в столицу. Наконец в начале июля 1605 года Генрих сдался на ее неоднократные просьбы и разрешил ей вернуться в Париж, который Марго покинула двадцать три года назад.

Когда Генрих увидел свою бывшую супругу он, должно быть, испытал шок. Вместо «розовоперстой Авроры», слава о которой достигла всех уголков Европы, перед ним предстала, по канонам начала XVIII века, очень немолодая, непомерно полная женщина, единственной отрадой которой в течение многих лет было бражничать, объедаться сладостями, да не в меру много спать. Она вела себя по отношению к королю и королеве с большим тактом. Пятилетний же принц, будущий Людовик XIII, очаровал ее.

Марго поселилась в великолепном бывшем дворце парижского епископа. Она жила, как королева, окруженная учеными, музыкантами, поэтами и ... красивыми мужчинами. Вокруг нее, как всегда, кипели страсти.

Смерть короля Генриха в мае 1610 года от руки религиозного фанатика Равайяка глубоко опечалила Маргариту. Ей суждено было пережить бывшего супруга на четыре с лишним года. Она простудилась зимой 1615 года и стала быстро те-

рять силы. 26 марта 1615 года ее духовник предупредил ее, что конец близок. Она поблагодарила священника и подарила ему все свое серебро. На следующий день, 27 марта, королева Марго скончалась. Ей было шестьдесят два года. С нею ушел в небытие целый мир. Прах ее был погребен в часовне Святых Августинцев. Год спустя останки королевы были перенесены в Сен-Дени, в часовню, которую построила ее мать, Екатерина Медичи. □

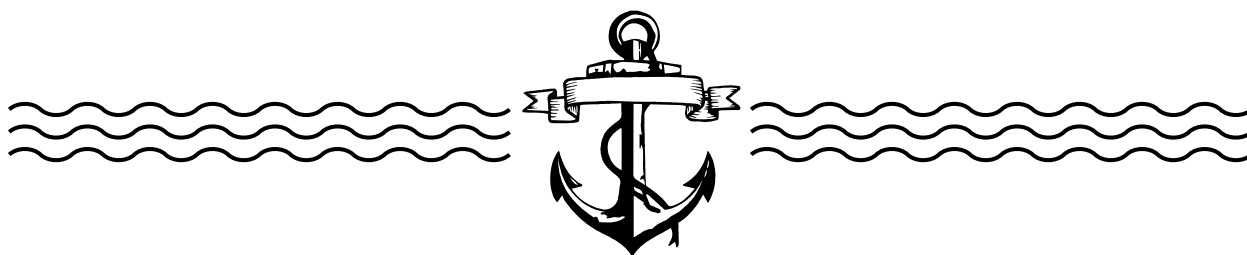
Владимир Братченко

Последний капитан «ОДЕССЫ»

*Владимир
Николаевич
Лобанов*

В прошлом году в 6-м номере «Смены» был опубликован материал Владимира Братченко о первом капитане теплохода «Одесса» Вадиме Никитине. Но история теплохода продолжалась, и сейчас мы предлагаем вашему вниманию рассказ о последнем капитане судна, Владимире Лобанове, и о том, как завершилась судьба гордости Черноморского морского пароходства — легендарного лайнера «Одесса».

Теплоход «Одесса» был одним из самых комфортабельных круизных лайнеров своего времени, а капитаны пассажирских лайнеров пароходства, по международным оценкам, считались лучшими в мире. На теплоходе «Одесса» имелось буквально все, чтобы удовлетворить самых взыскательных туристов: ресторан, бары, спортзал, сауна, бассейн, музыкальный салон, кинотеатр, зимний сад, игровой центр, сувенирный магазин, медпункт, салон красоты. Двадцать с лишним лет лайнер бороздил просторы мирового океана, осуществлял престижные кругосветные туристические круизы, обслуживал Олимпиаду в Канаде, возил туристов по Средиземному морю. Под командованием первого капитана, Вадима Николаевича Никитина, он в течение пяти лет с небывалым успехом осуществлял круизные рейсы с американскими туристами в Карибском бассейне. По два-три года судно во-

обще не заходило в Одессу. Каждый год экипаж зарабатывал по 10–11 миллионов долларов. О красавце-лайнере в Европе ходили легенды. В Германии даже создали клуб любителей круизного отдыха именно на теплоходе «Одесса», который объединял более 15 тысяч человек. Немцы записывались на круиз за год вперед. Неприятности, как всегда неожиданно, начались в 1995 году, когда «Одесса» была арестована итальянскими властями в порту Неаполя за долги пароходства. Первоначальный иск составлял не так уж и много, всего 100 тысяч долларов. Такие деньги лайнер зарабатывал за неделю плавания. Однако денег на оплату долгов почему-то не нашлось. Претензии предъявили 17 компаний. Теплоход находился под арестом до 2002 года, и долг вырос до баснословных 100 миллионов долларов. Выплачивать его никто не собирался, да и не имел возможности. В 1997 году

руководство пароходства вызвало одного из известных одесских капитанов дальнего плавания Владимира Николаевича Лобанова и предложило ему возглавить экипаж теплохода «Одесса», который к тому времени уже в течение двух лет находился под арестом. Перед капитаном ставилась задача уберечь лайнер от разграбления, поддерживать его в рабочем состоянии, а после погашения долгов перегнать его в Одессу. Начальство обещало, вернее, гарантировало, что через 2–3 месяца судно выкупят из-под ареста, Лобанов останется на нем капитаном, с правом набора экипажа, и лайнер отправится в международные круизы. Владимир Николаевич дал согласие. Вряд ли он мог предвидеть, какие испытания ожидали его и экипаж, и что сам он вернется домой только через долгих 12 лет...

Капитан Лобанов был родом из Донбасса, края степей и угольных шахт, но с раннего детства мечтал стать моряком. После школы он учился в Севастопольском высшем инженерно-морском училище, затем в Одесском высшем мореходном училище. Решив, что настоящий моряк должен пройти весь путь, начиная с матроса, пошел на рыбацкий сейнер, был матросом сухогруза, потом помощником капитана. Неожиданно для окружающих решил попробовать себя на суше: работал главным инженером рыбоколхоза, директором пионерского лаге-

ря «Чайка» в родном поселке Рыбачковка, в годы перестройки одним из первых на юге Украины открыл кооператив «Каламбур» (такое название подсказал Михаил Жванецкий). Но в душе он по-прежнему оставался моряком, поэтому через какое-то время вернулся на флот. Сначала поработал на сухогрузе, а потом был капитаном на престижном круизном теплоходе «Иван Франко».

К тому времени, как его назначили капитаном «Одессы», от бывшей знаменитой команды численностью в 250 человек осталось лишь десять опытных моряков.

Лобанов вспоминает: «Приехали мы вдесятером в Неаполь. <...> Пришлось жить на борту, а не в гостинице, как обещали. Там только питание на человека обходится в 20–30 долларов в сутки, а нам вместо зарплаты присылали 40 долларов суточных на человека и раз в полгода 2–3 тысяч долларов на нужды судна. Через три месяца выплата командировочных прекратилась. Денег не было даже на питание. Зато нас щедро кормили обещаниями: мол, это временные трудности, вот-вот все закончится, арест снимут, и вы получите все, что причитается. Арест никто не снял, а вот топливо на судне закончилось, и мы остались без электроэнергии». Летом металлический корпус лайнера раскалялся до 50 градусов жары, а зимой температура в помещениях опускалась почти до нуля. Моряки в порту собирали доски, и на сооруженной

Теплоход «Одесса»

на палубе печи готовили еду и грели воду. А на ночь ее наливали в пластиковые бутылки и обкладывались ими, чтобы хоть как-то согреться.

На лайнере имелись тысячи не распечатанных комплектов французского льняного белья, музыкальные инструменты, новейшие электронные системы кондиционирования воздуха и опреснения морской воды стоимостью по два миллиона долларов. В каютах — дорогая мебель, картины и посуда. Запас спиртного, в том числе редкие коллекционные коньяки по 500 долларов за бутылку, оценивался в 120 тысяч долларов в тогдашних оптовых ценах. «Неапольский суд моряков» позволял в исключительной ситуации продать часть имущества для обеспечения жизни судна. Но за

все время вынужденной стоянки не было продано ни одной тарелки, хранившейся на борту.

Иногда морякам удавалось немного заработать, что-то подремонтировать на соседних судах или в порту. В конце концов лайнером-арестантом заинтересовались итальянские, французские и российские тележурналисты. И вот, после того как однажды итальянское ТВ показало фильм «Фантастический флот», посвященный «Одессе», в жизни экипажа наступили изменения. Начальник порта дал распоряжение провести с берега кабель и подать электричество. Ток был слабенький, обеспечивал по одной лампочке на каюту и один холодильник, но это была огромная помощь. Из разных мест Италии и от местной морской

церкви стали поступать посылки. Иногда скромную помощь оказывали экипажи других судов, заходивших в неаполитанский порт. Братскую солидарность проявила российская компания «Долфин», бывший «Совфрахт» СССР. Эта фирма выделила 50 тонн топлива и одолжила 10 тысяч долларов на нужды экипажа, которые пароходство так им и не вернуло.

Рядом с «Одессой» стояли другие арестованные суда, без экипажей, разграбленные и неуправляемые. Они «болтались» на якорях и во время шторма бились друг о друга. Не раз моряки ломали руки и ребра, натягивая канаты, чтобы удержать лайнер от столкновения с ними, а также со стоящими там корабля-

ми НАТО. Едва не погиб и сам капитан «Одессы», когда в декабре 2000 года случился сильнейший за последние сто лет шторм. Вот его рассказ о том событии: «В это время в Неаполь пришла эскадра НАТО: два авианосца, крейсера, эсминцы. И тут шторм. <...> Все суда, которые стояли рядом, начали друг друга бить, <...> а у нас же стекло, витрины, рестораны, бары, иллюминаторы. Нужно было что-то делать, как-то это все спасти. Я позвонил по телефону в порт, попросил хотя бы один буксир для поддержки, чтобы нас не выбросило на причал, чтобы мы не утонули. Они сказали, что не могут, что все буксиры заняты на американских кораблях — те платят сразу, до спасения. Говорят:

«Спасайтесь сами, как можете». Я предложил все суда связать вместе, по крайней мере, не будем биться. Экипаж практически весь вызвался по этим судам попрыгать и связать их. Собрали по всему порту старые канаты. И я подумал, если кто-то погибнет, а вероятность высокая, то мне нужно будет и родителям, и детям, и женам рассказывать, как они погибли, а я остался жив. <...> Поэтому, в связи с тем, что я отвечаю сам за себя, и надобной никто не стоит, я принял решение самому все это сделать. Сначала вроде справился, но последнее судно то подходило, минимум где-то метра на два, потом метров на 50–70 уходило, потом снова подходило, потому что якорь не держал его. Надо было на него как-то перепрыгнуть, а это зима — дождь со снегом, ветер, страшно. Я долго стоял, потом залез на планшер, это над палубой такой борт, и прыгнул... Но поскользнулся и упал, разбил голову, сломал руку в локте, ключицу, два ребра, коленная чашечка пополам, шесть позвонков вылетело, копчик сломал. Одним словом, от боли потерял сознание. А когда очнулся, вижу — там вода заливают, дождь идет, меня в этой воде носит между бортом и трюмом. Ребята сказали, что я без сознания пробыл часа два. Потом они все-таки стянули эти судна. Так мы спасли наш теплоход».

После этого случая Папа Римский Павел за мужество, проявлен-

ное при спасении кораблей от затопления, вручил Владимиру Николаевичу «Орден Кавалера Святого Георгия» и Папскую грамоту, а делегация из России, по поручению Патриарха Алексия, подарила ему редкую книгу «По святым местам». Власть Неаполя и морская церковь Неаполя собирались сделать капитана Лобанова почетным гражданином города, дать ему трехкомнатную квартиру. Но для этого было необходимо получить официальное подтверждение МИДа Украины. А там, видимо, усмотрели «политическую провокацию» и не дали своего согласия.

Команда во главе с капитаном долгие месяцы, а точнее годы, жила без зарплаты и медицинской помощи, без света и тепла. Моряки с нетерпением ждали, когда кончится этот кошмар. Но здоровье даже этих мужественных и закаленных «морских волков» стало не выдерживать. Seriously заболел механик Владимир Аксененко. Местные больницы иностранного пациента без страховки не принимали, и он скончался. Его тело с трудом удалось отправить на родину. Вновь выручил «Долфин», выделивший украинскому консульству 10 тысяч долларов. Из них 3,5 тысячи ушло на транспортировку покойного, а остальные куда-то «испарились». «Ненавижу людей, которые наживаются на покойниках», — прокомментировал этот позор Лобанов. Немногом позже от физического и морального истощения умер электромеханик

Евгений Лапшин. У него обнаружили опухоль мозга. С помощью морской церкви его поместили в больницу. За время пребывания там у него отросла длинная седая борода, и соседи по палате окрестили его «дедом». Один из них, 94-летний старичок, поинтересовался, сколько лет Евгению, и когда узнал, что 60, не мог в это поверить: после перенесенных испытаний электромеханик выглядел глубоким стариком. Его подлечили, он вернулся на судно, но внезапно умер. Пароходство ничем не помогло, даже из профсоюза никого не было на похоронах. Не справилась с переживаниями и умерла, вернувшись домой, жена боцмана, которая несколько месяцев провела с ним на арестованном судне.

Тем временем корабль превратился в неофициальный центр украинского землячества. По выходным здесь собирались украинцы, волею судьбы оказавшиеся в Италии. Они привозили продукты, вместе с моряками жарили шашлык, ловили рыбу и распевали украинские и русские песни. Полиция знала об этом, но к тому времени экипаж сумел завоевать настолько большой авторитет, что на это закрывали глаза. К сожалению, были и другие украинцы — эмигранты-националисты. Получилось так, что обезопасить команду и судно от их «наездов» помогла местная «Коза ностра». «Никогда не видел живого кэпа», — признался мафиозный босс, поднявшись на судно. «А что, только

мертвого?» — поинтересовался Лобанов. Босс оценил шутку, посмеялся, и взаимное доверие было установлено. Мафиози взяли команду «под защиту», помогали с лечением, и в кое-чем другом оказывали помощь. «У мафиозо интересная система «наездов», — вспоминал капитан Лобанов. — На первый раз ты станешь жертвой мелкого хулиганства со стороны подростков: разобьют в твоём офисе стекло, взорвут петарду. У нас как? — поймал, дал по шее, вызвал милицию. Но в Италии только попробуй поднять руку на ребенка, тебя тут же засудят, все общество будет против тебя, могут даже расстрелять. Один раз и мы столкнулись с таким «ребячеством», но нам помогли быстро решить проблему». Однажды между капитаном и «боссом» произошел «задушевный» разговор. Капитан признался, что мечтает как можно скорее вернуться на родину. «Босс» разоткровенничался и сказал, что у него тоже есть мечта: «Ограбить банк и оставить при этом отпечатки пальцев моей тещи».

Бывали еще более любопытные случаи, когда приходилось искать защиту у начальника американской военной базы в Неаполе, обращаясь к его жене, которая была русской! Одесситы также старались помочь экипажу лайнера. Был учрежден «Фонд спасения «Одессы», но собранные горожанами деньги куда-то исчезли, экипаж ни копейки так и не получил. В течение пяти лет капитан

*Владимир Николаевич
демонстрирует Папскую грамоту*

дальнего плавания Владимир Николаевич Лобанов был капитаном пассажирского теплохода «Одесса», который никуда не плавал и не перевез ни единого пассажира. Пароходство по-прежнему обещало рассчитаться с экипажем сразу после освобождения судна из-под ареста или его продажи, которая постоянно откладывалась.

Наконец 9 апреля 2002 года состоялись торги, на которых лайнер выкупила украинская рыбопромысловая компания «Антарктика». Каждому члену экипажа был выплачен аванс по 5 тысяч долларов, и только после этого капитан «Одессы» передал судно вновь прибывшей ко-

манде. Одесситы сошли на берег и остались в Неаполе, ожидая, когда пароходство расплатится с ними в полном объеме. Они сняли жилье и устроились на работу: кто на стройку, кто охранником на автостоянку, а Лобанов — капитаном на туристический катамаран. За годы пребывания в Италии он полюбил эту страну, ее традиции, колорит, кухню. Вот только на макароны он смотреть не мог, наелся их, как говорится, всласть и на всю жизнь. Он уже неплохо говорил по-итальянски, но, правда, не с такой бешеной скоростью, как темпераментные итальянцы, познал все тонкости выживания на чужбине, и когда получил

вид на жительство, открыл небольшую фирму «Трайидент». В Неаполе было много соотечественников, фирма занималась переводом и легализацией документов, оказывала юридическую помощь и правовую поддержку украинцам. Неожиданно пришло плохое известие: остаток зарплаты пароходство отказалось выплачивать, заявив, что, согласно международным законам, долги должна оплатить итальянская сторона, получившая деньги от продажи судна фирме «Антарктика». Моряков заверили, что у них на это есть законное право, но необходи-

мо дождаться решения суда. После утомительной и длительной процедуры суд вынес положительное решение. Но очень скоро судьи «опомнились» и объявили, что их решение ошибочно, так как они рассматривали дело, пользуясь украинским «Кодексом торгового мореплавания», а не итальянским «Навигационным кодексом». Разбирательство возобновилось и длилось три года, после чего вновь последовал отказ, на том основании, что действие «Итальянского кодекса» не распространяется на украинских моряков. Адвокаты подали протест в апелляцион-

ный суд Неаполя, который руководствовался «Гражданским кодексом Италии». Но в нем о морях вообще не было ни слова.

Между тем, уже на берегу, умер третий член экипажа, матрос Анатолий Валь. «Я его еще с «Ивана Франко» знал, — рассказывает Лобанов. — Он Афганистан прошел, имел боевые награды. На нервной почве у него открылась язва желудка. Стало ему хуже, потерял сознание, отвезли его в больницу. Там он и умер... Это был мой друг, спасал меня два раза — и на «Иване Франко», и на «Одессе», во время того памятного шторма. У него сын остался, жена. А пароходство платить отказывается — он же не на теплоходе умер, а на берегу, так сказать, «по своей инициативе». Именно так — умер по своей инициативе».

В 2005 году моряки, потеряв надежду на итальянскую Фемиду, были вынуждены подать иск в украинский суд на свое родное пароходство. Приморский райсуд города Одессы вынес решение в пользу экипажа, апелляционный суд подтвердил его. Однако Верховный суд Украины отправил дело на новое рассмотрение с незатейливой аргументацией: «Они знали, на что шли!» Получилось прямо по украинской пословице: «З паном судитись — як чолом об стінку битись. (С паном судиться — как лбом о стенку биться).

Впервые Лобанов смог приехать в Украину после восьми лет итальянского «плена» в 2005 году. Ког-

да он уезжал, дочка в школу ходила, а приехал, она уже два высших образования имела и получала третье. Умерла мама, ушла жена, забрав трехкомнатную квартиру. «В Одессе я прошел курсы повышения квалификации и подтвердил капитанский диплом, — вспоминает капитан. — Мне все навстречу шли, почти все экстерном сдал. В Одессе все на «бабках» построено, но с меня даже копейки никто не взял. Девочкам-секретаршам за ускорение оформления документов коробку конфет чисто символически даю, а они: «Нет-нет, вы же с «Одессы», нас Бог накажет!» Была даже такая история: таксист меня узнал, так мало того, что денег не взял, еще и притащил из магазина две бутылки шампанского. Одна, говорит, вам, а на другой распишитесь, я ее своим детям на память подарю».

Однако надо было возвращаться в Неаполь: земляки нуждались в его помощи, на фирме «Трайидент» его ожидали их просьбы и обращения. Кроме того, Лобанов был президентом ассоциации «Координационный совет организаций украинской диаспоры в Италии», в которой уже было зарегистрировано 20 организаций и подали заявки на вступление еще около 80 со всей Италии. (Надо сказать, что практически все, что он зарабатывал своим скромным бизнесом, он вкладывал в развитие украинской диаспоры.)

В конце 2009 года капитан Лобанов окончательно вернулся на ро-

дину, в незалежную Украину. Он узнал, как подло пароходство поступило с моряками — пообещало рассчитаться по долгам, если они напишут заявления об увольнении. «Уговорили» почти всех, кроме капитана и главного бухгалтера. Капитан заявил, что сам уволится только после того, как пароходство рассчитается со всеми матросами. В заявлении он написал: «А до этого момента прошу числить меня в отпуске без содержания или предоставить работу по специальности». Однако в пароходстве были уже новые люди, не имеющие к флоту никакого отношения, и с экипажем «Одессы» так никто и не рассчитался. Как считает Лобанов, долг в общей сложности составил 1, 5 миллиона евро. А когда Владимир Николаевич пришел оформлять свою пенсию, там удивились и объявили, что он уволен за прогулы, а все документы, включая трудовую книжку, исчезли. «Мне удалось восстановить свою трудовую деятельность по копиям документов, которые случайно остались у меня. Благодаря этому получилось оформить минимальную пенсию, но 12 лет было потеряно...»

Приход теплохода «Одесса» в родную гавань встречали с большим подъемом. В порту собрались городские власти, капитаны, плававшие на «Одессе» в разные годы, члены экипажа, ветераны ЧМП, бизнесмены, пресса, толпы горожан. Генеральный директор «Антарктики» Валерий Кравченко заявил журнали-

стам: «Мы за него боролись, чтобы вернуть его в Одессу, чтобы он работал. Работал на Черном и на Средиземном морях». Он пообещал морякам: пару месяцев отдохнете, и — в строй, а все долги выплатим. Но случилась беда: его застрелил наемный убийца, и эта неожиданная смерть похоронила все мечты моряков. Новый генеральный таких обещаний не дал. На борт зачастили «важные и полезные люди», большие любители выпить и закусить «на халяву». Когда запасы вин и деликатесов иссякли, а имущество растащили и распродали, судно поставили в док на реконструкцию, но оказалось, что денег для ремонта нет, и лайнер был продан прибалтийской фирме за 1 миллион 399 тысяч долларов (это притом, что на момент ареста судно оценивали в 60 миллионов).

Печальная судьба славного теплохода «Одесса» закончилась тем, что его еще раз продали, предварительно сняв все оставшиеся механизмы и оборудование, и в 2007 году отправили в последний путь — в Индию, на «кладбище кораблей», где его разрезали на металлолом...

О пятилетней вахте экипажа «Одессы» во главе с капитаном Владимиром Николаевичем Лобановым французские кинематографисты сняли документальный фильм «Моряки Одессы». Фильм, с перерывами, снимался в течение трех лет. Он занял первые места на трех международных кинофестивалях: в Па-

риже, Турин и Салерно. Его, как невероятный триллер, показывали по центральным каналам телевидения Европы и в кинотеатрах европейских стран, в США, Канаде, Аргентине, Бразилии. Капитан Лобанов и его команда стали легендой города Одессы.

Сегодня Владимир Николаевич живет в Николаеве. Его часто спрашивают: «Стоило ли бороться, когда все так обернулось?» На что он отвечает: «Я знаю, что поступал правильно, по своей совести и убеждению!»

Хотя ни честно заработанных денег, ни добрых слов, ни морального удовлетворения капитан Лобанов так и не дождался, а все лишения и жертвы экипажа оказались напрасны, тем не менее, он намерен добиться от Черноморского пароходства справедливого решения для моряков теплохода «Одесса». И... по-прежнему мечтает выйти в море.

P.S. В итальянских судах рассмотрение иска моряков с теплохода «Одесса» длилось 14 лет! □

С полгода назад Шторм начал сдавать. Сначала, неожиданно и как-то сразу, у него поседели усы и морда. Все это было бы даже забавно, но, заметив седину, Хозяин по-новому, критически оглядел своего друга. И ужаснулся.

Бока у Шторма впали так, что при дыхании чуть ли не обнажались ребра. Грудь, могучая, как и прежде, выглядела странно при проваленной тощей спине. И уж совсем жалким стал круп, из-под кожи которого выпирали кости. Проведя этот беглый неутешительный осмотр, Хозяин вздохнул и впервые подумал о том, что, заводя четвероногого друга, неизбежно берешь на себя обязательство его хоронить. Слишком уж разнятся век человеческий и век собачий.

— Ну что, — сказал он Шторму, — стареем, брат?

Шторм, лежавший перед ним на ковре, поднял морду, пошевелил ушами и, более ничего не услышав, снова опустил голову на лапы. Веки прикрыли начавшие мутнеть глаза. Шторм засопел и впал в свое ставшее уже привычным состояние. Уши его отслеживали комнатные шумы, но надо было произойти чему-то особо серьезному, чтобы он поднялся.

«Режим разумной экономии», — грустно улыбнулся Хозяин. Он еще немного порассуждал о бренности всего земного и решил, поскольку с природой не поспоришь, не заострять внимания на печальном.

Жизнь потекла своим чередом. Немного напрягшись, можно было не замечать того, что по приходе Хозяина с работы Шторм уже не прыгал вокруг него в тесном коридоре. И что во время прогулки не тащил Хозяина за собой, получая упреки за скверное поведение. Нет, теперь он шел слева и немного сзади, покорно выполняя то, что от него безуспешно требовали в течение предыдущих двенадцати лет. Можно было при желании не заметить и того, что у него начали голубеть зрачки. Он уже несколько раз радостно бросался на улице к совершенно незнакомым женщинам, искренне принимая их за жену Хозяина.

Можно было. И Хозяин старался не замечать. Но время шло. Время бежало, летело. Нет, не так: время ползло, медленно и неостановимо. И когда жена открыла рот, решившись сказать это, Хозяин был уже согласен. О чем тут спорить? Пока что Шторм ходит на своих четырех, а что будет через неделю, через месяц?

— У нас маленький ребенок, — резко сказала жена. — Надо решаться.

— Да, — ответил Хозяин.

— Вчера Шторм снова не ел. Кожа да кости остались. Смотреть страшно! — Жена говорила зло и напористо. — Чего дальше ждать? Пока он под себя ходить начнет?

Зло и напористо потому, что нелегко отправить в лечебницу того, кого любишь.

— Это только собака, — сказала она. — Только собака.

— Да, это надо сделать, — снова согласился Хозяин.

А сынок в кроватке радостно гукал и пытался достать ручонкой сквозь деревянные прутья холодный собачий нос. Шторм отодвинул морду подальше, и ребенок, обидевшись, разревелся.

Вечером, это была пятница, у Шторма подкосились задние ноги. Он мучительно пытался подняться на передних, но лапы на паркете разъезжались, и пес всякий раз оказывался на полу. Хозяин подошел к собаке и, придерживая за живот, помог ему встать. Шторм висел у него на руках, виновато помаргивая короткими черными ресницами. Ему было стыдно за свою беспомощность, и он страдал.

«Чушь! Не надо очеловечивать животное», — подумал Хозяин.

— Завтра надо его отвести, — сказала жена.

Перед сном Шторм немного оклемался и тихим шагом погулял с Хозяином. Вернувшись домой, он плюхнулся на свой коврик, неестественно выбросив задние лапы.

— Что, зверь, плохо тебе? — Хозяин присел на корточки, погладил его по голове. — Ты уж прости меня, Шторм.

Пес улыбнулся, готовый простить Хозяину что угодно.

— Не надо очеловечивать животное! — зло озвучила мысли Хозяина жена. Когда злишься, жалость исчезает, и легче сделать то, что без злости не сделаешь никогда.

— Ладно, — кивнул Хозяин, — до завтра.

... Утро выдалось солнечным. Суббота. Хозяин взял Шторма на поводок. Тот поднялся довольно легко и, в предвкушении прогулки, радостно завилял хвостом. Давненько он не чувствовал себя так бодро.

— Может, мне с тобой сходить? — тревожно спросила жена. — Ты какой-то бледный очень.

— Не надо, — мотнул головой Хозяин и подумал про себя: «Двенадцать лет назад я принес его в дом в авоське». — Пошли! — сказал он Шторму, и тот двинулся вперед.

Чтобы сократить путь, пошли лесом. Шторм даже побегал по траве, пугая птиц. Ему казалось, что бегают он очень быстро, а прыгает ловко и высоко. Поэтому он так быстро устал и, остановившись, высунул язык, пытаясь попить из грязной лужи.

— Фу! — крикнул Хозяин. — Живот испортишь!

Потом подумал и разрешил. Шторм напился из лужи. Походил по грязи лапами. Лег в жижу брюхом. Чудесный выдался день! Сегодня можно все! Он зажмурился от удовольствия, вспоминая триста граммов колбасы и шоколадку, полученные на завтрак. Хороший сегодня день!

...Конечно, не стоит очеловечивать собак. Они не могут жмуриться от удовольствия, вспоминая завтрак. Собаки могут стариться, и тогда их надо убивать. Вернее, не убивать — усыплять. Да и что остается делать, если Шторм уже не может ходить, а в маленькой комнате дома — маленький ребенок?

Не стоит очеловечивать животное, если с самого начала знаешь, что когда-нибудь поведешь его в лечебницу...

Они шли по мрачному, заросшему кустарником лесу. Тучи воронья металась по небу, истошно крича. «Это не символ, — подумал Хозяин, — это просто соседство крупного зверосовхоза. Неужели забитых зверьков бросают на съедение птицам?.. Ну, и мысли у меня сегодня...»

Шторм устал. Язык его высунулся, легкие ходили под ребрами, тщетно пытаясь насытить кислородом утомленные мышцы.

— Потерпи немного, дружок, скоро придем, — подбодрил его Хозяин и тут же прикусил язык.

Они шли и шли, а грязный лес, наполненный вороньим криком, вонью и мухами, все не кончался. А когда он кончился, Хозяин понял, что они заблудились. Перед ними простиралась огромная свалка. Вокруг, насколько хватало глаз, валялись ржавые железины, истлевшие деревянные балки, дыбились горы выбранного грунта. Людей видно не было. «Как после боя», — подумал Хозяин. Вороньи стаи, правильными кругами кольцующие небо, дополняли безрадостное сходство.

Впрочем, взглядевшись пристальнее, Хозяин обнаружил нечто вполне человеческое. Метрах в пятистах, на противоположной опушке леса, отделенной от свалки речкой с мостиком, стоял одинокий белый дом в три этажа. Хозяин с ковыляющим на поводке Штормом пересек свалку и подошел к дому.

У единственного подъезда стоял стол, явно вынесенный из квартиры. Четыре женщины играли на нем в лото.

— Как до ветлечебницы дойти? — обратился к ним Хозяин.

— А что, собака заболела? — спросила первая.

— Ой, какая худая! — сказала вторая. — Усыпите ее!

А две другие довольно дельно объяснили дорогу.

Хозяин повел Шторма дальше. Минут через двадцать они увидели бетонный забор, окружавший приземистое серое здание с маленькими окнами, и, пройдя через ворота, оказались перед входной дверью. Из дома вышел мужчина в сером халате.

— Усыплять? — спросил он, бегло осмотрев Шторма, и, не дожидаясь ответа, приказал: — Проходите!

Хозяин провел Шторма внутрь. В помещении было холодно и темно и воняло тем, чем, видимо, усыпляют собак. Шторм, почуяв неладное, вздохнул и прижался мордой к ноге Хозяина. Напротив, на выкрашенной в грязно-зеленый цвет стене, висел плакат. «Опасайтесь бешенства!» — предупреждал он. С плаката на Хозяина смотрели бешеные собаки, бешеный теленок, бешеная лисица и даже неведомый Хозяину корсак. Художник наверняка был не лишен дарования, так как глаза животных вызывали одновременно такой страх и жалость, что Хозяину стало жутко.

Ждали они довольно долго. Шторм начал дрожать. Дрожь становилась все сильнее, он пытался унять ее, но не смог и виновато опустил голову. Потом поднял на Хозяина глаза, посмотрел ему в лицо.

«Я боюсь, — говорил его взгляд. — Но это ничего. Не дрейфь, Хозяин! — Он высунул длинный язык и бережно облизал его руку. — Это не больно... Ты же сам говорил: раз — и животное засыпает».

...Какая неосторожность очеловечивать животное, которое сам же привел в лечебницу!

— Подержите собаку, — войдя, сказал фельдшер. — Не беспокойтесь, мучиться она не будет.

— Мы пришли на прививку, — неожиданно выпалил Хозяин. — От бешенства.

Фельдшер пожал плечами, сделал укол. Теперь Шторм бешенством не заболеет.

Они вышли на улицу. Снова июль. Снова солнце.

«Эх, ты, — говорили глаза Шторма, — струсил! Счастье твое, что ты мой Хозяин. Я тебе даже это прощу».

Обратно шли по зеленому лесу. Ворон сменили неведомые Хозяину сладкоголосые птицы.

«Отсрочка, — подумал он. — Хорошо это или плохо? Конечно, я обманул сам себя. Отложил неприятное дело. Но, с другой стороны, тот, кто не умер при рождении, тоже всего лишь получает отсрочку. Что такое сотня лет в масштабах Вселенной?»

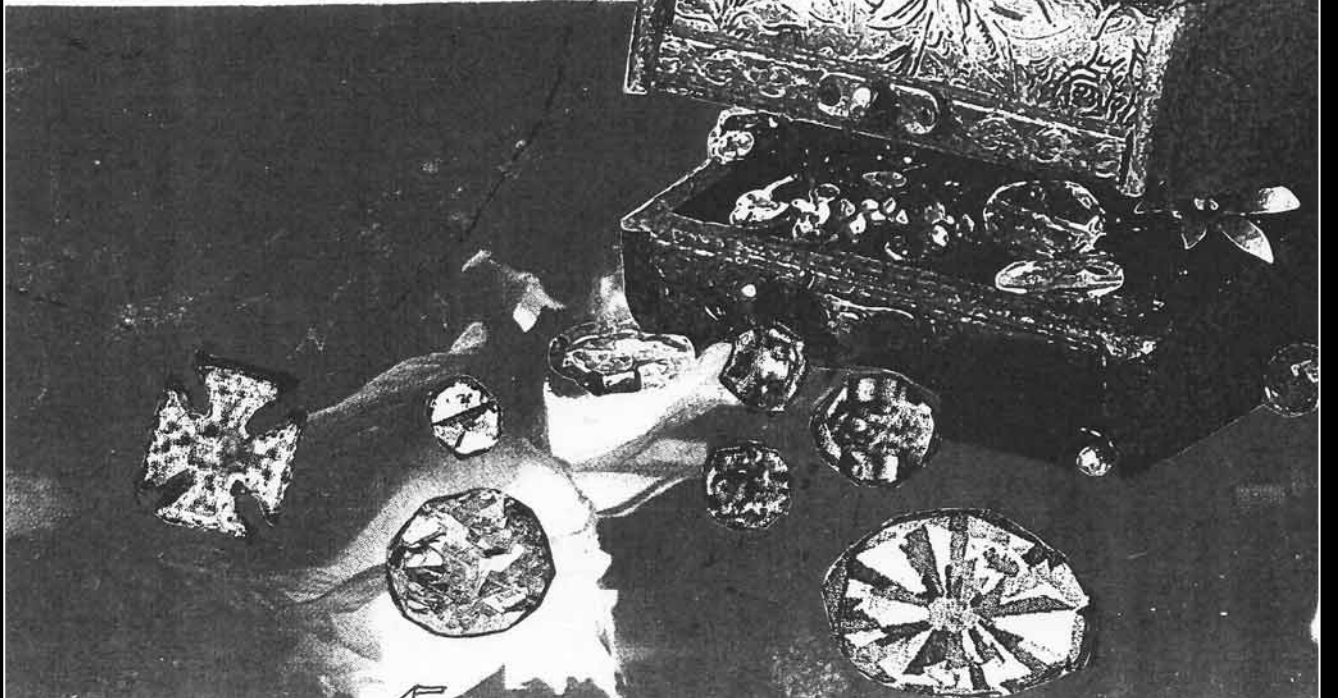
А Шторм шел рядом, по-стариковски переваливаясь и любовно заглядывая в глаза своему кумиру... □

Игорь Молчанов

СТРАНА НЕБЕС... РОССИЯ

Страна небес... Россия, край безбрежный.
Тому, кто здесь не жил, не суждено понять
Красу лесов под вой кадрили снежной,
Январской жгучей стужи благодать.
Широких рек неспешное движенье
Среди полей, которым нет числа,
Церковных куполов отображенье
В безветрии озерного стекла,
Угрюмых скал притворную дремоту
В рассыпавшихся грядями хребтах,
Суровую таежную щедроту,
Отчаянность в монашеских скитах.
С судьбой твоей сравнится не любая –
Чужих краев так много на земле,
Но русских лишь полей зноба хмельная
Мне снится в золотистом ковыле.
Сапфир небес над горизонтом тонким
Под сенью ярких радужных полос,
Где в чистых каплях перезвоном звонким
Струит прохладу дождик-водонос.
Там облаков пушистых караваны
Погонщик-ветер собирает в путь,
Там берега встречают океаны,
Чтоб край земли в пучину окунуть.
Что сердцу русскому всего милее?
Земля отцов. И где б твой ни был дом,
Покоя нет, обиды нет страшнее,
Коль матерью чужбину назовем.

Наталия Солдатова

Химера

Глава 6

Вдвоем

*А мне приснился странный сон.
Деревья. Осень. Лица, лица.
Лист тихо падал, невесом,
И шелестели книг страницы.
И что-то важное найти
Я в них, наверное, хотела...
И это был конец пути.
Но нет у тех страниц предела...*

Жорж положил листок на стул и дотронулся до спящей Нины.

— Нинок, это ты написала?

— Да...

— Мне нравится. А тебе, правда, приснился такой сон?

Нина, наконец, проснулась и села в кровати.

— Конечно. Я потому и решила его записать. А стихи получились случайно.

— Надо же! Какая ты... светлая. И тихая, проникновенная лирика. Не ожидал...

Окончание. Начало в №6, 2019 года.

Вчера они решили особенно не напрягаться — просто осмотреться. Побывали на набережной, в музее, на художественной выставке в доме Дворянского собрания, сходили в женский монастырь. Потом прошлись по центральной улице. Никаких «хвостов» за собой не заметили. Зато заприметили один очень интересный дом, двухэтажный, каменный, с лепниной по фасаду. Когда были в Дворянском собрании, видели его фотографию и узнали, что когда-то, более ста лет назад, там находилась городская библиотека. А дом этот принадлежал богатому купцу. И фамилия его значилась. Только она молодым людям ни о чем не говорила. Одна вещь их поразила чрезвычайно — дом был старый, а лепнина совершенно новая. Очевидно, ее только что отреставрировали. Возле этого дома стояли несколько человек и о чем-то горячо спорили. Молодые люди подошли поближе, прислушались.

— Надо сказать, — заметил мужчина с сумкой через плечо.

— Чего сказать? Написать надо. И с подписями отправить. Они хотя бы с фотографией сверились, — поддержал его пожилой человек в военной форме.

— А вы-то где были? Чего не подсказали, когда они все это присобачивали? — спросила дотошная женщина в домашнем халате, видимо, на минутку выскочив из этого дома.

— Присобачивали! Слова-то выбирайте! — возмутился военный. — Я не видел, нас же выселили. Это вы могли бы подсказать, соседи все-таки.

— Как я подскажу? Дом-то мой рядом, а не напротив. Это если бы напротив, я бы, может, заметила.

— А вообще-то я вот сейчас смотрю — какая разница? Что так, что этак, — вновь вклинился молодой.

— Ну конечно, вам все равно. Вы тут не жили, не смотрели каждый день на эти цветы и цифры, — ответил военный.

— Какие еще цифры?

— А вы взгляните. Вот слева, видите? Цветок с изгибом. Это как бы девятка. А была-то шестерка!

— Но ведь цветок остался!

— Ну и что, что остался? Нарушена симметрия. И вообще — порядок вещей. Потому что дальше в этих цветах и кольцах скрываются другие числа, и они все давно стали родные друг другу, а тут...

Жорж не выдержал, и, оставив Нину стоять с другими зеваками, подошел к военному.

— Вы совершенно правы. Нарушена целостность фасада.

— А то!

— Я впервые вижу этот дом, впервые вглядываюсь в цифры. Очевидно, они имеют какой-то смысл...

— Имели. Так говорят, — ответил военный. — Я, знаете, вырос тут, и мы, дети, эти цифры наизусть знали. Думаю, мы их и заметили. Взрослым как-то не до того было. А эти мастера... Мало того, что цифру перевернули, фасад испортили, так еще и крышу, заразы, покрыли так, что после первого же дождя дом пришел в негодность.

Жорж, продолжая стоять рядом с военным, шепотом, но так, чтобы тому было слышно, произносил:

— Шесть... То есть теперь — девять. Два... А пятерка какая красивая... Девять. Пять. Два. Шесть. Да... Справа шестерка и слева должна быть тоже шестерка. Очевидно. А цифры странно расположены. Одни выше, другие ниже. Интересно, почему?

— Все над этим голову ломали, — охотно ответил военный. — Думаю, здесь что-то зашифровано. Слухи ходили, что купец где-то клад закопал, а это — ориентиры. Ох, мы когда были маленькие, чего только ни делали! И землю копали, и стены простукивали. Все искали. У нас, знаете, девчонка одна была, Наташка, так даже стенку в одном месте долбить принялась. Ох, и попало же ей за это! Кстати, известная личность сейчас. Писательница. В Москве живет. Но здесь часто бывает. Ностальгия.

— Да вот ей и сказать бы. Ее и в администрации послушают, — подсказал Жорж.

— И то верно. Только ее еще найти надо.

— Наталью-то? Да на днях здесь была, сама ее видела, — проинформировала их дотошная соседка.

— И чего? Тоже возмущалась?

— Хм... Да, кажись, лепнину-то еще тогда не прилепили.

— Что ты об этом думаешь? — отходя от них, спросил Жорж у Нины.

— Интересно. Но лучше уйдем поскорее. Не нравится мне быть в центре каких-то событий.

Они направились в сторону набережной, только уже по другой улице.

— Интересно, как там твоя мама? Ничего не слышно? — спросила вдруг Нина.

— Пока нет. Думаю, тебя на людях оплакивает. Все же видели, что вы были дружны. Ведь так?

— Так-то так. Тут, в общем-то, все ясно. А вот как моя мама... Ничего про нее не знаю. Одно тебе скажу — она думает, что я умерла.

— Естественно, ей из тюрьмы сообщили.

— Нет, нет, раньше. Я в тюрьму попала под чужим именем. Так что я уже умирала однажды. И, представь, тоже тонула. Правда, мне пообещали, что маме дадут понять — я жива, мы еще обнимем друг друга. Но я не знаю, как все было на самом деле. Она могла поверить в мою смерть.

— Вот как... А настоящее твое имя...

— А я его не помню! Не знаю! Его нет, и все!

— Хорошо, хорошо, я ведь не настаиваю.

— Кстати, смотри, какое солнце яркое! Значит, и тень должна быть чистая, четкая. А? Давай и начнем с этой перевернутой лепнины. С этого дома. А что? Посмотрим.

— Да там, наверное, люди еще не разошлись.

— Если так, не пойдем в этот двор. Другие дворы, что рядом, можно обойти.

Они снова подошли к дому с лепниной и осторожно вошли во двор. Толпа уже рассосалась, можно было спокойно сесть на скамейку и рассмотреть тень. Но они не успели, солнце вдруг закрыли облака, и тень исчезла.

Зато их рассмотрела женщина, сидящая на ящике возле черного хода в магазинчик.

— Кого ищем? — внимательно посмотрела на них женщина, сидевшая на ящике возле черного хода в магазинчик.

— Да просто посидеть хотели. Гуляли по городу, устали немного, — ответила Нина.

— А дак садитесь на ящики-то, тут их много. А вы что, нездешние?

— Почему вы так подумали?

— Так ведь давно тут живу, люди-то примелькались все. А чего вам в этом доме надо? А?

— Да мы же просто...

— Перестаньте! Тут такое творится, а вы — просто... Ни дня без приключений! Если бы я работала на телевидении, то поставила бы здесь скрытую камеру и такого бы наснимала! «След» смотрите по пятому каналу? Так это еще круче было бы!

— Ой, как вы интересно говорите! Но ведь дом-то, мы слышали, расселен. И что же тут может твориться? Ведьмы? Домовые? Призраки?

— Ну, призраки — это ведь убиенные. А тут вроде пока никого не убили. Но, видать, в этом доме есть какая-то тайна. Вот она всех и приманивает как магнитом.

— И что эти люди тут делают? В пустом доме?

— А бог их знает! Прячутся, ловят кого-то, бегают, дерутся. Да и во дворе стали шнырять, мы уж в оба глядим. Как бы к нам не залетели да не обокрали.

— Ну, вообще-то бог с ним, с вашим домом! Нам не до него, у нас свои хлопоты, свадьба скоро. Кстати, а вы гадать умеете? Хотелось бы узнать, что с нами будет.

— Нет, не умею, да и вранье это все.

— Я тоже так думала. И жених говорит — вранье. Но мне год назад цыганка гадала. И знаете — все-все сбылось!

— Цыганка, говорите? — насторожилась женщина.

— Да. Она даже имя жениха моего назвала. Хотя тогда мы и не знали друг друга. А теперь вот мы с Ванечкой...

— Нет! Не знаю никаких гадалок, никаких цыганок. Пошла я, некогда мне тут с вами рассиживаться.

Они поднялись вместе с ней и побрели к выходу. Завернув за дом, остановились и услышали, как снова вышедшая во двор женщина стала разговаривать по мобильнику.

— Еще одна парочка объявилась. Молодые совсем. Он — Иван. Вроде хотят пожениться и гадалку ищут — судьбу узнать. Девица говорит — вот, мол, цыганка гадала как-то, так все и сбылось. Намекают, что опять им цыганка нужна. Ну, вопрос я уловила скрытый — не видела ли цыганку. Вот тебе и блин! Осада двора-то нашего, осада! И началась она именно после того, как эта бестия прокричала на весь мир... Слушайте, зовут меня. Перезвоню.

Да, дела. Пожалуй, сюда им соваться больше не стоит. Но как же быть? Надо все продумать. Ясно одно — этот дом представляет для них огромный интерес. Скорее всего, цыганка именно здесь и была. Жаль, что они не увидели нужную тень.

Вернувшись домой, Нина и Жорж сразу удалились в свою комнату, уселись за стол, положили перед собой бумагу, ручки и стали думать. Перед ними лежал рисунок цыганки. А еще они нарисовали фасад дома и обозначенные на нем в лепнине цифры: 6 2 5 9 5 2 6. Одни — выше, другие — ниже. Девятка — в середине.

— Девятка тут как бы главная, — предположил Жорж.

— Не факт.

— А знаешь, что я еще заметил? Все цифры — в разных цветочных орнаментах, а у девятки нет ни цветов, ни листьев, всего лишь какая-то стилизованная загогулина. И вообще, если это — шифр, где искать, то, скорее всего, в самом просторном помещении.

— Или же, судя по рисунку цыганки, искать надо во дворе.

Они переключились на двор, изучая каждый миллиметр рисунка. В левом верхнем углу, под краешком тени цыганка прочертила прямую линию, параллельную дому. А чуть правее центра всей этой картины был нарисован кружочек. А еще правее — нечто похожее на перевернутую каплю, либо электрическую лампочку. В правой же стороне, но чуть пониже, располагался прямоугольник.

— Нам бы металлоискатель...

— И будет он пищать каждые полметра, уж поверь мне. В городских дворах вся земля утыкана железом. Хотя — не помешает. Но в первую очередь — головой надо думать.

— Ты прав. И я так думаю. Но мне очень хочется туда, на то место. Возможно, я смогла бы там сориентироваться. Ведь мои руки умеют чувствовать. Вот если бы провести там хоть несколько часов... В пустом доме. И в пустом дворе.

Жорж понимал — да, это необходимо сделать. А еще ему просто не терпелось узнать всю родословную этого дома. Пойти в библиотеку, например, порыться в книгах местных краеведов. Можно даже сходить в какой-либо вуз на кафедру истории, поспрашивать там.

— А кем ты представишься? — спросила Нина, узнав о его планах.

— Мне не надо что-то выдумывать. Я — архитектор по образованию. И мне весьма интересно, как двести лет назад в маленьких провинциальных городах оформлялись, украшались богатые дома. Просто есть одна проблема. Она в тебе. Я боюсь оставлять тебя одну. Но к историкам-краеведам мне лучше все же отправиться без тебя. Разговор пойдет более профессионально, а, значит, и информации будет больше.

— А ты работал архитектором?

— Пытался. Но все мои оригинальные предложения были отвергнуты. Это — в госструктурах. Зато богатые люди меня иной раз просто осаждали. По моим проектам построены особняки и в Подмосковье, и в глухой провинции. И здесь один есть, как-нибудь покажу.

Нина заверила его, что пока он добывает нужные сведения в библиотеке и в каком-то университете, а их тут несколько, она будет сидеть смиренно в этой самой комнате и просто не двинется с места! Он взял с нее слово, что все будет именно так.

Но одной Нине сидеть не пришлось — ее позвала к себе вернувшаяся с рынка хозяйка. Она попросила Нину посидеть с ней и стала рассказывать о себе, о городе. Нина почти не слушала ее, она не уходила с кухни из вежливости, но думала о чем-то своем. А между тем хозяйка, оказывается, рассказывала о своей первой любви.

— Почти тридцать лет его не видела, так уж получилось. В одном городе, а все, видать, по разным улицам-то ходили. А сегодня мужа на работу отпустила, иду одна с рынка, а он в машину садится! В джип! И меня увидел. Я шепчу — Тихон, Тихон...

— Тихон? Это... кто? — встрепелась Нина.

— Да первая моя любовь. Шестнадцать лет мне тогда было... Мы с подружкой шли мимо одного дома, и я его в окно увидела. Сидел за столом с книжкой. Сейчас, наверное, с автоматом Калашникова больше сидит...

— Почему вы так думаете?

— Да потому что с Лустером я его видела! У Лустера, значит, служит.

— А кто такой Лустер?

— Это наш местный бандюган! Хотя, может, теперь уж и не бандюган, а олигарх. Тоже местный.

— Нерусский, что ли? Или кличка у него такая?

— Кличка. Сергей Терентьевич Лугов. Но все зовут Лустером. Фамилия, имя и отчество — в одном стакане.

— А Тихон... Имя какое редкое. Сейчас так и не называют...

— Не называют. Я его издала любила. Ходила туда, где он был. Он меня не очень-то и замечал. И вот однажды я решилась, подошла к нему и сказала, что люблю его, жить без него не могу. В тот день он проводил меня до дома, и мы поцеловались. А через некоторое время Тихон привел меня в свою мастерскую. Он ведь художник. Был. Сейчас не знаю, рисует ли. В мастерской-то все и случилось. Впервые в моей жизни. А потом... Так вышло, что у него появилась возможность поехать в Париж. На несколько лет. Я ему и сказать не успела, что беременна...

— Так ваш сын...

— Да. Это сынок его, Тихона. И очень на него похож. Мама твоего молодого человека тогда меня поддерживала. У меня иногда даже на хлеб денег не было. Никому не была нужна. Я ведь детдомовская.

— Но ведь вы, в конце концов, могли написать этому Тихону! Адрес-то его наверняка нетрудно было узнать у тех же художников.

— Да это только кажется, что не трудно, тогда ведь такое время было, стыдно рожать, не будучи в браке. А потом я с мужем своим встретила. Он в меня влюбился и ребенка сразу как родного принял. Так вот я судьбу свою с ним и определила... А Тихона до сего дня ни разу не видела! Только одну его картину храню. На стену не вешаю, чтоб ничего не всколыхнулось. А хочешь, тебе покажу? Я сама ее выбрала. Один-единственный раз была у него дома, зашли буквально на несколько минут, а эта картина висела в прихожей. «Волшебные цветы» называлась. То есть — называется. Их у него две почему-то было. Большие «Волшебные цветы» и маленькие. Я маленькие взяла.

Нине действительно хотелось посмотреть на «Волшебные цветы». Хозяйка сходила в кладовку и принесла оттуда небольшую стопку старых простыней и штор, между которыми, оказывается, и лежала картина. Она была без рамки, и женщина осторожно положила ее на стул. Нина приподнялась, чтобы лучше рассмотреть полотно, но тут же, побледнев, рухнула обратно.

— Что с вами, Ниночка? Вам плохо? — всполошилась хозяйка.

— Они меня обожгли...

— Кто?

— Ваши «Волшебные цветы»...

— Да в них есть нечто... обжигающее. Я и по этой причине держу их подальше от глаз.

— Так вы говорите, он вас узнал...

— Мне показалось, что да. Он как-то немного растерялся.

— А что, если вам его найти? А?

— Нет. Это будет предательство по отношению к мужу.

— Хотите, я его найду и все-все ему расскажу о вас. А вам — о нем.

— Нет, девочка. Не стоит.

— А как фамилия этого Тихона?

— Так Лугов же. Они с Лустером братья.

— Значит, он богатый человек. Очень богатый.

— Да уж не бедный.

— А ваш сын... Он скоро приедет?

— Скоро. Он почти каждый месяц у нас бывает. А живет в Москве.

— И вы могли бы давно купить себе квартиру в хорошем кирпичном доме. Но не сделали этого по причине...

Хозяйка на это ничего не ответила, только взяла с Нины слово, что та никогда и никому не расскажет об их разговоре. А она прошла в свою комнату, прилегла на диван и не заметила, как уснула. Ее разбудил Жорж. Он сообщил, что нашел историю дома, о котором им хотелось знать больше всего на свете — до середины девятнадцатого века в нем жила семья богатого купца. Однако позже он организовал здесь городскую библиотеку. В верхнем этаже находился большой читальный зал. В нем сохранилась прежняя лепнина, украшавшая потолок, — в одной из краеведческих брошюр была даже ее фотография. Вел туда большой парадный вход с широкой лестницей. Стены этого парадного содержали настенную роспись. К сожалению, сейчас ее нет. Утеряна, а может, просто замазана, и никто не пытается ее восстанавливать.

— Надо же... Жоржик, но ведь это означает, что мы на правильном пути. Что мы не ошиблись! Как я рада!

— И все-таки, книг-то никаких уже нет, одни голые стены.

— Стены... Но все обозначения цыганки — во дворе. Надо обязательно исследовать этот двор...

Нина задумалась. А с другой стороны, может, бог с ней, с цыганкой? Им что, есть нечего? А будет нечего, так она пойдет работать. Да хоть уборщицей к тому же Лустеру! А еще ей хочется учиться. В школе она больше всего любила физику. Можно с ее новым паспортом поступить в вечернюю

школу, она знала, что такие есть, и сдать там все экстерном. Потом поступить в университет и жить нормальной человеческой жизнью. А они сейчас чем занимаются? Мечутся по чужим дворам, ищут какие-то несметные сокровища. Хорошо ли это? Правильно ли?

Жорж как будто прочитал ее мысли. Глядя ей в глаза, он тихо произнес:

— Как ты решишь, так и будет. Я это предвидел. Понимал, что такое может случиться. Но, поверь, стоя со шваброй в руках или сидя в аудитории вуза, ты не перестанешь мечтать о тайнах и загадках. Об этом доме, который, как магнит, уже притянул к себе нас обоих...

Глава 7

Последняя конструкция счастья

Прежде всего, мы с Зоей Алексеевной решили не расплытаться и остановиться на мальчике. То есть — пренебречь поисками и намеками краеведа и не лезть пока во двор. Хотя снимки моего старого сарая в разных ракурсах говорили о том, что за этим скрыто нечто интересное. Но из кучи дел всегда надо выбирать главное. Да и на клеенке именно в этом месте была дырка. И о легенде в записке говорилось. Мы поступили очень просто — открыли местную газету с объявлениями, нашли кучу предложений о ремонте в доме, квартире и остановились на семейной паре. В разговоре по телефону выяснилось, что они — из Белоруссии. Мы встретились с ними возле фонтана и признались, что хотим сделать сюрприз некоей даме, владелице квартиры в старом доме, — отремонтировать ей эту самую квартиру. А еще — парадное, где у нее оборудована теперь хозяйственная комната. Но парадным мы займемся сами, параллельно. О примерной цене договорились быстро, хотя очень боялись, что они не согласятся работать ночью. А они даже обрадовались, так как днем могли еще где-то подработать. Им хотелось сразу же посмотреть поле будущей деятельности, и мы привели их к дому. Оказалось, что магазинчик во дворе закрыт по техническим причинам. Когда откроется, неизвестно. Я мысленно обругала себя, что «бежала впереди паровоза» — нечего было городить этот огород с ремонтниками-строителями. Но Зоя Алексеевна убедила меня, что мы все сделали правильно — дело ведь не только в работниках магазина.

Начать работы сразу же мы не могли, потому что нам необходимо было приобрести перфоратор, с помощью которого можно сделать нишу в старой

кирпичной кладке. Естественно, нам понадобится и цемент, и все для побелки, чтобы следы нашего пребывания в парадном были минимальными. А еще я выпросила у Владимира Ивановича Комова разрешение бывать в своем старом доме — якобы для оперативной работы, и мне выдали специальный документ с моей фотографией, где значилось, что подателю его никто не должен чинить никаких препятствий. Я опять подумала, что белорусские ремонтники — это лишние траты. Но жизнь показала, что я была неправа.

А следующий день я планировала провести на кладбище. Это была родительская суббота. Хотела поехать туда одна, но Зоя Алексеевна следовала за мной неотступно. Я купила цветы — большой букет самым дорогим моим людям, а когда мы уже отошли от памятника и вышли на главную кладбищенскую дорожку, тут же наткнулись на мою бывшую соседку Галю Тихомирову, утиравшую слезы и повторявшую одно слово: «Сволочи!» Я поинтересовалась, почему у нее такое странное состояние, не гармонирующее с тишиной и вечным покоем этого места.

— Какой покой? Сволочи! Ты посмотри, что сделали! Нет, пойдем, пойдем, я тебе покажу!

Мы отправились за ней. Понятно было, что идем мы к могиле ее отца дяди Паши. Увиденная картина до сих пор стоит у меня перед глазами — вывороченная земля, помятые цветы, склонившийся на один бок памятник из мраморной крошки.

— Ну, утащили, гады, ладно, так хоть приведите все за собой в порядок! Ворюги! И куда только администрация смотрит! Сейчас туда пойду. Их недосмотр, пусть сами все и поправляют! Мне-то разве справиться?

— Галь, а чего украли-то? — наивно спросила я.

— Цветочницу! Штырь-то, помнишь, был во дворе нашем от карусели? Мужики его сюда и привезли, когда папу хоронили. Тот конец, который в земле был, ну, под каруселью, тут сверху поставили, а я к нему цветочницу приделала. Красиво было. Главное — ни у кого такого нет. Так ведь выдрали, увезли, заразы! Нет, какие люди, а? У мертвых воруют!

И тут я вспомнила про краеведа. Наверняка этот посланец Черного выкопал штырь. На клеенке в этом месте была отметина. То есть, надо полагать, это не простой штырь, не железка, а... Еще упорный потомок кузнеца страшно интересовался черепом и, скорее всего, уже ведет раскопки там, где я ему показала, то есть возле школьного забора. Но более всего — об этом я почему-то боялась и думать — он интересовался моим старым сараем. И даже не самим сараем, а той огромной тяжелой железякой, тем засовом, который висел у нас на каких-то штырях и никому не был нужен. Ну, железный запор в московском Замоскворечье тоже не был никому нужен, пока случайно не узнали, что он золотой... Мне аж жарко стало. Нет,

надо срочно вызывать мужа. Иначе я могу влипнуть в такую историю... Но как его вызовешь, если он на гастролях в Польше? В кои-то веки их театр выехал за границу. И дети с ним, потому что и сын, и дочь играют в спектаклях небольшие роли. Обратиться к Платону, мужу моей подруги и замечательного сыщика Вали Орловой? Но тогда непременно нарисуетя и сама Валя. Она отошла от дел ради родившегося долгожданного ребенка, но мой случай не упустит. И мы окажемся винтиками в ее механизме. Безмолвными и управляемыми. Ее знания, интуиция, умения — все это лишит нас энтузиазма и самостоятельности в поисках. А мне бы этого не хотелось. Нет, надо действовать самим! А мужская рука... Мне сразу пришел на ум Юра, бывший сосед, которого все считали дурачком. Его так и звали — Юра-дурак. А он просто был добрый, трудолюбивый, всегда всем улыбался. Юра работал дворником. Уже выходя с кладбища, я спросила Галю, не знает ли она, где он сейчас. Она назвала мне адрес интерната, куда он попал после смерти родителей. Юре, по моим прикидкам, было лет под пятьдесят.

Мы доехали до окраины города, направились по тихой улочке к интернату, и тут Зоя Алексеевна, давно все понявшая про мою железяку, но, правда, еще не спросившая про истинное местонахождение черепа, меня просто поразила. Она задала вопрос, над которым я ранее не задумалась.

— Наташенька, вы только не удивляйтесь... А ведь за этой посылкой, которую вы взяли из сундука, так никто и не приходил?

— Да откуда мы знаем? Может, кто-то и приходил.

— А я уверена, что никто не приходил. Иначе поднялся бы такой шум...

— Так вот, видно, из-за шума адресат и не прибыл. Посмотрел — а дом дрожит от нашествия, и не пошел.

— Не уверена, что вы правы, Наташенька. Я, кажется, догадалась, почему адресат не пришел.

— Почему?

— А потому, что его вообще не было!

— Как — не было? А кому же адресована записка?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, скажите мне, как часто в последнее время вы там бывали? В своей старой квартире?

— Каждую неделю. По четвергам. Потому что в этот день ходит скоростная электричка.

— А в какое время?

— Да в одно и то же. Приезжаю на вокзал в половине двенадцатого. Полчаса иду до дома. И в двенадцать я там. Ну, может, на пять — десять минут позже. Это если где-то остановлюсь по пути.

— А когда вы в последние недели подходили к этому дому, не замечали там никого, кто мог за вами наблюдать?

— Но... я не смотрела. Я ведь не очень внимательна. Хотя... Однажды бросился в глаза какой-то худой мужчина. Это было две или три недели назад. А запомнился он мне потому, что одет был по-летнему. Брюки обычные, а вот рубашка летняя, с короткими рукавами. А сверху просто наброшен на плечи серый халат... В больнице такие видела. Подумала — вышел прогуляться из соседнего дома.

— А потом он куда делся?

— Не знаю. Я во двор вошла, не стала оглядываться.

— Напрасно. А теперь вспомните именно тот роковой день, когда вы нашли посылку... Вы тогда приехали туда в то же время? В двенадцать часов?

— Нет, Зоя Алексеевна. На вокзале я встретила одноклассницу, вместе с ней села в троллейбус, чтобы поговорить, и приехала гораздо раньше. Но почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

— А помните день, когда мы с вами преображались, чтобы придти в ваш дом? Я еще была в отделе охраны памятников.

— Ну да.

— И там мне в связи с вашим домом говорили про какой-то суд, только я тогда не прислушалась, не поняла, с чем он связан. Подумала — с теми бракоделами, которые там крышу ремонтировали. Ну, вы же говорили, что все жильцы под коллективной жалобой подписались. А сейчас, пока ехали, прочитала в газете, что суд-то состоялся... Только это вовсе не из-за крыши. И теперь ваш дом принадлежит Сабурову Валерию Васильевичу, местному журналисту, потому что того самого купца, который построил этот дом.

Я встала как вкопанная. Оглушенная. Вот это поворот! И что же теперь делать? Сто лет не было никаких наследников, и вдруг один «проснулся». А мы уже купили перфоратор и все компоненты для раствора, чтобы заделать и побелить стену, то есть стереть в парадном свои хищнические следы. А теперь как же? Однако моя квартира все еще принадлежит женщине, вручившей мне ключ от нее. Вот и будем исходить из этого. На том мы с Зоей Алексеевной и порешили. Только вот почему она смотрит на меня столь загадочным взглядом? И почему уверена, что за посылкой никто не должен был приходить? Ведь кому-то она была предназначена!

Вдали уже виднелся интернат. Но важнее было то, что мы подходили к газетному киоску. Никто не мог остановить мой порыв скупить все местные газеты. Мы тут же зашелестели страницами. Портрет Валерия Васильевича сиял в разных ракурсах и под разными заголовками. Особенно мне понравился один — «Обнимемся с тобой мы, старина». Это с домом, значит. Прямо в моем духе. Но в основном вещали про то, что каждому необходимо когда-то припасть к своим истокам. И только одна газетка пискну-

ла про жизненные тяготы и сравнила мой родной дом с кирпичом, упавшим этому потомку на голову. И с грузом, привязанным к шее. Да, дела...

Между тем Юры в интернате не оказалось. Сотрудники посоветовали нам поискать его в школе, расположенной по соседству, — там возрождают столярную мастерскую, и он вызвался помогать. Молодец, Юра! Мы настолько рады были видеть друг друга, что даже крепко обнялись. А потом коротко рассказали о своих планах — отремонтировать бывшую мою квартиру и парадное.

— Опять клад ищешь? — пошутил он.

— Конечно!

Говорил Юра с трудом, многие слова звучали невнятно, но я-то понимала его с детства. Договорились, что с утра мы за ним заедем, и — в родной дом!

Да и нам, уставшим и обессиленным от пеших походов и переживаний, давно следовало идти на вокзал, к родной моей электричке. До отхода поезда еще сорок минут, а двери в вагон уже открыты. Наконец-то отдых! Можно насладиться покоем и прочитать все статьи об этом новоявленном наследнике. Что я и сделала. Да и Зоя Алексеевна от меня не отставала. Ах, сколько этот Валерий Васильевич просидел в местных архивах, сколько пролистал, изучил документов, какие противоречивые чувства бушевали в его душе, с каким волнением он приходил к этому дому, дотрагивался до его стен... Читая это, я чувствовала себя его родной сестрой. Маленькая районная газетка с названием «Смело вперед» тоже не обошла уникальный случай обретения... вот так и хочется сказать — мощей, ввиду страшного состояния дома. Но, в отличие от остальных газет она дала не портрет счастливого обладателя наследства, а снимок, сделанный в какой-то комнате. Валерий Васильевич находился там в простой домашней одежде, и не за рабочим столом, не за старинными письменами, а просто стоял возле окна и смотрел на... Интересно, интересно... За его окном — улица, на которой расположена известная мне больница. Да и комната, в которой он находился, более походит на больничную палату. И лицо... Где-то я уже видела это лицо...

— Зоя Алексеевна, а не махнуть ли нам сейчас в больницу? К Валерию Васильевичу? Через два часа будет еще одна электричка....

Звонок в районную газету дал свои результаты — нас связали с фотокорреспондентом, который сообщил, где именно лежит Валерий Васильевич, и даже с каким диагнозом. Надежд этот диагноз не оставлял. К этой больнице транспорт не шел, она располагалась на берегу Волги, и мы по-нуру побрели туда — пешком, напоминая своим видом двух загнанных всадников, которые скачут сломя голову и при этом пытаются разговаривать о чем-то важном.

— Почему вы думаете, что за этой посылкой никто не должен был придти? — спросила я.

— Не думаю, а знаю. Адресат не должен был приходиться. Он уже был в этом доме. На вашем этаже. В вашей квартире.

— Но... там была только я!

— А больше никого и не должно было быть.

— И как это понимать?

— А так. Я уверена, Наташенька, и записка, и эта клеенка-путеводитель предназначались именно вам!

Я расхохоталась. Это было нелепо. Непонятно. С какой стати человек бы это делал? Кто я для него?

— И сейчас, Наташенька, мы идем за подтверждением моей догадки. Но давайте пока об этом помолчим.

К больным еще пускали, хотя в раздевалке нас предупредили — ненадолго, выдали белые халаты, бахилы и указали, куда идти.

Палата была пуста. Все три кровати видом своим показывали, что их хозяйка только что отлучилась. Пока я пыталась определить, где тут владения Валерия Васильевича, Зоя Алексеевна уверенно пошла в левый угол. Я двинулась за ней и сразу поняла, почему она зашагала именно сюда. На тумбочке рядом с этой койкой лежали мои любимые детективы. То есть — написанные мной и изданные в Москве. Одна книга — «Загробная афера» — была с закладкой. Следовательно, читает. Потрясающе!

— Наконец-то вы пришли! Я ждал, — вдруг раздался за нашими спинами чей-то голос, и мы резко обернулись.

Да, это был тот самый человек в больничном халате, которого я видела возле своего дома. С того дня он еще более похудел. Радостное событие в его жизни положительно на здоровье не сказалось — болезнь не отступила.

— И даже хотел обратиться в Союз писателей, в местное отделение, чтобы разыскать вас по телефону.

— А я не вступала в Союз писателей. Но... зачем я вам понадобилась?

— По вашим книгам я был уверен, что вы умеете читать мысли... И в совершенстве владеете ситуацией. И интуицией. Но это все теперь не так важно. Лучше скажите мне откровенно, любите ли вы свой старый дом?

Я взглянула на Валерия Васильевича и просто сказала:

— Это больше чем любовь... Когда я вхожу туда, поднимаюсь на второй этаж и оказываюсь в своей старой квартире, то... Пожалуйста, простите меня за слишком высокий слог, но... я словно лечу в небесах... А однажды я поймала себя на мысли, что готова целовать эти стены. Это было уже что-то запредельное, и я себя отругала — нельзя же так сходить с ума!

— Наталья, а кто он для вас? Этот дом? — тихо спросил Валерий Васильевич. Именно так и спросил — кто, а не что.

— Он — все. Друг. Брат. Родина. Крыло. И то крыло, что укрывает, спасает, и то, что помогает лететь.

— Я на это надеялся. Читая ваши книги, я понял — вы готовы перевернуть мир ради того, чтобы кто-то, достойный счастья, не был оплеван, унижен, убит. И мне казалось, что старый дом в эти задачи не совсем, как бы это сказать, вписывается.

— А он и не вписывается. Он — часть меня. Моей силы и энергии. Между нами незримая связь. Он просто меня зовет. И я иду. А порой и еду к нему за сотни километров. И всегда знаю, что там со мной произойдет нечто необыкновенное. Какое-то чудо. Волшебство. Я ведь все еще верю в чудеса...

— Потому они с вами и происходят, — закончила мою речь Зоя Алексеевна.

Я, наконец, представила их друг другу. И вдруг Валерий Васильевич стал вести себя, мягко говоря, не совсем адекватно. Он попросил меня предъявить... паспорт! Что ж, больного человека надо уважить. Только непонятно — говорили, говорили, и вроде на одном языке, и вдруг — на тебе, такое недоверие. Паспорт я предъявила, и он стал выписывать оттуда все мои данные. Нет, ну надо же! Затем вернул его мне и коротко бросил:

— Это для ясности.

После чего разговор перешел в другое русло. Зоя Алексеевна поинтересовалась, как ему удалось найти все необходимые документы на старый дом. Он не просто рассказывал, а, вытащив из тумбочки красивую кожаную папку, стал эти документы показывать. Мы сидели, захваченные историей дома. Перед нами сменялись картины... И тут Валерий Васильевич достал из папки рисунок. Дамы на прогулке верхом и в шляпах с украшениями, кавалеры в немыслимо ярких нарядах. А внизу справа — Господи, мой милый мальчик! Я бережно взяла в руки рисунок, поднесла его к лицу близко-близко, и мне вдруг захотелось невероятного — чтобы он ожил.

— А я так жалела, что в детстве не сфотографировала эту стену... Думала, все утеряно. А вы нашли...

— А вас уже встретил этот милый мальчик? — строго глядя на меня, спросил он и указал в правый нижний угол рисунка.

— А как он мог нас встретить? Его же замазали. Забелили. Зашпаклевали.

— Так вы что, ничего не поняли?

— Нет... А что я должна была понять?

Тут вмешалась Зоя Алексеевна:

— Видите ли, я пыталась дать ей подсказку. Но Наталья — человек упертый. Она, например, верит в то, что этого не может быть, потому что не может быть никогда! Хотя по ее произведениям этого не скажешь.

Валерий Васильевич сел на кровать, обхватил голову руками и начал раскачиваться из стороны в сторону.

— Значит, не поняли... А я-то думал... Это была моя последняя конструкция. Так я называю свои волшебные дела. Мне всегда хотелось создать сказку. Не написать, а именно создать. Прямо в жизни. Я горжусь — у меня многое получилось. И тут... я прочел ваши книги. Так уж получилось — одну за другой. В каждом своем произведении вы пишете про дом... И пишете так бережно, с такой любовью, что я сразу понял — именно вы станете героиней моего последнего изобретения. Последней сказки. У нас с вами совпадало практически все — стремление сконцентрироваться на разгадке тайны, прекрасная интуиция, бесконечная любовь к нашему с вами дому — я видел, как вы гладили его стены, что-то шептали, разговаривали с ним. И мне захотелось вознаградить вас за преданность... И за эти ваши способности...

— Милый, милый Валерий Васильевич! А я сидела за перегородкой в углу, дрожала от страха и жалела, что у меня нет пистолета! А потом схватила вашу посылку и еле увернулась от каких-то бандитов, ворвавшихся в дом. Но благодаря вашей посылке мы пережили потрясающие дни! Догадки, встречи, преображения... Да это такой театр, о котором можно только мечтать! А как вы пришли к этой поразительной догадке?

— Это не я. Это — еще моя бабушка. У нее был какой-то зашифрованный завет предков. Кажется, шифр находился в самом доме. Она много мне рассказывала об этом, но я был маленький, слушал плохо. И тогда она стала делать рисунки, видимо, чтобы я запомнил. Я их не сохранил, но они остались в моей памяти.

Мы договорились с Валерием Васильевичем встретиться завтра утром в нашем доме, в парадном, возле мальчика.

— Мы с Зоей Алексеевной немного «приоткрыли» стену. Мы его нашли. И купили перфоратор...

Впервые за все это время Валерий Васильевич расхохотался.

— Конечно же, мы просим у вас разрешения...

— Да, да, да, милые женщины! И я обязательно завтра приду! Не скрою, мне очень интересно посмотреть, как ваш перфоратор приоткроет двери...

— В рай! — неожиданно вернула Зоя Алексеевна.

— Э, нет, уважаемые дамы! Дайте мне в руки все бриллианты мира, и я спокойно поменяю их на хорошее здоровье. Так что... приду, если доктор разрешит.

— Хотите, мы утром заедем за вами? На такси?

— Может быть... Но мы еще созвонимся.

Уходя, я все же спросила у Валерия Васильевича — зачем он хотел, чтобы мы тогда обедали у Григория.

— А он человек необычный и мой друг. Я планировал там пообщаться с вами, но не смог. Из-за болезни. Кстати, он навещал меня здесь, в больнице, и почему-то уверял, что я несколько дней назад приходил в ресторан... Еще и упрекнул, что не подошел к нему... Я заверил его, что этого не было... Вот вам дополнительная загадка.

Мы расстались с Валерием Васильевичем с тяжелым сердцем. Много раз я видела, как угасают люди. И особенно тяжело, когда уходит умный, добрый человек, который стремится сделать для других праздник. Даже когда сам стоит... на краю.

— Ну что? Будем отменять белорусов-ремонтников? — деловито спросила Зоя Алексеевна.

— Ни за что! Пусть отремонтируют самую лучшую комнату дома! И пусть Валерий Васильевич посмотрит на то, чем владеет, и порадует. Он людям радость несет, но и сам в этом нуждается.

Господи, ну как же это было справедливо!

Глава 8

Нежданные встречи

— Сергей Терентьич!

— Постой, Тихон. Все — потом. Я же предупредил. Сейчас нагрянут шакалы, компаньоны, а я еще не все бумаги...

— Но я ее нашел!

— Да не задыхайся ты так! Кого? Цыганку? Или...

— Или!

— Так... могилу или...

— Или!

Босс сел и уставился в одну точку. Надо успокоить сердце, и слезу не уронить. Тихону только доверял, брату родному. И боялся спросить — как нашел, где? Кровиночку его единственную. Которую своими руками отдал, спрятал, загнал в чужой угол — маленькую, трепетную, горячо любимую, чтобы звери, его окружавшие, не разорвали ее на части. Думал — на время, а получилось...

— Тихон, она... далеко?

— Она должна быть... ты только успокойся... где-то здесь! Рядом. Мы пошли по правильному пути. Я объездил всех... мастеров. Ну, ты понимаешь. Второе имя ей делал тот, кто и первое. Но потом этот мужик, отец названный, спутал все карты. Фамилию свою ей дал, увез неведомо куда. А там уж черт-те как они жили, незарегистрированные. Ведь додуматься же надо было! А потом и вовсе... утонула. И сколько лет мы с тобой тоже как утопленники — то вынырнем, надежда вроде появлялась, то опять — на дно. А помог мне знаешь кто?

— Кто? Говори, не тяни!

— Бледный. Из той банды. Помнишь его? Борец за справедливость. Когда помрет, ему надо будет памятник с этими словами поставить. Мы тут как-то с ним пересеклись, и он рассказал про девчонку, которую хоть сейчас — в снайперы! Я ему один вопросик подбросил, потом второй и аж задрожал весь. Она, вот чувствую — она! А когда он мать ее стал описывать, окончательно понял — она! Рассказал, как ее хоронили. А она в это время — на восток! Да только там по глупости нарвалась на сутенера и пристрелила его. В тюрьме срок отбывала. Ей устроили побег. Ну, я так думаю. Уверен. Потому что официально она утонула в реке. А Бледный сказал, что она плавала, как этот... с рыбьими жабрами-то.

— Ихтиандр. Но, Тихон! При чем тут вообще река? В тюрьме — река?

— В колонии. Им начальство купаться разрешило. Откликнулось, так сказать, на просьбы трудящихся.

— Вот как... Цыганка-то эта как орала тогда...

— Она кричала — да этот дом и весь этот двор просто набит золотом! Вот что она кричала. Не к месту вспомнил.

— Нет, Тихон. Ты забыл, а может, и не слышал. Она сказала — кровь свою тут найдешь... Я-то подумал — налет какой-нибудь очередной будет. Друзей-соперников. А она родную кровь имела в виду. Не зря нам о ней говорили как о провидице. О цыганке-то.

— Тут найдешь — это где? В доме нашем заветном, что ли?

— Получается, в доме. Дальше говори.

— Я пошарил рядом с колонией по нашим людям. И получилось, что заезжала к одному мастеру парочка. Документ сделал девице красной. Нине...

— Нина... Почти что Нила... Неонила... Когда она родилась, была тут одна гадалка. Она и посоветовала выбрать редкое имя. Дескать, Господь таких сохраняет.

— И еще один факт есть. Только ты лучше сядь, а то упадешь. Она там, в тюрьме-то, ухаживала за умирающей цыганкой... А уж наша цыганка была или нет, неведомо. Но если наша, то ждать Нину надо здесь.

— Ой, Тихон, голова кругом! Да ведь смерть за ней до сих пор ходит, как не поймешь. Цыганка-то не сама умерла. Помогли. Значит, за ней охотились. И могут рассуждать сейчас, вот как мы с тобой.

— Могут. Надо их опередить. А я тебе главное покажу, чтобы ты не забывал, какая у меня профессия. Мастер мне рассказал, как они выглядели.

— А фотографии у него не осталось?

— Нет. Он честно работает. Наши все это знают. Я и имя-то узнал только потому, что когда-то его здорово выручил. А теперь вроде как должок получил. Так вот, мы с ним сели, и... Вот что из его рассказа получилось.

И Тихон вытащил из нагрудного кармана два рисунка, свернутые в один рулон. На одном была нарисована светловолосая девушка с большими глазами, острым носиком и довольно впалыми щеками. В ее лице не было ничего лишнего, оно больше походило на икону. Тихон развернул и второй рулончик — на них смотрел молодой человек, и в его облике было что-то рыцарское.

— Рожа-то знакомая, — сказал Сергей Терентьевич. — Только чья, не пойму пока.

— И я не знаю. Что-то крутится в голове...

Оба понимали, что по этим наброскам трудно найти людей. Даже если будут стоять напротив тебя, ты все равно не будешь уверен, что они — предмет твоих поисков.

— Нет, все же лучше идти от логики. И немедленно — слышишь? — немедленно организовать наш пост в этом доме, набитом... не только золотом, как сказала цыганка, но и тайнами!

— Ну, вообще-то там в «ночнике» — наша...

— А ее как раз оттуда и убери! Хамло, а не баба! Орет, руки распускает!

— Да там ведь и Дарья, уборщица твоя бывшая. Докладывает обо всем, что происходит

— Ладно. Сейчас я проведу эту бодягу ежемесячную, и мы с тобой засядем за анализ событий. Все по местам расставим. Знаешь, вот никогда мне не хотелось быть каким-то сверхчеловеком, то есть видеть то, что другим недоступно. Привык трудом все добывать. И силой. А вот теперь... Как она? Где? С кем? Может, защита ей нужна. Золото все ищем, золото, а на нее, может, стая собак сейчас нападает, и ей нужна обыкновенная дубина!

— Да не сжимай ты кулаки-то, она ведь не одна.

— Не одна. Но она — все для меня! Любую цену заплачу... Но и этих охотников за сокровищами тоже обозначим. Сутки будем сидеть, двадцать суток, но до истины доберемся!

Тихон хотел ему возразить, что-то сказать, но передумал.

Сергей Терентьевич был уверен, что сегодня точно не сможет владеть собой — так велико было потрясение от находок брата. Но оказалось, все наоборот. Радостное сообщение придало ему сил. И он встретил своих компаньонов сияющей улыбкой. Со всеми был вежлив, обходителен. Ни на кого не накричал. Каждого выслушал, все проблемы обсудили без мата и злости.

А Тихон, последнее время мотавшийся по всей стране, уставший от этих поисков, измученный проблемами брата, сидел в своей комнате и приходил в себя. Сегодня у выхода из рынка он увидел ее. Далекую и неповторимую. Она, конечно, изменилась. Потускнела и расползлась. Но ведь и он не помолодел. Тогда, в молодости, захваченный своими проблемами и событиями вокруг брата, он исчез из ее жизни. Надеялся, что на время. Был и повод — уезжал за рубеж. А потом узнал, что она вышла замуж. Что в семье растет сын. И поставил точку. Он так и не женился. Как и брат. До того ли им было? Однажды посреди всех своих передраг они словно из воздуха поймали чье-то предположение о том, что в одном старом доме хранится бесценный клад, либо во дворе этого дома. Слухи ходили давно, но ведь они всегда ходят возле старых домов богатых владельцев. Богатых тогда, в царское время. Им не хотелось ошибиться и, узнав, что существует некая цыганка-провидица, они решили призвать ее на помощь. И ведь отыскали! Она, правда, вела себя так, будто за ней гнались, и очень торопилась, поэтому быстро исчезла, прямо испарилась. Но зато они успели понять, где надо искать. И хранили то колечко, которое она попросила для поисков. Не рамку там какую-то, как делают экстрасенсы, а маленькое золотое колечко. Высшей пробы. Без камешков. Она сначала колечко на палец надела, а потом сняла. Перед собой его держала, да что-то шептала. И рисовала на бумажке. Они думали — им отдаст, там наверняка план, что искать, где копать. Но тут вроде как милицейская сирена на улице прозвучала. Они на этот звук отвлеклись, а цыганка — как сквозь землю! А вот колечко осталось, с собой не взяла. Это уж потом они узнали, что в тюрьме она... Что убили ее — может, за эти самые сведения, за золото, спрятанное в этом доме. И было совершенно непонятно, почему она не сказала своим мучителям, где сокрыты богатства. Скорее всего, понимала, что все равно умирать. Но почему? Могла бы обменять ценные сведения на жизнь. Значит, предназначала их кому-то другому. Ей, принявшей последний вздох цыганки? Этой девочке, попавшей в страшную круговерть судьбы? Похоже, они и познакомились лишь перед ее смертью. Непонятно все. Они сразу хотели обнести этот дом и двор забором, оградить его от чужих взглядов, только не знали, как это сделать. Хотя надо идти напролом. Особенно если точно знаешь, что тебя ждет удача. Это Тихон давно понял по собственному опыту.

А вот опыта в общении с женщинами у него было мало. Можно сказать, вообще не было — так, одни ошметки. И потому сегодня дрогнуло сердце... А что мешает ему пойти в тот старый дом? Он почему-то был уверен, что она все еще живет там. Пойти туда и... И что? А ничего. Прикинуться богатеем, который хочет купить этот дом — весь, целиком. А чего прикидываться? Он и так богатей. Узнать мнение жильцов, вернее, их цену. А заодно выведать, как она живет. Помнит ли его. Он-то все помнит. Каждое мгновение. А ведь сколько лет прошло? Надо же...

Порыв был столь велик, что он вскочил, надел ветровку и проверил, с собой ли ключи от машины. Но в это время за стеной послышался гул — собрание было чем-то недовольно. Тихон прислушался. Ага, нашлись герои — высказались против вхождения Лустера в состав совета, курирующего охрану памятников, советовали переключиться на сотовую связь — как раз сейчас для этого имелись неплохие лазейки. Лустер пообещал и тем всех успокоил. Собрание, наконец, закончилось, все разъехались, и братья уселись за стол, решив четко обозначить и в своих головах, и на бумаге всех соперников — охотников за золотом. Где-то тут, возможно, есть след и их волшебной девочки. Номером один, конечно же, был олигарх Черный, давно натравливающий своего верного пса — краеведа Вальку Горячева — на этот двор и дом. Больше — на двор. И немудрено! Валькин отец, Игнатий, не один заказ выполнил для «денежных мешков». Мог ограду из золота выковать, а сверху такой «грим» наложить, что и специалист не заметит! Деньги что — пыль! А вот такие вещи... Никто и не заподозрит, что они из золота. Этот червяк Валька прямо землю роет, бывших жильцов опрашивает — что, дескать, здесь было и как. Цыганка могла быть и более точной, но — увы. И теперь им надо придумать что-то самим, хотя, что именно, они и сами пока не знали.

Номером два был миссионер. Эдакий сибирский валенок, как они думали раньше. Но у него оказалась столь высокая миссия, что они и обсуждать-то ее боялись. Это на острове Огненный, что в Вологодской области, томятся приговоренные к пожизненному заключению. В их среде тоже случались трагические приговоры, но мораторий отсутствовал, и в дело шел... Ох, они и думать-то о нем лишний раз избегали. Ибо это был не обыкновенный нож, а будто живой. Со своей задачей. И миссионер обязан следить, решена ли она. А то, что по пути он кое-кому кое-что передаст по их золотому делу, так это мало кого волнует. И у миссионеров могут быть свои пристрастия и проблемы, не мешающие главному делу. И они, Лустер и Тихон, сильно подозревали, что миссионер передал своему то ли приятелю, то ли родственнику сведения, о которых знала цыганка. Уж как они к нему попали — другой вопрос. И в каком виде передал — неизвестно. Может,

даже какой-то шифр, либо рисунок местности с обозначениями. Только эта посылка исчезла самым непостижимым образом. Хотя тот, кому она была предназначена, за ней так и не пришел. Во всяком случае, их люди видели, что миссионер, за которым они следили с момента его появления в городе, в таинственный дом вошел, оставил там нечто и вышел. Они тут же вбежали в дом, но обнаружили лишь одну бумагу, в которой что-то было. А, может, там и была одна бумага, чтобы сбить всех со следа? А нечто действительно ценное передано тому, кому надо, в другом месте? И недаром этот адресат так и не появился в доме... Словом, с номером два мало что понятно. Ясно лишь, что это — серьезный человек, и намерения его адресата должны быть серьезные.

Номер три связан с продавщицей магазинчика, расположенного в этом доме. Когда сооружали этот, прямо скажем, притон алкоголиков и наркоманов, то под всевидящим оком будущей директрисы-хамки работали строители, молодые ребята. Что уж там было обнаружено в старых стенах, которые пришлось частично разрушить, неизвестно, но только после этого один из строителей спешно уволился. А когда его сестра Катерина устроилась работать в новый магазин продавщицей, стал к ней часто заходить, особенно по ночам. И приходил, как поведала им верная тетя Даша, с какой-то аппаратурой. На крики директрисы, чего он тут ночами шастает, парень отвечал просто: дескать, магазин ночной, боится за сестру, как бы ее не обидели. Логично. Но... Та же тетя Даша именно в кабинете директрисы, где две стены принадлежали раньше парадному входу в здание, обнаружила вскрытые плинтусы. Нет, их поставили на место, прибили, но она своим наметанным глазом увидела пыль и от штукатурки, и от кирпичной кладки.

Номер четыре связан с бывшей жилицей этого дома, ныне какой-то писательницей. Лустер включил ее в перечень для порядка — слишком часто она тут мелькает. Однако братья понимали силу ностальгии и решили не заикливаться на этой литературной даме. Как и на двух бабах из охраны памятников, фотографировавших старые стены, куски лепнины. Они ни от кого не скрывались. А вот молодым людям, нарисовавшимся в магазинчике и во дворе и спрашивавшим про неведомо какую абстрактную цыганку, следовало бы присвоить номера.

Оба одновременно посмотрели друг на друга. Одна и та же мысль...

— Тихон, а ты нашей Дарье свои рисунки показывал?

— Нет.

— Вези-ка ее сюда. Прямо сейчас.

Тихон вызвал тетю Дашу по мобильнику на улицу, за автобусную остановку, чтобы не видели, кто ее увозит, и привел в кабинет брата.

— Ой, Сергей Терентьевич, да опять я вам, что ли, понадобилась? Никак, плохо у вас тут убираются? Да вы скажите, я научу новеньких-то.

— Нет, Дарья, дело посерьезнее. Вот тебе сейчас Тихон два портрета покажет. Только они сделаны не с натуры, а по описаниям, поэтому могут быть неточными.

— Понятно. Как фоторобот составляется, — хмыкнула тетя Даша.

— Ну, примерно так. Только мы не преступников ищем. И не врагов своих.

Тихон вытащил из-под книг два портрета, которые уже не скатывались в рулоны, и положил их на стол перед тетей Дашей.

— Что скажешь, Дарья? Людей этих не знаешь? Не встречала? — спросил Лустер.

Женщина уловила его волнение. И — свое. И удивилась — она-то чего пошла мелкой дрожью? Неужели из-за тех двоих, что пристроились к ней во дворе их магазинчика? Рисунок-то, конечно, другой, а вот глаза девицы переданы точь-в-точь! Удивительно. Это она и сказала братьям. И прямо спросила, кто рисовал. Тихон-то ведь, похоже, их не видел. Узнав, что это все-таки его работа, призналась, что глаза у девушки — точно как в жизни! И опять почему-то разволновалась...

— Чего, Дарья? Может, лекарство какое дать?

— Да нет. Сама себя не пойму. Чего-то вот словно перевернулось в душе-то.

Братья попросили свою бывшую домработницу рассказать, как вели себя молодые, что делали, о чем говорили. И вообще — как они ей показались.

— А хорошо показались! Вроде и любовь промеж них. А ежели еще нет, так будет. Ребята славные. А вот чего им надо, я не поняла. Подумала — ту самую цыганку они ищут, или следы ее. Девица врала — как огород городила. Дескать, хотим пожениться, когда-то гадала цыганка, так все сбылось, и теперь хочется погадать — не зря ли, мол, поженимся, чтоб все наперед знать.

Лустер, сидевший до того словно пришибленный, вдруг заговорил:

— Даша, милая, ты ведь нам как родная. Всю жизнь нашу знаешь, все наши беды. Так я тебе сейчас вопрос один задам, а ты не удивляйся. И, прежде чем ответить, хорошо подумай. Ты когда парочку-то эту увидела, на девушку глянула, ничего такого... особенного в ней не заметила? Ну, может, знакомое что-то в ее облике промелькнуло... С прошлым связанное...

— Что-то толкнулось в сердце, да только я не уловила, — медленно ответила тетя Даша. — Я вроде как задохнулась, да и ушла от них в магазин.

И вот что до сих пор не дает покоя... Девушка та в черное была одета, а я будто видела ее в голубом... Вот ведь загадка-то...

Тихон отвез Дарью обратно к магазину. Высадил, поблагодарил за сотрудничество и тихонько поехал к центру, потом свернул на проспект, и... будь что будет! Ему очень захотелось посмотреть на ее дом, потому что сегодня он увидел ее глаза. Удивленные, растерянные и какие-то погасшие. Или это ему показалось? Вот, кажется, тот самый дом... Постарел, обветшал совсем. А вон и окна ее, на втором этаже. И цветы какие-то высокие стоят, вроде орхидеи.

Он перекрестился, вышел из машины, перешел через дорогу, подошел к входной двери, ожидая увидеть кодовый замок, но... Покосившаяся дверь была не заперта, а приоткрыта. Он вошел и стал подниматься по скрипучей лестнице. Ему осталось преодолеть две-три ступеньки, но вдруг все вокруг него закружилось и куда-то поплыло, а голова стукнулась о ступеньку. Стук был противный, какой-то громкий и пустой, и он успел подумать — мозгов-то, видно, мало осталось... И провалился в пустоту...

Нина, давшая Жоржу слово сидеть в комнате тихо, никуда не ходить, ни с кем, кроме хозяев, не общаться, услышала осторожные шаги на лестнице. Кто-то к ним поднимался. И вдруг — бум! — там что-то упало. Она хотела пройти на кухню к хозяйке, но та уже шла ей навстречу.

— Что-то в коридоре случилось. Откроем? Я в «глазок» смотрела — не видно.

— Давайте хоть чем-нибудь вооружимся, — предложила Нина.

Хозяйка принесла с кухни два ножа, Нина взяла один и спросила:

— А чего-нибудь потяжелее нет?

Хозяйка принесла молоток. Так, с ножами и молотком, они вышли в коридор и увидели высокого, грузного человека, распластавшегося на лестнице.

— Жоржик сейчас вернется, и мы сможем его поднять.

— А зачем? «Скорую» надо вызвать.

— Звоните, а я пока его осмотрю. Работала немного в больнице, — призналась Нина.

Пульс еле прощупывался. Сердце билось неровно. У мужчины была явная аритмия.

— Нашатырь есть?

Хозяйка, успевшая позвонить в «Скорую помощь», принесла нашатырь, повернула к себе голову мужчины и сама схватилась за сердце:

— Тихон... Тихон...

Медики приехали неожиданно быстро. Помогли втащить больного в комнату Нины, уложить на кровать Жоржа. Один занимался больным, готовился снимать кардиограмму, другой попросил предъявить паспорт и меди-

цинский полис мужчины. Узнав, что он здесь не живет, попросил поискать в его одежде какой-либо документ.

— Это — Лугов Тихон Терентьевич, — тихо сказала хозяйка.

— Хм... Тот самый?

— Тот — Сергей, а это — его родной брат.

Между тем медик, занимавшийся оформлением документов, нашел в кармане больного мобильник, остановился в адресной книжке на имени «Сергей» и нажал на вызов. Разговор был коротким — брат уточнил адрес и заверил, что будет через несколько минут. Нина прошла в прихожую, оделась и заглянула в комнату предупредить хозяйку, что ей стало дурно, и она выйдет во двор подышать свежим воздухом. Она уже была на пороге, когда мужчина вдруг открыл глаза и приковал ее к себе взглядом. Тик-так... Тик-так... Это не часы-ходики, это — ее сердце. Стучит. Прыгает. А он ей улыбается... И произносит ее имя... Но откуда он его знает?

Хозяйка склонилась к нему, и в этот момент Нина, наконец, вышла из комнаты, спустилась по лестнице и встала в глубине двора, чтобы хорошо видеть вход, но самой не бросаться в глаза. Она не ждала и минуты. Во двор въехала машина, из нее выскочил мужчина в белой куртке и ринулся в дом. Она не успела его разглядеть. И как теперь быть? Вернуться в дом? Нет, нельзя! Но и здесь стоять тоже нельзя! Нина стояла под деревом, не зная, что делать, и тут во дворе появился Жорж. Увидел Нину, подошел к ней и прижал к себе. У нее из глаз брызнули слезы, и не было сил их остановить. Она не видела мужчины, который шел к ним медленно, не спеша, видела только Жоржа, своего друга и спасителя. И вдруг сказала ему:

— Жорж! У меня сейчас — великое переселение души...

— И у меня, — улыбнулся подошедший к ним мужчина. — Точнее — переселение сердца. Из прошлого в настоящее. Нила... Ты ведь Нила?

— Нет, я — Нина.

— Неонила. Нилочка! — Мужчина не мог говорить, он плакал. — Я жил надеждой. Я чувствовал тебя на расстоянии. Верил, что жива. Ты догадалась, кто я? Прости меня, это было жестокое решение, но только так ты могла остаться в живых... Мои враги... Мои конкуренты... Они готовы были тебя убить, чтобы я сошел со сцены... Знаешь, что тогда для меня это означало? Десятки своих людей отдать на растерзание. На смерть.

— Какой интересный диалог! — заметил Жорж, крепче прижимая к себе Нину. — Только вот смысла пока не пойму. Кто вы вообще такой, дяденька? А?

— Кто я? Жаль, тут тебе сесть некуда, боюсь, упадешь.

— Какие мы заботливые! Но я слушаю.

— Я — заклятый друг твоего папеньки...

Жорж был поражен. Откуда этот тип знает, кто его отец? У него, Жоржа, на лбу, что ли, написано, что по рождению он — Черный? В паспорте совсем другая фамилия.

— Друг, враг... Это ни о чем не говорит, — пробормотал он.

— Жорж, это — Лустер! Более того, очевидно, это — мой отец. Правда, мама такой факт еще не подтвердила, потому что ее нет рядом. И вообще неизвестно, где она и что с ней. Но вот про тебя я пока не поняла. Заклятый друг. То есть — враг. Но ведь твой отец — не из простых, ты говорил, к тому же он по другую сторону закона. Это что, два враждующих клана? Монтекки и Капулетти?..

Жорж смотрел на Нину и думал, что же он делает здесь, в этом дворе, с этой испуганной, бледной, но упертой девушкой, нашедшей в этом... главаре бандитской шайки, в этом нынешнем олигархе, которого некоторые считают чуть ли не отцом города, своего...отца? И зачем ему эта Нина, или как там ее, искалеченная тюрьмой и какой-то непонятной прежней жизнью? Голодной и грязной. И зачем ему какое-то золото, на которое его нацелила мать, принявшая на себя чужой грех и попавшая за него в тюрьму? Да это все надо выбросить, как старые носки!

Он инстинктивно отодвинулся от Нины, и она, лишившись опоры, стала падать.

— Насквозь тебя вижу! — подхватив ее, процедил сквозь зубы Лустер. — Ты из другого теста. Свободен!

Жорж даже не стал заходить в дом — зачем? Документы у него были с собой, ключ от квартиры матери — тоже. Через полчаса он уже был в своем родном доме, и сразу же раздался телефонный звонок.

— Я рад, что ты вернулся, мальчик, — раздался в трубке голос отца. — Сегодняшние новости слышал? Про амнистию. Мама скоро выйдет. Все будет хорошо! Только не делай из нас с Лустером монстров... — И он быстро отключился.

Неужели знал, что произошло сейчас во дворе? Не может быть, он — не всевидящее око! Видимо, просто предполагал, что у его сына в голове, с чем он не может примириться. Да, он действительно не мог понять и принять цену, которую отец заплатил за свое нынешнее положение. И этот Лустер. Сколько было крови. Жертв. Отец не раз говорил, что это были вынужденные жертвы. И все потому, что человеку постоянно хочется быть не лучше других, а богаче. Не добрее, справедливее, трудолюбивее, мудрее, а с кошельками, набитыми золотом. И какое уж тут любомудрие! Какое слияние с природой! Кстати, о природе. Там ведь тоже царят звериные законы. Их много. Не все по ним живут, но те, кто им следует, не знает пощады. И как же быть? Но ведь не зря человеку дан разум. Умение мыслить, понимать,

любить, сострадать. Вот он — умеет. И мать его Софья — тоже. Уметь-то умеет, а как же Нина? Он вновь увидел ее, выходящую тогда из воды, посиневшую от страха и холода, жалкую и беспомощную. И как он мог ее сейчас оставить? Все, все надо отринуть, всех этих Лустеров, тюрьму, слежки, жертвы! Все богатства, замурованные во всех старых домах! Бог с ними! На что они, если есть душа, и ей сейчас тяжело...

Жорж быстро оделся, вышел из дома, поймал такси и отправился обратно к Нине. Взбежал по деревянной лестнице, постучал в дверь, а когда расстроенная хозяйка ему открыла, сразу метнулся в их с Ниной комнату — пусто.

— Она уехала с Лустером, — известила хозяйка. — Я, правда, не поняла, почему. Но оказалось, что они знакомы. А Тихона увезли в больницу...

— Какого Тихона?

— Брата Лустера. Он пришел ко мне, мы были знакомы в молодости, но упал на лестнице, ему стало плохо, сердечный приступ, вызвали «скорую». Приехал Лустер и попросил врачей определить его в больницу.

— Извините, она вернется? Сюда, я имею в виду.

— Не думаю. Я поняла, что Лустер, то есть Сергей Терентьевич, увез ее к себе.

— Вот как... А у вас есть его адрес?

— Нет. Но вы у любого в городе спросите! Все ведь знают. И если не вернетесь, вещи свои заберите.

— Думаю, они нам больше не понадобятся.

Жорж вышел из дома. Уже начало темнеть, и становилось холодно. Надо бы идти домой, к горячему чаю, к постели. Но он разузнал-таки адрес этого Лустера и, конечно, отправился туда.

Глава 9

Обретение

Нина сидела в гостиной Лустера и слушала, слушала... Жизнь сидящего напротив нее человека сопровождали борьба, погони, стрельба, гибель родных и близких людей. Утрата тех, кому хотел посвятить себя. Но, видимо, сейчас он достиг такой степени уверенности в том, что отныне у него всегда и все будет хорошо, что подчинил этому чувству абсолютно все, что его окружает. Нине даже показалось, что само время здесь остановилось. Но ведь это нехорошо, несправедливо. А как же мама? Мама мучается одна, и разве можно при этом наслаждаться покоем?

— Маму давно ищут, — тихо заговорил Лустер, словно догадавшись, о чем она думает. — Там, где вы жили, ее нет. Уехала тебя искать. Соседи

говорят — ей сообщили, что видели тебя где-то в Приморье. Пытался уточнить, но... Вроде недалеко от Уссурийска. Прочесывают сейчас мои люди Приморский-то край. Ребят своих направил, считай, полсамолета. Интересно, а ты там действительно была?

— Была, — ответила Нина и, оглядывая комнату, спросила: — А где волшебные цветы? И ходики?

— Нилочка! Надо же, ты их помнишь! Как хорошо, что мы ничего не тронули, не разрушили. Этот особняк я недавно перестроил, тут все новое. А та квартира... Хочешь, прямо сейчас поедем? Все посмотришь, вспомнишь.

— Хочу.

— И к Тихону заедем, узнаем, как он там.

Они вышли из гостиной и столкнулись с водителем Лустера, который пытался перегородить дорогу Жоржу. Но не тут-то было!

— Оставьте его в покое, — попросила Нина и повернулась к Лустеру: — Если бы не он, я бы не стояла сейчас перед тобой. Жоржик, ты поедешь с нами? Сначала в больницу к Тихону. А потом... Туда, где я родилась. Где прошли первые годы моей жизни.

Жорж обнял Нину и зашептал:

— Как я мог... Как я мог...

— Все бывает. Забудь. Поедем. Я очень волнуюсь.

Тихон лежал в отдельной палате. Нина подошла к нему первой, села рядом на стул, склонилась и тихо прошептала:

— Тихон ходит тихо... Нилочка — трусиха...

Он сжал ее руку, улыбнулся:

— Нашли... Нашлась... Мы так тебя любим... Мы... — и заплакал.

— И я рада. Нашла. Вспомнила. Шла по твоим волшебным цветам, которые меня обжигали... И когда хозяйка показала рисунок... Эти цветы... Думала, меня хватит удар. Она хранит твои волшебные цветы. И еще... У нее есть сын. Ты спроси, сколько ему лет.

— А зачем?

Она не ответила. Действительно, зачем? Что тогда будет с тем человеком, который вырастил и воспитал его сына? Он ведь добрый и любит его... Ах, как все сложно, запутанно.

И Нина отошла от Тихона, уступив место его брату.

А в палату уже спешил чуть ли не весь медицинский персонал отделения. Доктор заверил Лустера, что для его брата делается все необходимое, и даже более того. Нашлась, например, медсестра, которая просто влюблена в его картины и очень рада, что появилась возможность за ним поухаживать.

вать. Именно эта сестричка, совсем еще молоденькая, и заняла место рядом с Тихоном, когда они выходили из палаты.

Дом, в котором родилась Нина, был недалеко. Оказалось, что уже несколько лет в нем никто не жил. Лустер определил туда брата, но общие дела требовали, чтобы он всегда был рядом, и Тихону отвели покои в новом особняке.

— Сейчас войдем, дочка, и ты увидишь — ничего не переделали. Думаю, все узнаешь. И там тебя ждет сюрприз.

— Когда же ты успел его приготовить?

— Много лет назад.

Нина вошла в коридор с высокими стенами. По обе стороны на них висели картины. Она шла мимо них медленно, словно плыла по течению. Вот справа — те самые «Огненные цветы». И они ее не обожгли. Она остановилась возле них и посмотрела на ковер, об который в детстве споткнулась и упала.

— И это помнишь? — спросил Лустер.

— Да. И я лежала с высокой температурой.

— Это было вот здесь, дочка. — показал он на дверь. — Открой сама.

— Я... Дай мне руку, Жоржик.

— Нет уж, лучше я возьму тебя под руку.

Жорж прижал к себе Нину, и они вместе шагнули в небольшую комнату. Это была детская.

— Моя кровать. Надо же... Вот это сюрприз! А ладья, кто ее разрисовывал?

— Тихон, конечно. Он и предложил сделать кроватку в форме ладьи.

— Вот я и уплыла далеко-далеко. А можно вопрос? Вернее, просьбу.

— Можно. Но я знаю, чего ты хочешь. Конечно, как решишь. Но тебе здесь будет... одиноко.

— Нам с Жоржем не будет одиноко. Как ты думаешь, Жоржик?

— Я думаю... Все так переменилось. Встало с ног на голову. И как на это посмотрит отец...

— И еще одно, дочка, — пристально посмотрел на Нину Лустер. — Боюсь я за тебя. За вас обоих. На твоих руках ведь, как мне разведка донесла, та цыганка умерла. И резонно думать, что перед смертью она могла передать тебе то, что нам здесь внятно сказать не захотела. То есть... Прокричала, что и дом, и двор набит золотом — ну, ты знаешь, о каком доме речь, а конкретно-то ничего и не показала. Хотя, думаем, могла. Что-то ее испугало. Это первое. И второе — мы узнали, что еще до этого она завладела немалыми средствами, которые пока не найдены. Так вот, за тобой могут охотиться. Не дай бог, обнаружат в этом доме. Тут —

ни охраны нормальной, ничего. Да я глаз не сомкну, дрожать за тебя буду!

— Но меня ведь как бы... нет.

— Э, милая! Не такие фокусы раскусывали! Матери-то, вон, уж доложили, что тебя видели. А может, и не только матери. Так что поживи пока в моем особняке.

Лустер пригласил и Жоржа, но тот отказался — мол, отец его не поймет.

Когда вернулись в особняк, и Жорж, убедившись, что Нина чувствует себя нормально, собрался уже уходить, Сергей Терентьевич остановил его и заявил, что сейчас самое время для его исповеди.

— Я — человек, который всегда чувствовал в себе силу. С раннего детства. Я мог подраться с любым мальчишкой, даже старше себя, потому что знал — победа будет за мной. Иногда эта сила заглушала голос разума. Но у меня была высокая цель — изменить мироустройство. Я понимал — невозможно всех сделать счастливыми, но можно дать человеку хоть временное ощущение счастья... А для этого мне самому необходимо стать богатым и успешным. Многие вещи в жизни происходят независимо от нас. Крутится колесо, и мы втягиваемся в его ритм. Иной раз я хотел жить как все. Я ведь ювелир по профессии и мечтал иметь свою мастерскую. Но колесо меня не отпускало... Скажу больше, великая цель привела меня к великим жертвам...

— Оправдываешься, Серж?

Черный вырос на пороге незаметно, неслышно, его цыганские глаза остановились на Жорже с Ниной, и он улыбнулся.

— Познакомься, Черный. Рядом с твоим Жоржем сидит моя дочь Нила, — тоже улыбнулся Лустер.

Черный встряхнул своей гривой, подошел к молодым людям, прикоснулся к руке девушки и посмотрел на нее так внимательно, как рассматривают картины известных мастеров. Потом повернулся к Лустеру и произнес:

— Но ведь такое бывает только в сказках...

— Конечно. Да ведь я всю жизнь и старался делать сказку. А ты никогда этого не понимал.

— Где уж нам, выросшим в здешних подворотнях!

— Уточняю — в своих подворотнях. Но чего же в мою-то подворотню все стремишься? И этого потомка кузнечных дел мастера на мою территорию толкаешь?

— Ну, что твое, что мое, разграничить теперь трудно. Есть ведь и моральная сторона дела. Ты купил пристройку с землей, но именно там скрыты произведения искусства художника-кузнеца... Наше с его сыном наследие.

— Сядь, отец, рядом с Сергеем Терентьевичем. Я тебя прошу.

— Делай, что сын говорит! — насмешливо сказал Лустер. — С охраной небось пришел. Но я в заложники тебя не возьму.

— Сына пришел проведать. Давно не виделись. А охрану взял, да. Ты ведь бываешь неуправляемый.

И мужчины пристально посмотрели друг на друга.

— Скажите, а вы можете стать друзьями? Мы так этого хотим, что сейчас вот решились на очень серьезный шаг... — вмешалась в разговор Нина.

— Дочка, дождись матери, потом уж будете решать! И Софью надо дожидаться. Я, собственно, против такого зятя ничего не имею.

— А ведь она не об этом, Лустер! — усмехнулся Черный, и у него почему-то загорелись глаза.

Нина даже удивилась — неужели догадался?

— Да, отец. Я не о наших с Жоржем отношениях. Мы с ним сейчас преподнесем вам подарок. Очень ценный. Который стоит, может быть, не одной жизни. Вы оба чего сейчас хотите больше всего на свете?

— Ну, помимо счастья всем родным и близким. Детям, надеюсь, — вставил Жорж.

— Так... ясно чего. Ты, дочка, знаешь тот старый дом...

— Во дворе которого закопано нечто, принадлежащее лично моей семье. Моим предкам, — уточнил Черный.

— А теперь... Где тут клады? Клады здесь! — воскликнула Нина и положила на стол белый листок с рисунком.

Черный тут же схватил его и поднес к глазам.

— Папа! — одернул его Жорж.

— Да я плохо вижу...

— Да неужели... — чуть не задохнувшись, прошептал Лустер.

— Да, отец. Она перед смертью мне это нарисовала.

— Невероятно!.. Мы с Черным здесь воюем. Ты попадаешь к его жене. Цыганка умирает на твоих руках. Дарит тебе ключ к золоту. Сын Черного тебя спасает. Вы вдвоем находите это место, к которому мы с Черным давно гребем и никак не догребем до берега. У вас в руках — план. И тут я захожу тебя. Как такое возможно, чтобы и разные люди, и события, и планы наши сошлись вот так, вместе? Нет, кто-то всем этим управляет. Не может быть, чтобы все это вышло случайно. Вот Софья твоя, Черный... Она ведь не знала, что Нина — моя дочь...

— Думаю, не знала.

— А направила к ней вашего сына...

— Вы правы, Сергей Терентьевич, — заговорил Жорж. — Это не может быть случайным совпадением, это, видимо, закон вселенской жизни.

— И давно ты это понял, сынок?

— Не знаю. Скажу так — я думал об этом всегда. А применительно к собственной жизни — только теперь. И это стало для меня такой интересной загадкой, что все другие отошли на второй план. Правда, сейчас смотрю на этот листочек, и в сердце ничего не дрогнет. А раньше от этой тайны аж дух захватывало!

— Ничего. Зато у нас давно все дрогнуло, — сказал Лустер и начал внимательно рассматривать рисунок. — Да и как вовремя! Я ведь был на суде, Черный. Когда этот дворянин, стоящий на краю могилы, заграбастал наш дом... Кстати, ты когда-нибудь его видел? Потомка-то?

— Нет.

— Копия наш... миссионер. Вот, наверное, из-за чего путаница получилась.

— Так он заграбастал дом, но не двор!

— Надеюсь, пока весь этот сыр-бор, бумажная волокита, мы и в доме сумеем все прощупать! А ты вот что скажи, дочка, как вы догадались-то, где искать? Ведь на рисунке нет ни города, ни улицы, ни номера дома. Цыганка и не могла этого знать — везли-то мы ее сюда...

— Ты на рисунок-то внимательно посмотри. Там есть дата, время. Для чего, думаешь?

— И для чего? Черный, ты что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— Да на линию-то вверху посмотри, отец! Ломаная линия.

— О! Да это же флюгер, который Валькин батя устанавливал!

— Тень! Тень от флюгера и от всего этого дома. Она нарисовала тень, — торжественно объявила Нина. — Тень, по которой мы и узнали этот дом!

— Ну, чудеса! Впервые в жизни такое вижу! — воскликнул Лустер.

— Но у нас, отец, есть вам обоим еще один подарок. Сюрприз, — продолжила Нина. — Это, правда, пока догадка Жоржа, но я уверена, что мыслит он совершенно правильно.

Жорж взял чистый лист бумаги и изобразил на нем цифры, скрытые в лепнине на фасаде дома. Он рассказал, как логически вычислил, где именно может находиться клад. Если, конечно, его действительно когда-то замуровали в доме. В парадном!

— Говорят, там стены были разрисованы. Причем присутствовал не просто какой-то орнамент, а сюжетные картины, — добавил Жорж.

— Одна. Одна там была картина. Так я ее помню, — вскинулся Черный. — Я ведь в этот дом к девочке одной ходил. Дружили. Она на первом этаже жила. И окно ее было аккурат рядом с парадным. Но парадное всегда было заперто, со двора в дом входили. Так я помню, как однажды постучал своей девочке в окошко, а на мой стук парадное открылось, и Наташка, писа-

тельница нынешняя, высунулась — ключ-то от этих дверей у них был. Я туда и нырнул — дай, говорю, посмотреть на красоту-то. До сих пор эта картина у меня перед глазами. Ничего не забыл.

— Нарисуй, Черный, — попросил Лустер.

— Давай лучше я. С твоих слов, — предложил Жорж. — А то из тебя рисовальщик... Ты и цвета помнишь?

— А то!

Лустер вытащил из стола цветные карандаши, фломастеры и протянул Жоржу. Тот слушал отца, и листок бумаги постепенно оживал и наполнялся удивительными красками.

— Я ведь почему запомнил-то... Раньше ничего подобного не видел. Нет, нет, вот тут синее перо у него было, даже с каким-то золотым отливом. А на этой ноге у него, вот, в стремени-то которая, — полосатые носки, или как они там в то время назывались, может, чулки или гамаша. А платье у этой дамы — с медным отливом... Ну, все вроде. Лошади две — на переднем плане, а вот там, на заднем, — забыл, сколько. Может, тоже две или три. А тут вот мальчик сидел на траве. Сиротинушка.

— Плакал, что ли? — спросил Лустер.

— Нет. В шкатулку глядел.

Все замерли и посмотрели друг на друга.

— Возможно, это была просто музыкальная шкатулка, — предположил Черный. — Были же такие...

— А ручка? Ручка у шкатулки была? — спросил Жорж. — Ну, чтобы ее заводить и музыку слушать.

— Да нет, не было.

— Но тогда именно это и может быть ключом...

Лустер от волнения даже поднялся с места:

— Ребята! Ребята! Но ведь вполне возможно, что мы — на пороге...

И тут за дверью раздался какой-то шум, а через пару секунд на пороге возник охранник:

— Сергей Терентьевич! Там Аза к вам рвется. Ну, в кафе у нас работала. Она собиралась уехать, но с дороги вернулась — для важного вам сообщения. Уверена, что вы просто... взовьетесь от восторга!

— Ну и день сегодня! Зови!

Но Аза уже сама вошла в комнату и, не обращая ни на кого внимания, обратилась к Лустеру:

— Сергей! Я видела ее. Она жива. Мы случайно оказались в одной гостинице. Я ничего ей не сказала — не знала ее планов, боялась спугнуть. Но это точно она, я ведь ее помню. Она прямо из гостиницы — на вокзал, а я — сюда, чтобы тебе скорее все сказать. Думаю, она еще там, поезда дожидается.

Лустер выбежал вместе с Азой. Было слышно, как он отдавал приказания, звонил, как кричал в трубку:

— Лена! Мы ждем тебя, Лена! Она здесь, со мной. Не плачь... Не плачь... Просто сиди и жди. Мы давно тебя ищем. Мои люди сейчас за тобой подъедут...

А потом наступила тишина, и обеспокоенные Нина с Жоржем вышли в соседнюю комнату. Лустер полулежал в кресле, беспомощно опустив руки. На усталом, измученном лице его слабо светилась улыбка.

— Мама... Думаю, сегодня ночью ее привезут. Она жива. И я жив. И мне не надо, дочка, никаких «скорых». А то ты, вижу, уже приготовилась звонить. Хватит нам Тихона.

— Сегодня — день сюрпризов. И они, отец, еще не кончились.

— Ну конечно. Маму-то еще не привезли. И этот мальчик со шкатулкой...

— Шкатулка подождет. Я сейчас о другом — о Тихоне.

— А что Тихон-то? Жив, и ладно.

— Сын у него есть. Эта тихоня, как ты ее назвал, родила сына, когда Тихон твой был уже за границей. А потом и замуж вышла, окончательно поняв, что Тихон и не собирался на ней жениться.

— Вот это да! Вот это день! Какое число-то сегодня, а? Ну, конечно, тринадцатое! Обычно в этот день у меня неприятностей — как дробы барабанной. А сегодня... Что скажешь, Черный? Был у тебя такой вот день?

— Будет, Сергей. Софья вернется. Золото с тобой найдем. Город на ноги поставим, а то он сейчас такой дохлый, что со стула сползает... Прежний губернатор довел... Дети наши, думаю, внуков нам подарят... Подарите, а? Что молчите?

Жорж тихо прижал к себе Нину и заговорил:

— Что касается догадки моего отца... Ну, этого мальчика со шкатулкой... Проанализировав архитектурное строение дома, я убедился, что именно эта часть стены может защитить спрятанные в ней сокровища. Понятно было, что она никогда не подвергнется перестройке, никакие перепланировки ей не угрожают. А шкатулка — это, думаю, знак. Мальчик же символизирует молодое поколение. Знак молодым — где искать и что искать. Вполне возможно, что нарисованная шкатулка существовала в реальности, и что именно ее мы в этой стене и отыщем. Правда, кладодаритель не предполагал, что его красочное изображение на стене могут замазать банальной известкой. Умеют в наше время ценить классику, что и говорить.

Лустер подозвал к себе Черного, попросил его сесть рядом.

— Сына ты вырастил хорошего. Не нашего поля ягода, да теперь это и не нужно. Дело умеет делать. И будет. А как тебе дочка-то моя? Не пугает? Тюрьма — не курорт. И ее авантюры... Они, конечно, вынужденные,

но она на них пошла. Обстоятельства были такие. Я понимаю и одобряю. А ты?

— Я не такой легкий человек, как ты, более основательный, ты знаешь. И мне хочется, чтобы сноха тоже была основательная, всегда при доме, при муже. И если Жорж в ней уверен, то и я буду уверен. Ему не восемнадцать лет, думаю, разобрался...

Вчетвером они вышли на улицу. Было уже темно. Лустер приказал охране зажечь свет во дворе. Спать не пошли — до того ли было? Телефон Лустера не смолкал. Наконец он произнес долгожданное:

— Все, они едут!

Во двор вышла Аза, пригласила всех поужинать — оказывается, она успела приготовить пиццу. Никто не двинулся с места, и тогда она принесла тарелку с нарезанной пиццей и уговорила каждого взять по кусочку.

Все понимали, что это — необыкновенная, неповторимая ночь. Нина ругала себя за то, что не поехала с отцом. Но понимала — так было нужно в целях собственной безопасности. Жорж сходил в дом за Нининой ветровкой, накинул ее девушке на плечи.

— А хочешь поговорить с мамой, сынок? — спросил вдруг Черный.

— Неужели это возможно?

— Иногда я думаю, что невозможного-то для меня и не осталось. А жаль. Сейчас вот сериалы всякие идут по телевидению, и во многих люди правды добиваются не через суды, не через законы наши, не через совесть — у подлецов ее и нет, — а по-своему, как умеют. Может, чего и незаконное делают. Народ эти сериалы любит, потому что в них побеждает тот, кто живет по справедливости. Вот и я так старался. И твой отец, девушка, тоже. А нас в бандиты записали. Да мы именно от бандитов много лет людей спасали! Город ограждали от хлама этого криминального. И тут самим не запачкаться невозможно. И без жертв тоже не обошлось. Так что не судите нас. Это я для того вам мозги вправляю, чтобы ты, сынок, сейчас с мамой хорошо поговорил. С легким сердцем. Держи мой мобильник, я уже нажал на вызов.

Жорж взял трубку и ушел в глубь двора.

— Мама... Мамочка, это я. Он рядом. Мы здесь все вместе, понимаешь? Да, да, все хорошо. Мы тебя очень ждем. Нам не хватает только тебя. Я не могу всего сказать, ты понимаешь. У нас масса находок. Всяких. Папа и Лустер... Да, да, помирились-породнились. А вот приедешь, узнаешь. Сидим все вместе в его дворе. Ждем радостной долгожданной встречи. Я люблю тебя, мама...

Двор вдруг осветился фарами въехавшего автомобиля, открылась дверь переднего сиденья, и... из машины вышла какая-то женщина. Она тут же схватилась за его руку и повисла у него на плече, словно не могла ходить. Лустер подхватил ее под руки и осторожно повел навстречу молодым людям. Нина не выдержала, оторвалась от Жоржа и подбежала к матери. Обе не могли говорить. А Лустер повторял одно и то же:

— Не плачьте, девочки... Мои любимые... Девочки, не плачьте...

Потом он показал Азе комнату, где можно расположиться, и она тут же отправилась туда. Черный уговорил сына уехать вместе с ним, Жорж, правда, неохотно, согласился, и они отбыли. Нина с матерью все никак не могли наговориться, но уже под утро все-таки ушли в спальню, и Лустер остался один.

То, что он пережил сегодня, хватило бы на несколько жизней. Встреча с женой, от которой он отказался много лет назад ради ее же безопасности, не принесла успокоения. Да и возможно ли человеку быть спокойным? Тревога — его постоянный спутник. Эта женщина сейчас чужая. Может быть, время все повернет назад, и прежние ощущения и чувства вернуться? Нет, ничего не возвращается. Это он уже знает. Ничего и никогда. Что ушло, то ушло. А смотреть надо только вперед и постараться стать ей другом. Помочь ей обрести себя, почувствовать свою значимость. Много лет она была жалкой, забитой, затурканной жизнью. И ей надо воспрянуть духом. А он в этом поможет. Иначе — зачем были жертвы?..

Встали поздно — солнце уже вовсю пробивалось сквозь шторы. На кухне стоял готовый завтрак, и лежала записка Азы, в которой она извещала, что уехала. Лустер налил себе свежесваренного чая. И в это время ему позвонила взволнованная тетя Даша. Телефон буквально захлебывался от ее слов и эмоций. Она сообщила, что в доме происходит невообразимое — работают какие-то мастера-ремонтники, а в парадном кто-то буквально крушит стены! И на ее, Дашины, замечания никто не реагирует. Да и она-то зашла в магазин по привычке, он же в эти дни не работает. Зашла, а дом буквально содрогается от рук и усилий незнакомых людей.

Лустер поднял всю свою команду. Известил Черного о событиях в доме, и тот тоже собрал своих людей.

И вот две колонны машин выехали по направлению к старому дому, много десятилетий хранящему свои тайны. Выехали, чтобы поставить, наконец, точку в своих надеждах, мучениях, поисках и сомнениях. Тайны ведь для того и существуют, чтобы их раскрывать, не так ли?

Место притяжения

Сегодня я не узнала родной старый дом. Забыв про свою жалкую крышу, он сиял, охваченный радостью.

Белорусы-ремонтники с помощью Юры быстро выгрузили из своей машины всю поклажу, и мы впятером буквально взлетели на второй этаж. Впереди всех «шел» наш перфоратор. Огорчало только одно — Валерия Васильевича с нами не было. Он вообще не ответил на мои звонки. А потом кто-то из его палаты, устав, видимо, от звонков, ответил, что наш больной находится на особом режиме, ибо ночью ему стало плохо.

Ремонтники быстро принялись за работу, а мы, обосновавшись в парадном, возложили на Юру самую большую ответственность — вскрытие стены.

— Наташ, да ты в детстве уже молотком здесь работала, помнишь?

Про молоток я помнила. И про наказание за это — тоже. Но вот где именно я пыталась разломать стену, совершенно забыла.

— Да тут, тут. Твоя бабушка еще отца моего попросила помочь ей стену в порядок привести. Ты сумела несколько кирпичей раскрошить.

Понятно. Если бы меня не остановили, мы уже тогда были бы усыпаны драгоценностями, золотыми слитками и всем, что я могла себе только представить. Ничего, сегодня буду наверстывать упущенное.

Мы с Зоей Алексеевной принесли с собой рабочую одежду, быстро переоделись и стали похожи на нанятых рабочих, которые трудились в поте лица в моей старой квартире. Поскольку мы абсолютно ничего не понимали в деле вскрытия стены, Юра стал нами командовать. Мы что-то подносили, уносили, наливали, накладывали, размешивали. Наконец он взялся за перфоратор, и — дом вздрогнул! Начался камнепад, сель, извержение вулкана — все вместе. Но больше всего это напоминало автоматную очередь. Я подумала о том, что в соседних домах точно начнется переполох, решат, что дом захватывают террористы. Но Юра, видя ужас на наших лицах, приподнял респиратор и улыбнулся. Мы с Зоей Алексеевной тоже улыбнулись в ответ, и автоматная очередь продолжилась. Зоя Алексеевна сходила на разведку — по коридору, вниз и во двор. Странно, но посторонних людей не было. Похоже, происходило идеальное ограбление дома! Раньше мне такая терминология почему-то не приходила в голову. Мы раскрываем тайну — благородно звучит, правда? Кстати, что значит — ограбление? Валерий Васильевич ведь дал нам свое согласие. А это, как-никак, его дом.

Юра тем временем продолжал упорно врезаться в стену. За клубами пыли мы не очень хорошо видели, до чего он докопался. Но когда пыль осела... В проеме стены, за кусочками кирпичей мы увидели некий предмет — очевидно, из жести. На нем был рисунок — красивые ветки, переплетения листьев, сияющих, словно золото. То есть — когда-то все это сияло, а теперь предстало перед нами в довольно потускневшем виде. Юра деловито вытащил из своей сумки некий инструмент и подцепил им сбоку жестянку. О, чудо — она сдвинулась с места! Мы оценили ее поступок и стали уговаривать коробку показаться нам полностью.

— Да я ее сейчас просто вытащу, и все. Чего вы надрыгаетесь-то? — усмехнулся Юра.

Он действительно придвинул коробку на самый край нашей самодельной ниши, а потом взял ее, спокойно поставил на пол и спросил меня, открывать ему коробку, или мы это сделаем сами где-то в другом месте. Это он правильно придумал про другое место, так и надо было сделать. Я ведь и одеяло взяла, чтобы завернуть в него все, что найдем. Но куда же деть врожденное любопытство? Оно в этой ситуации было самым главным. И я махнула рукой — давай, открывай! Но открыть у Юры почему-то не получалось. Запаяли ее, что ли?

— Стукнуть по ней надо. Можно? — спросил он.

— Валяй!

Юра обстучал коробку со всех сторон, затем пустил в ход острый нож с очень тонким лезвием, и только после этого коробка как-то хрякнула и открылась! Мы застыли в изумлении — в ней спокойно лежала деревянная шкатулка, покрытая тонким слоем неизвестного мне вещества, напоминающего лак, и эта шкатулка была точной копией той, которую держал в своих руках мальчик, когда-то нарисованный на стене моего парадного!

— Наташ! Так это... клад, что ли? — спросил Юра. — Выходит, ты его все-таки нашла? То есть я... Я нашел! Открывать?

— А давай!

Крышка шкатулки была словно приклеена к ее стенкам. На первый взгляд показалось, что когда-то что-то было на ней написано. А вот второй взгляд бросить мы не успели — Зоя Алексеевна дала нам понять: опасность! Да мы и сами это услышали. Дом опять затрясся, потому что во двор въехало сразу несметное количество машин. И все они гудели, ревели, рокотали и предупреждали, что нашему приключению пришел полный песец! Я тут же набрала Комова, в двух словах рассказала о том, что сотворила, и буквально закричала: «Помоги!» Он пробормотал что-то насчет того, что я ни за что не умру своей смертью, и пообещал тут же прибыть к месту происшествия.

— Да не один, Володя! Бери всех своих сотрудников! Тут целая бандитская группировка! Слышишь? Это они уже бегут по коридору...

Я схватила шкатулку, замотала ее в свой шелковый шарф и бросила в ведро, которых в парадном, превращенном в хозяйственную комнату, было несколько. А в жестяную коробку мы положили... камень, который неведомыми нам путями попал в кирпичную кладку и как бы оброс частичками кирпича. Получилось очень живописно.

Между тем грохот все приближался. Я не могла позволить добытым сокровищам лежать в ужасном жестяном ведре, это было выше моих сил. Когда стоишь на грани провала, как я сейчас, то мозги начинают работать в обратном направлении. Я схватила шкатулку вместе с шарфом и прижала ее к себе. Зато Юра-дурак оказался вовсе не дураком. Он попрыгал на половицах, а потом нагнулся и ловко приподнял одну из них. Мы не могли проверить, что там, под этой половицей. По идее, там должен быть кусок старой лестницы, которая располагалась в парадном входе. Хотя не исключено, что там уже начинались владения директрисы. Но неизвестность — это хоть какая-то надежда, и я опустила туда шкатулку вместе со своим замечательным шарфиком — подарком мужа. А Юра закрепил доску так, что наше хранилище было незаметно.

И, конечно, в это же самое время в дверь застучали.

— Кто там? — тихо, будто ничего не случилось, и ко мне просто постучали соседи попросить соли, спросила я.

— Открывайте! Или будет хуже! — проревел мужской голос.

— Хуже уже не будет, — грустно сказала я и тут же отперла дверь. — Проходите, пожалуйста. Вы из...

— Мы из! Мы из всего, что только может представить ваше воображение!

— Ну, тогда вы из Общества охраны памятников. Мое воображение не может позволить себе представить, что вы какие-нибудь налетчики... бандиты...

Между тем пришельцев становилось все больше и больше. Они уже заняли половину парадного. Один из них наткнулся на наш перфоратор и сбил его с ног, надеясь подлезть поближе к нише.

— Я офигеваю, мама! — прошептал первый вбежавший, видимо, он был у них главным.

Остальные молчали и вопросительно смотрели на него. Рядом с ним встал мужчина с гривой черных волос и тоже уставился в нишу. Разумеется, они рассматривали шкатулку с булыжником, облепленным кусочками кирпича.

— Это что? — одновременно спросили оба.

— Орудие пролетариата, — пролепетала я, указывая на булыжник.

— Вижу, — сказал «главный» и добавил: — Ты уважаешь... интеллект?

— Вы, — бесстрашно поправила его я.

— Вы, уважаемая писака...

— Писательница.

— Вы, уважаемая писательница, уважаете интеллект?

— Повторы режут мое ухо. Уважаемая. Уважаете.

— Ах, простите, — начал, было, он, но его перебил здоровый мужик, по виду охранник:

— Скажи спасибо, что твое ухо режут повторы, а не мой нож... А то получишь свое ухо в качестве подарка. Так что включи свое воображение в эту сторону.

— Граждане! Прекратите грубить, угрожать! Соблюдайте элементарный порядок. Умейте уважать людей даже в таких нестандартных ситуациях, — пропела своим негромким голосом Зоя Алексеевна и тем самым разрядила обстановку. Все засмеялись. Но угроза не перестала висеть в воздухе.

— Так разрешите продолжить про интеллект, — вновь начал «главный». — Мой молодой друг... вот этот...его зовут Жорж, архитектор по профессии, проанализировав строение дома, легенды, с ним связанные, и некие знаки, имеющиеся на фасаде, пришел к выводу, что в этой стене, а теперь именно в этой нише должно находиться нечто ценное, сокрытое много лет назад владельцем этого дома. Мы поверили в правильность его догадки и стали готовиться к открытию клада, решив при этом соблюсти все необходимые регламентации законодательства. И поскольку дом, можно сказать, является моей, Сергея Терентьевича Лугова, собственностью, а часть территории, к нему прилегающей, принадлежит бизнесмену Черному, вот он, собственной персоной, то сомнений не было — эти решительные действия мы предприняли бы в самые ближайшие дни.

— Да о чем базар, Лустер? Тут ничего нет, — угрюмо произнес Черный.

— Такого не может быть, потому что не может быть никогда! — уверенно заявил Лустер. — Дамы и этот придурковатый товарищ от нас явно что-то скрывают... Вы еще не нашли, что именно?

— Пока нет, — заявил один из охранников, переставляя пустые тазы и ведра.

Тут вперед выдвинулся историк-краевед, будь он неладен!

— Вы уж меня простите, Зочка Алексеевна, я к вам — со всей симпатией, но... Наша писательница прекрасно умеет замечать следы. Сообщив мне, например, где был закопан зо... старый череп, она явно слукавила. Мы перекопали всю указанную ею территорию. И даже больше. Но — никаких следов!

— Зато из могилы дяди Паши Тихомирова ты выкопал золото! — плюнув на все правила приличия, выкрикнула я. — Выкопал, да хоть бы за собой все убрал! Так и оставил развал на могиле!

— Какое золото? — обратился Черный к краеведу.

— Какое золото! — подхватил историк. — Это был штырь от карусели! А карусель устанавливал мой батюшка...

— Вот ты у меня сейчас и отправишься прямо к своему батюшке! — Мне показалось, что Черный хочет задушить краеведа, у которого и так в чем душа держится. — Где?

— У меня в гараже... Но я не знаю ни про какое золото. Клянусь!

— Ни шагу отсюда! Вместе к тебе поедем!

— Конечно, как вы скажете. Я только хотел высказаться... По поводу этого булыжника... Надо идти логическим путем. Если мне будет позволено...

— Иди, иди! И говори, да побыстрее! — прокричал Лустер. Он явно терял терпение.

— Разрешите коробочку-то, — попросил краевед.

Он бережно взял коробку вместе с булыжником и поднес ее близко к лицу, словно принюхивался. Потом послунял свой палец и провел им по булыжнику. На нем остался темный след. Но главное — след остался на пальце. От тонкого слоя пыли, которую мы должны были стереть. А потом он попытался закрыть коробку. Она почти закрылась, но все же оставалась совсем маленькая щелка. Эх, надо было нам сколоть часть приросшего к камню кирпича. А мы этого не сделали.

— Вот видите? Видите? — торжественно вопрошал краевед.

Все стояли в недоумении и молчали. Наконец прозвучал зычный приказ Лустера:

— Искать! Везде! Во всем доме!

Он кричал что-то еще, но вой полицейской сирены помешал услышать его дальнейшие слова.

Через пару минут в парадном появились Сергей Осокин и бригада полицейских. Последним вошел Комов.

— Вот, Владимир Иванович, посягают, — начала я, указывая на «группу захвата» Лустера и Черного.

К моему удивлению, Лустер и Черный тепло и совсем не официально поздоровались с Комовым.

— О, вы что, дом ломаете? Террористический акт? — спросил Осокин.

— Боже упаси! Это вот мадам и ее свита... Вскрыли стену нашего обожаемого дома, в который я планировал вложить немалые средства... Чтобы памятник архитектуры радовал жителей города... Согревал наши сердца своим изумительным внешним видом. Стену сломала. Да я просто плачу от безысходности, — закончил свой театральный монолог Лустер.

— Ну, Сергей Терентьевич, должен вас огорчить — дом принадлежит Валерию Васильевичу Сабурову. Суд признал его законным владельцем. Так что претензии к нашей писательнице могут быть у него, а не у вас.

— Но он нам разрешил! — не выдержала я. — Вчера вечером мы говорили с ним об этом в больнице. Он хотел присоединиться к нам, но не смог. Из-за болезни.

Лустер стал убеждать нас, что новый владелец Сабуров никак не сможет привести дом в надлежащий вид. Что в это нужно вложить немалые деньги, а разве могут они быть у простого инженера, коим он является? Да и решение суда еще оспорить не помешает. Времени до вступления его в силу осталось в обрез, но успеть еще можно.

Между тем Зоя Алексеевна давно заметила, что в полку Лустера и Черного несколько поубавилось. Очевидно, поисковики-разбойники рыскали по всему дому в поисках клада. В парадное заглянули белорусы-ремонтники.

— Там какие-то люди безобразничают, — пожаловались они. — Мусор в мешках перевернули, раствор весь палками попротыкали, вскрыли пакеты со стройматериалами.

Комов попросил выйти с ним для переговоров. Мы зашли в комнату, которая была общей коммунальной кухней, и по этой причине в ней давно никто не жил, закрыли за собой дверь, и он меня прямо спросил, что я натворила.

— Клад искала, — просто ответила я. — Ну, ты же знаешь этот мой пункт. Я долго мыслила, вычисляла, где он может быть. И остановилась на мальчишке, держащем шкатулку. Помнишь картину на нашей стене в парадном? Вот в том месте, где был нарисован мальчик, мы и разломали стену! Юра ломал. Перфоратором. А они прибежали, накинулись...

— Ну и как, нашли шкатулку?

— Нашли жестяную коробку, в которой булыжник лежал. А они думают, что я клад нашла и куда-то спрятала. Вот и рыщут по всему дому.

— А ты не прятала?

— Да боже упаси!

— Булыжник-то зачем?

— А фиг его знает! Кто-то до нас опустошил...

— Юра, говоришь, вскрывал? Надо же, Юру нашла.

Комов вышел в коридор и попросил позвать к нам Юру. Тот вошел, улыбаясь и повторяя:

— Я клад нашел... Я!

— Юра, ну коробку же с булыжником, а не клад! — поправила я бывшего соседа.

— Юра, а куда вы дели этот клад? Где вы с Натальей его спрятали? — спросил Комов, не поверив ни одному моему слову.

— А мы не прятали. Мы его бросили! — важно произнес Юра.

— Ну, увидели, что в коробке булыжник, и решили все бросить и уйти, — уточнила я.

— Да, да! Бросили, и все! — добавил Юра.

Мы вернулись в парадное к разломанной стене, в которой ковырялись люди Лустера. Они время от времени поглядывали на перфоратор, так как им очень хотелось раздолбать дальше мою стену и найти клад, который мысленно они уже держали в своих руках. Я махнула рукой — дескать, берите, пользуйтесь, Владимир Иванович тоже непротив. Автоматная очередь затрещала снова. А я, оставив Зою Алексеевну на страже в центре событий, повела Комова и Осокина в свою прежнюю квартиру, где хозяйничали ремонтники, и рассказала, какой сюрприз хочу преподнести Валерию Васильевичу. Пусть порадуются, что хоть одна квартира у него будет в полном порядке!

— Пусть порадуются. Но... У нас там коллега лежит в соседней палате. Сегодня наши к нему ходили и слышали, что Сабуров совсем плох.

Я тут же позвонила Валерию Васильевичу. Никто не ответил. Конечно же, надо звонить в ординаторскую. Только я собралась набрать номер, как из парадного раздались восторженные крики:

— Есть! Есть!

Мы побежали туда. Один из охранников, разгребаящих очередной слой разбитых кирпичей, наткнулся на нечто, завернутое в льняную тряпку, пропитанную, как мне показалось, воском, положки такие бывают в пчелиных ульях. Все молча взирали на каждое движение этого счастливица. Вот он снял один тряпичный слой, другой... Сердца замерли у всех. Ну что же там, что же? Наконец не выдержал Лустер:

— А ну, дай! Это надо преподнести красиво!

Смотря, что там, подумала я. Содержимое тряпицы явно было тяжелым — рука у Лустера сразу опустилась вниз и как-то безвольно повисла. Но это было лишь мгновение. Сергей Терентьевич бережно открыл последнюю страницу этого прекрасного приключенческого романа, и мы увидели большой золотой слиток прямоугольной формы с какими-то тиснениями.

— Так вот он какой, мой клад... Я мысленно искала его так много лет, я так долго не могла добраться до него в реальности, что теперь просто не верю собственному счастью! — гордо произнесла я, глядя на всех своим особым взглядом — сверху вниз. — Дайте же мне на него посмотреть!

— С какой стати, мадам?

Это спросил уже Черный. Да и Лустер явно не собирался расставаться с золотом. Тут заговорил Комов. Он напомнил, как в нашей стране необходимо поступать с найденными кладами, и какой процент их стоимости полагается нашедшему. Мне все-таки вручили слиток, однако он оказался так тяжел, что я просто не смогла его удержать. К тому же мне позвонили. На мобильнике высветился номер Валерия Васильевича. Но это оказался не он, а его сосед по палате, который сообщил, что больному стало гораздо лучше, и спросил, что я хочу ему передать. Я попросила сказать, что

ремонтирую самую лучшую комнату в его доме — в качестве подарка, но главное — что в стене его парадного найден настоящий клад! Золото! Мой собеседник просто опешил, отключился и, думаю, тут же бросился к Валерию Васильевичу сообщать эти новости.

Убедившись, что мне ничего не грозит, Комов уехал вместе со всей своей бригадой. Отпросился к себе в интернат и Юра. А Лустер и Черный с сыном, отпустив часть своих архаровцев и оставив за дверью лишь несколько самых верных и проверенных, сели вместе с нами на принесенные ящики прямо в парадном, и мы стали... разговаривать! Я рассказала им, как выпрыгивала в окно с посылкой Валерия Васильевича, как наблюдала за переполохом в доме, и мы смеялись над своими страхами и ошибками. Честное слово, еще час назад я и не представляла такого развития событий. А потом мы заговорили вовсе не о деньгах, не о золоте, не о дележе найденного, а о своих мечтах. Так на нашу психику, очевидно, подействовало золото. Каждый понимал — деньги, полученные за клад, будут велики, однако новый город на них не построишь. Но за этой находкой крылась какая-то доселе неизвестная им сила, которая поднимала их дух, как бы давая понять — все, что они задумали, может и должно осуществиться! И невообразимо интересно было слушать эти мечтания — тогда, признаюсь, они казались мне очень наивными и невозможно трогательными. Я незаметно залезла в свою сумку и включила диктофон, потому и могу сейчас полностью воспроизвести монологи и Лустера, и Черного.

— Я, знаете, всю жизнь был влюблен в этот город и в Волгу, — говорил Лустер. — Вот уеду куда-нибудь, а представляю, что хожу по этим тротуарам и никак не могу этим воздухом надышаться. Друзья и в Москву звали, и в Питер, но я отказался. А деньги... Это ведь поначалу хочется и новый дом, и машину новую, и на острова заморские. А когда все это есть, включается разум. И любовь. Вот что мне представляется чаще всего... У меня дома есть картина — брат рисовал с фотографии — собор на берегу Волги. Такой был красавец писанный, разрушили в тридцатых. А одна стена, которая как бы парк подпирает, осталась. И я подумал — вот бы восстановить! Скопить денег, и все на это дело пустить! Да я бы тогда знаете что? Я бы как ангел воспарил! Я бы себя так уважать стал! Да только моих капиталов не хватит. На государство была надежда, да что-то оно не торопится. А время идет. Собор будет, я уверен. Но эта красота уже сейчас кого-то спасти может, а не спасает — потому что нет ее. В мечтаниях она моих пока и в людских надеждах. Вот ты, Черный, ведь мог бы мне помочь, а не поможешь!

— Не помогу. Свое у меня дело несделанное. Мечта неосуществленная. Сюда меня мальчишкой привезли, а ведь родился я на юге. И... Ты ведь дома у меня был? Был. Видел, как я живу? В чем?

— В лесу ты живешь, Черный!

— Эх, Лустер! Да это же — ботанический сад! Мини-сад. А я хочу настоящий ботанический сад в городе создать. С пальмами. С магнолией. С цветами невиданными. Как в сказке «Аленький цветочек». Я очень любил этот мультик. И люблю.

А Жорж говорил о своих волшебных домах, которыми он, архитектор, мечтает застроить город. В этих домах будет все так красиво, что люди там непременно будут счастливы. И он, Жорж, надеялся, что знаки на этом рисунке... При этом молодой человек вытащил из кармана рисунок, на котором в моем дорогом дворе, где прошло все детство, были некие обозначения, ведомые мне, но неведомые им.

Было бы нечестно, если бы я не рассказала о своем главном желании. Они слышали, каким я вижу свой старый дом, как я преображаю его в своих мечтах. Для чего? В будущем я вижу здесь, например, частную библиотеку. Конечно, если этого захочет Валерий Васильевич. Обязательно ему предложу такой вариант. Есть, вероятно, и другие. В прекрасном доме всегда найдется что разместить.

— Да в нем можно просто жить! Долго и счастливо! — проникновенно воскликнул Лустер.

Я представила им Зою Алексеевну и назвала ее профессию. Она, выслушав рассказы о наших мечтах, призналась, что хочет открыть свое частное детективное агентство, уже и команду себе подыскала, да эти деньги, будь они неладны...

Я знала, что наступит момент, когда надо будет принять жизненно важное решение. И я его приняла. Но сначала спросила, можно ли нас считать единым братством. Ну, раз уж так получилось. Раз мы встретились при таких потрясающих обстоятельствах.

— Поклясться можем. На крови! — заявил Черный.

— Не надо лишних слов, — попросил его Лустер. — Я чувствую, что Наталья хочет сказать нам нечто глобально важное.

— Она хочет объяснить, почему булыжник не входит в эту коробку из-под леденцов! — засмеялся Черный.

— Может быть, — покачала я головой и вдруг спросила у него: — А как вас зовут?

— Николай, — растерянно произнес Черный.

— Сергей. Николай. Жорж. Зоя Алексеевна. У нас все будет прекрасно. Этот дом и этот двор... Вы не зря их выбрали. Они хранили свои тайны — может быть, специально для вас. У вас есть смелость. Решительность. Вы не будете чахнуть над золотом. И потому к этому замечательному куску золота... Кстати, а кому известно, что это именно золото?

— Да всей полиции в лице этого Комова! — с досадой бросил Лустер.

— Он что, пробу рассматривал? Заключение экспертов видел?

— А Наталья, и правда, глобально мыслит, — пропел Черный. — Мы должны прокрутить эту интересную мысль.

— Она родилась от ваших замечательных слов, на осуществление которых нужны хорошие деньги! Поэтому либо мы вообще ничего не сдаем — ну, не было эпизода, и все! Либо объясняем, что — да, имел место счастливый случай, но это оказалось вовсе не золото, а... Есть в природе что-то похожее на золото?

— Платина! — воскликнул Жорж.

— Ну, я серьезно... Есть, кажется, какой-то кварц, который издали можно принять за золото. Блестит так же.

— Поняли. Найдем заменитель. Суррогат, — кивнул Лустер. — Кстати, вы сказали, что к этому замечательному куску золота... Фраза оборвалась, но порыв мы поняли, и если поняли правильно, то примите заранее наш восторг и...

— Да, к этому замечательному куску... ну, я уже не буду называть его золотом, мы же решили... Я прилагаю... так много всего, что, ребята, держите меня, как бы я не сошла с катушек...

— Наташенька, успокойтесь, пожалуйста, вы все решили правильно, — принялась утешать меня Зоя Алексеевна.

— Да, да, извините. Покажите-ка, Жорж, ваш рисунок. Вот эти отметки, видите? Здесь — золото. В этом дворе. Я покажу вам, в каких местах хранятся золотые вещи. Они очень тяжелые. Мы их достанем. Но это еще не все. Под нами — шкатулка, которую мы не успели открыть. Думаю, там настоящий клад. Который вычислила я. И вычислил Жорж. Уважаю.

— Я не один, а со своей невестой. Она очень хорошо чувствует такие вещи...

— Мы их достанем, — повторила я.

Мы с Зоей Алексеевной показали на широкую доску, под которую улетела моя шкатулка, обмотанная тонким шелковым шарфиком. Все все поняли. Мужчины отогнули еще две доски, содрав прикрывавший их рваный линолеум, и Жорж, посвечивая себе мобильником, спустился вниз.

— Там — кусок прежней лестницы. Ваша шкатулка улетела в самый угол. Отец, нужен фонарь.

Черный приоткрыл дверь и приказал охраннику принести фонарь. Тот быстро слетал к машине и обратно. Наконец Жорж стал выползать из этого темного пространства, цепляясь за лестничные ступеньки, а потом и за доски одной рукой, а в другой у него была шкатулка. Я приняла добытые сокровища. Доски укрепили на свои места, ящики сдвинули вместе.

Зоя Алексеевна расстелила на них остатки моего шарфа, и я поставила на них шкатулку. Волнение было так сильно, что, крикни сейчас кто-нибудь, и мы все могли попадать в обморок.

— Мужчины, открывайте! Я вам доверяю.

Лустер дотронулся до шкатулки, погладил ее, хотел приоткрыть, но крышка словно приросла к ее стенкам. Черный сразу признался, что боится ее сломать, он просто провел по ней рукой и застыл в ожидании. Жорж деловито склонился над моим кладом, прощупал все стенки, проверяя, нет ли какого специального устройства для того, чтобы крышка откинулась сама, а потом вытащил небольшой ножик с тонким лезвием и спросил меня:

— Можно?

— Подожди. Может, она откликнется на мою просьбу...

Я склонилась над шкатулкой, как над малым ребенком, и стала говорить ей ласковые слова. Называла ее даже волшебным перышком Жар-птицы. Не знаю, что именно тут подействовало — эти нелепые слова, или шкатулка просто нагрелась от моего дыхания, и в веществе, которым она была покрыта, произошла некая реакция, но только крышка под моими руками дрогнула, и мне потребовалось совсем немного усилий, чтобы ее открыть. И отодвинуть какую-то бумагу, похожую на пергамент. А потом — несколько движений, и...

Меня давно нельзя удивить волшебным свечением бриллиантов, не удивить притяжением даже тех драгоценных камней, которых я никогда раньше не видела. Но сейчас перед нами расцвел сад — самые прекрасные цветы мира из красных и розовых бриллиантов, зеленоватых жемчужин, небесно-голубых турмалинов, синих сапфиров, из топазов цвета безоблачного небесного свода. Рубины соседствовали с бирюзой, прозрачный кварц — с золотом и александритами разных оттенков — от фиолетового и сиреневого до красноватого. Отдельный цветок был представлен лучшими кристаллами изумруда темно-зеленого цвета, а на нем сидела изумительная пчелка с золотой спинкой и алмазными крылышками — казалось, что она вот-вот взлетит. Некоторые цветы лежали поодиночке, иные были собраны в букетики, скрепленные золотым или платиновым обручем. В самой же середине этой симфонии божественного ювелирного искусства по-царски разместился браслет из широких и тонких золотых пластинок, украшенных орнаментами — и тоже из цветочных изображений с драгоценными камнями. А из сердцевины этого браслета с овального портрета смотрел на нас седоватый мужчина с благородными чертами лица. Это изображение было накрыто тонким плоским бриллиантом. И этот благородный человек, смотревший на нас через прозрачный, как вода, бриллиант, был удивительно похож на Валерия Васильевича. Предок!

Наше онемевшее братство с трудом приходило в себя. Все понимали, что перед нами — представители лучших драгоценных камней мира. И что стоят они, вероятно, миллионы, а то и миллиарды долларов!

— И что же мы теперь будем со всем этим делать? — тихо спросила я, понимая, что в первую очередь об этом надо рассказать Валерию Васильевичу. Как-никак, это его предки позаботились о своих потомках, в том числе и о нем. Но звонить не пришлось, он позвонил сам. Я умоляла его приехать, полюбоваться на все, что мы нашли. Мне показалось, что он не очень стремился приехать, сославшись на то, что ему тяжело. Однако потом все же сказал, что прибудет. Кажется, он не совсем понял меня насчет клада, ибо не выразил ни удивления, ни восхищения. И весть о затеянном мной ремонте тоже пропустил мимо ушей. Зато объявил, что намерен сделать мне сюрприз. И попросил, чтобы мы не расходились. Что ж, мы и не думали никуда уходить. Куда ж с таким-то богатством?

Правда, Лустер и Черный несколько постарелись. Неизвестно ведь, как поведет себя настоящий владелец клада. Но я их стала успокаивать, убеждая, что Валерию Васильевичу наши планы очень понравились. Что сам он из-за своей болезни, которая считается неизлечимой, не может так вот широко планировать свою деятельность. Конечно, он ошибся, говоря о сюрпризе для меня. Это же мы ему преподнесем подарок! Но Зоя Алексеевна со мной не согласилась, и мне показалось, что знает она гораздо больше, чем говорит.

Пока мы любовались лучшими цветами планеты и обговаривали, куда они отправятся из моего парадного, во двор въехал лимузин с Валерием Васильевичем. Его сопровождала медсестра. Правда, мы, впустив владельца дома, оставили ее в коридоре — разговор предстоял конфиденциальный. Естественно, мы были уверены, что пойдет он о шкатулке. Но Валерий Васильевич, сев в приготовленное для него кресло, которое мы нашли в одной из комнат, и окинув взглядом шкатулку с цветами, отодвинул ее в сторону и открыл свою кожаную папку с документами, которую мы видели у него в больнице. Все с недоумением взирали на его поведение — ни ахов, ни охов, ни восторгов по поводу столь удивительного клада. Он что, не понял, какими огромными средствами это может обернуться? Да ведь мы теперь горы можем свернуть! И не только отреставрировать наш родной дом, но построить десятки таких же! Я принялась объяснять ему это, но он прервал меня, сказав, что знал о содержимом шкатулки, но теперь у него слишком мало времени для эмоций, восторгов и прочего. Что его, конечно, радуют наши планы, но он сейчас намерен ознакомить меня со своим завещанием...

Что там говорят, если новость поразила вас своей неожиданностью и способностью круто изменить вашу жизнь? Она упала, как снег на голову? Нет, целая глыба снега, способная раздавить. Сердце мое бешено заколотилось. Потому что мой родной дом, с которым я разговаривала даже на расстоянии, становился по этому завещанию моей личной собственностью... Я осторожно обняла Валерия Васильевича, поцеловала его, а он гладил меня по щекам и говорил, что не надо, совсем не надо плакать, а надо радоваться. А я плачу? Я плачу...

— Я понял, Наташа, что для вас дом — это больше, чем дом. Это живое существо. Друг. И он откликается на вашу любовь. Заметив это, я принял такое решение. Ведь у меня нет наследников.

— А у меня они есть, Валерий Васильевич. Дочь и сын. Они тоже любят этот дом. А... мы сможем здесь поселиться? Вы разрешите? После реставрации, конечно.

— Все решения будете принимать вы сами. Ведь теперь вы его владельца.

Я все-таки показала Валерию Васильевичу ремонтируемую комнату, а он посоветовал мне разместить здесь штаб, чтобы руководить работами во всем доме. Я заинтересовалась, какие у него есть пожелания, представила ему Жоржа, который уже выразил готовность работать над этим замечательным созданием позапрошлого века. Валерий Васильевич задумался. Я предложила добавить в лепнину на фасаде его имя и фамилию — в том же художественном стиле.

— А разрешат? Это же памятник, — тихо проговорил он.

— Уверяю вас, я уж постараюсь сделать так, чтобы разрешили, — заверил его Жорж.

— Спасибо. Я выполнил свое намерение. Оставляю вам все документы. Всю папку. Она мне больше не понадобится. Там — не только бумаги, касающиеся дома. Но и... Документы о том, где покоятся мои предки. А теперь... прощайте. И прошу вас позаботиться...

Зоя Алексеевна взяла его за руки и заверила, что ему не надо ни о чем беспокоиться. А я пообещала, что через час-другой мы, обговорив все самое важное, придем к нему в палату. Он отбыл вместе с медсестрой, которая так и не поняла, почему ее продержали в коридоре.

Шкатулку мы пока доверили Лустеру с Жоржем. Между прочим, Сергей Терентьевич, узнав, что я живу в деревне, предложил нам с Зоей Алексеевной остановиться в их особняке. Мы тут же направились туда вместе со своими драгоценными находками. Черный в шутку заметил, что все мы остаемся при шкатулке, и только он вынужден ехать к себе домой и ото-

рваться от клада. На что мы ответили, что без него ни в коем случае не истратим ни одного бриллиантика, а проследить за этим сможет его сын.

Он уехал, а мы, оставив драгоценности в надежном сейфе Лустера, засобирались в больницу. Подъехав на двух машинах к главному корпусу, тут же помчались в палату. Что-то нас подхлестывало — скорее, скорее! Но... Как и в первое наше посещение, она оказалась пуста. Медсестра на посту молча указала нам на ординаторскую. Заведующий отделением сидел за столом и что-то писал. Я спросила, где Сабуров. Он посмотрел на нас и, качая головой, развел руками! Неужели...

— Он попросил меня сделать все возможное, чтобы хоть несколько часов пожить нормальным человеком. Без боли и страданий. Все твердил, что ему необходимо принять важное решение и объявить об этом. Я предупредил, что такие меры... ну, словом, агрессивная терапия может ускорить... гм... финал, так сказать. Но он буквально умолял...

— Он нас не дождался... Надо было ехать сразу... Вместе с ним... Он умер в одиночестве...

— Бог с вами! Он не умер. Более того, я надеюсь, что сегодня этого еще не случится. Он в реанимации. Но — в сознании. Туда нельзя, а я тайком проведу вас в коридор, вы встанете рядом с палатой, а я приоткрою дверь. Вы даже сможете сказать ему несколько слов. Думаю, меня за это не уволят.

— Валерий Васильевич! Миленький! Я вас целую и обнимаю... Выздоровливайте! — торопливо проговорила я, заглядывая в палату. Ваш дом передает вам огромный привет. Он тоже желает вам поскорее встать на ноги. И низко кланяется.

— Не надо. Ему вредно. Он ведь уже старенький, — прошептал Валерий Васильевич, но мы его услышали.

— Мы хотим, чтобы вы улыбнулись. Готовы ковриком лежать у ваших ног...

— А я хоть капельницей буду, лишь бы вы выкарабкались, — подхватил Лустер.

— А я готов быть настенным орнаментом в стиле ампир, чтобы украсить вашу палату, — заверил Жорж.

— Мне остается бинтик. Платочек носовой, — сказала Зоя Алексеевна и послала нашему больному воздушный поцелуй.

— Господи, ну как же мы вас любим! — не удержавшись, выкрикнула я, и доктор укоризненно посмотрел на меня.

А Валерий Васильевич повернул к нам голову и улыбнулся.

Мне показалось, что с этой улыбкой он и оставил наш мир...

В волшебном мире

Прощаться с Валерием Васильевичем пришло очень много людей. Мы похоронили его в прекрасном месте, которое указал он сам — недалеко от часовни. Поминки, естественно, проходили у Григория. Его ресторан подготавливался для этого очень тщательно — все было в трауре, на стенах — фотографии, рассказывающие о жизни усопшего, о том, что было ему особенно дорого. Вот он на Камчатке, рядом с гейзерами. Вот на Онежском озере. В уссурийской тайге. С оленеводами Якутии. Остальные снимки я рассмотреть не успела — поминки тоже не терпят отлагательств. А прямо напротив меня на стенде, где мы с Зоей Алексеевной в первое свое посещение прочитали стих про Париж, висел портрет Валерия Васильевича и яркой краской были выведены четыре строчки:

Уходят люди — остается память.

Не исчезает светлая любовь.

Мы чувствуем — сейчас он вместе с нами.

И радость. И прощение. И боль...

— Я знаю, какой ему нужен памятник. Обязательно покажу вам эскиз, — прошептал мне сидевший рядом Жорж.

«Разумеется, — подумала я. — Только там непременно должно быть изображение нашего дома. Это даже и обсуждению не подлежит».

— И там обязательно будет изображение вашего дома.

Тонко чувствующий юноша уловил мою мысль. А рядом с ним — интересная девушка с иконописным лицом. Нина. Невеста. Лустер познакомил нас еще у себя дома. Она сидит и чего-то боится. Почему? А как на нее смотрит Сергей Терентьевич! О, да тут разыгрывается целый спектакль — правда, на траурной сцене. И рядом с Лустером — печальная пожилая женщина. Печаль просто въелась в нее, схватила за сердце и, надо полагать, не отпустит уже никогда. Жена? Вероятно. А рядом с присоединившимся к нам Черным — моя Зоя Алексеевна. Чего-то она раскраснелась. От выпитого? Или Николай хочет увлечь мою мисс Марпл в какое-то интересное приключение? К ним подскочил верткий историк-краевед, Черный посадил его между собой и Зоей Алексеевной, и Валентин с ходу стал что-то нашептывать ей в ушко.

Я поднялась и сказала все, что думала о Валерии Васильевиче. Призналась, что очень его любила и буду любить всю жизнь. И памятник мы воздвигнем ему необыкновенный. И могила его всегда будет так прекрасна и светла, что возле нее остановятся даже не знавшие его люди. И поклонятся. И перекрестятся. А ему от памяти всех нас будет, наверное, легче — там...

Перед уходом мы пообщались с Григорием, узнавшим, что я теперь надолго застряну в родном городе и, возможно, вообще покину столицу. Он пригласил нас на свои обеды. А столица... На что она мне? Это раньше надо было бегать по издательствам, умолять, просить, чтобы напечатали. Сейчас существует электронная почта, и твой роман легким движением руки в один миг перелетает к редактору. А вот дом без меня не сможет существовать, он умрет от тоски и одиночества!

Лустер же просто сразил нас своим радушием. И его ужаленная судьбой молчаливая женщина — тоже. А вот странная Нина ходила как тень и очень мало говорила, было ощущение, что она все время находится, словно в тумане. По опыту знаю — за каждым таким туманом скрывается очень даже реальная тайна. А уж как я люблю их разгадывать! И честно скажу — и подслушивать могу ради этого, и подсматривать. Вот я и высмотрела, так сказать, проникла в суть событий давних лет и узнала историю дочери Лустера. А уж как все переплелось-то! Невеста она теперь не кого-нибудь, а сына Черного. Это, конечно, их скрепило, вражду забыли, внуков общих будут ждать да прекрасными делами для города заниматься. И все — мой дом. Он всех сплотил. На великую радость построили его предки Сабурова.

Между прочим, я призналась Лустеру, что была о нем совершенно другого мнения, услышав о перепродаже краденых сережек, которые приобрела Аза. Но тут же добавила, мол, следователь Комов сразу сказал, что Лустер не будет заниматься такими делами — он выше этого.

С кладом мы поступили, конечно же, по совести. Ведь все наше братство — честнейшие люди. Разве мы можем пользоваться какими-то лазейками в законе? Да никогда! Разве возможно скрыть хоть один драгоценный камушек? Да ни единого каратика!

А между тем ремонт в моей комнате, наконец, закончился, и мы пришли принимать работу. Торжество нарушила директриса магазина, набросившаяся на нас с Зоей Алексеевной — мы входили в дом первыми, остальные еще не подтянулись. На ее крики я заявила, что являюсь хозяйкой дома и немедленно ликвидирую ее притон. Директриса онемела. Подошедший Лустер подтвердил мои слова. Кроме того, кто-то из охраны сказал ей о найденном кладе, и женщина буквально сползла по стенке. Придти в себя ей помогла Нина. Тетю Дашу, она оказалась тут же, мы оставили при доме с хорошей зарплатой — как сторожиху.

Рассчитавшись с белорусами и заручившись их согласием на новые работы в доме, мы вышли во двор. День был солнечный, и тень от дома великолепно расположилась в середине двора. Ко мне подошли Жорж с Ниной. Молодой человек, показывая мне рисунок цыганки, спросил:

— И как же быть? Вот — эта тень. А вот — линии. Обозначения. Золото. Вы знаете в этом дворе все. И то, что сверху, и то, что там, в глубине. Что сокрыто от глаз людских...

Черный и Лустер держали «ушки на макушке», аж в струнку вытянулись, ожидая моего ответа.

— Ну, вы же не хотите лишиться меня возможности преподнести вам сюрпризы! В виде золотого черепа, например. Либо огромного засова, замаскированного под обычную железяку, тайну которой пытался выведать у меня один краевед-историк...

— Вообще-то Валентин действовал интеллигентно, — заметила Зоя Алексеевна. — И вы, Наташенька, не должны его осуждать. А его настойчивость... Я, например, очень ценю в мужчине такое качество.

Господи, да что же это творится!

— Что ж... Так и будем жить — от сюрприза до сюрприза. Знаете, даже интереснее, — заметил Лустер.

— Да, блин, ведь кто-нибудь сунется, не одни вы такие умные, опередит, раскопает, захватит, оставит во дворе одни руины, — с досадой проговорил Черный.

— Отец прав. Можно сымитировать архитектурные раскопки, чтобы не привлекать ненужного внимания. Огородить все культурно, и — вперед! Ну, не ночью же копать, с фонарями, как воры в приключенческих фильмах...

И следующие несколько дней мы, не откладывая, посвятили раскопкам. В этом мне здорово помогла Нина. Если бы не она, нам пришлось бы углубляться в десятки лишних метров земли. Ее руки буквально чувствовали, где «зарыта собака». Она говорила, что это какое-то притяжение. Причем идет оно не от земли, а откуда-то сверху. Впервые про такое слышу. Но поверить пришлось, потому что она правильно исправляла мои ошибки. Я, например, указывала на одно место, а она предлагала сдвинуть его на метр-два и всегда оказывалась права. Меня же подводило отсутствие прежних ориентиров — моего сарая, например, а также карусели, старого деревянного дома, деревьев. Почему все это оказалось бесхозным? Думаю, предки Сабурова году этак в восемнадцатом прошлого века, уловив агрессию революции, ринулись за границу, решив необычным способом сохранить золото, закамуфлировав его под обычное железо. Им, вероятно, думалось, что уезжают ненадолго. К тому же оставалась хоть какая-то надежда не потерять все. В сохранности же шкатулки они, очевидно, были уверены. Вообще-то земля — великий тайник. Только эти дворяне недооценили моих предков. В частности, мою бабушку. Она с помощью моих родителей выстроила сарай с земляным полом — на пустом месте. Однажды нам понадобилось там кое-что спрятать, и бабушка стала копать землю в сарае, а я ей

помогала. Вот тогда мы и выкопали огромный железный засов, с двумя отверстиями по краям — видимо, их сделали тоже для камуфляжа. Мы его потом вешали на два шурупа, чтобы поддерживать забор курятника — его тоже выстроила бабушка. А когда этот засов стал никому не нужен, вновь отправили его туда, где нашли. Череп попался нам чуть позже, когда жильцам соседнего дома возводили новый забор, решив при этом захватить часть территории нашего двора. Вот в этой части череп и обнаружился. Мы, дети, все время бегали вокруг рабочих, играли в прятки. И когда один из них вытащил из ямы, предназначенной для очередного заборного столба, большую железяку и оттащил ее в сторону, мальчишки тут же ее схватили, и... Господи, как мы только с этим черепом ни играли, каких только страшилок ни придумывали! А когда он нам надоел, решили его закопать. Никому и в голову не приходило, какую ценность мы отправляем в землю!

Только вот с каруселью мне было не все понятно. Ведь ее строили уже в советское время. Но позже Валентин мне объяснил, что его отец, художник-кузнец, выполнил заказ Сабуровых, которые, покидая Россию, попросили его сделать золотую чашу и придать ей вид обычной железяки. Он долго хранил у себя эту ценность, а когда ему поручили смонтировать во дворе карусель, закрепил на ней эту чашу как необходимую деталь, и таким образом скрыл ее под землей. Наверное, глупо, но после этого он перестал бояться. Вот ведь какие повороты делает с нами судьба!

Кстати, во время раскопок мне позвонил Комов. Уж каким образом он узнал, что творится во дворе, не знаю, только Владимир Иванович готов был прочесть мне целую лекцию о том, как следует поступать с найденными кладами. Я ответила, что законы уважаю. Правда, написаны они так, что, то тут, то там, открываются в них разного рода лазейки. Но мы — честнейшие люди, и никогда не воспользуемся подобными лазейками! Разве можно скрыть хоть один грамм золота? Да ни полграмма!

Комов только вздохнул, признался, что мои заверения кажутся ему фальшивыми, но он надеется на мою совесть. И правильно надеется! Потому что и моя совесть, и совесть всех моих товарищей по открытию драгоценностей, звала нас делать добрые дела совсем не для себя. Теперь, когда мы всем нашим братством собираемся для очередного обсуждения важных общих дел, то чувствуем себя волшебниками. Ради этого стоит жить, ведь правда?

Но только вот что при этом важно. Так можно чувствовать себя и без миллионов в кармане. Ведь не все добрые дела требуют огромных средств, и не все проявления тепла и любви требуют глобальных действий. Однажды, когда я шла по улице, разбитая навалившимися на меня неудачами, мне улыбнулся обычный прохожий. Улыбнулся так, что я тут же забыла про свои

невзгоды и проблемы. Так что чудеса-то мы делаем своими руками. Словами. И своими улыбками. Они всегда побеждают.

Мой старый дом сияет красотой и покоем. К нему вернулось и прежнее величие. Жорж вложил в преобразование дома все свои знания и талант. Семья моя без сожаления оставила столицу. Муж мечтает открыть в нашем доме свой театр. Небольшой, мест на сто. Он пишет замечательные пьесы-сказки, и тут им самое место. Эта идея очень понравилась нашим детям, видящим себя в искусстве. А уж как она понравилась Нине! Она упросила найти ей любое дело на начальной стадии. Я, например, вижу ее будущим директором. Да и актрисой тоже. С нее постепенно сползает неясный туман, она возвращается к жизни. Скоро — их свадьба с Жоржем. В его семье радость — из мест заключения вернулась мать, Софья. Она так обрадовалась будущей невестке, как будто знала ее очень давно. Но мы не будем по этому поводу вдаваться в подробности и все усложнять в этой жизни.

Зоя Алексеевна не возвратилась в свое Подмосковье. На их свадьбу с Валентином наше братство подарило им кое-что из заветной шкатулки. А уж что они будут с этим делать, решат сами.

Преображается печальная жена Лустера. Но сможет ли она до конца преодолеть свой надлом, неясно. Я советовала ему включить ее в наш рабочий процесс. Он в раздумьях. Ему, кажется, досталось больше всех ударов судьбы, но человек он настолько позитивный, что все равно, как говорится, «держит спину» и улыбается. Молодец!

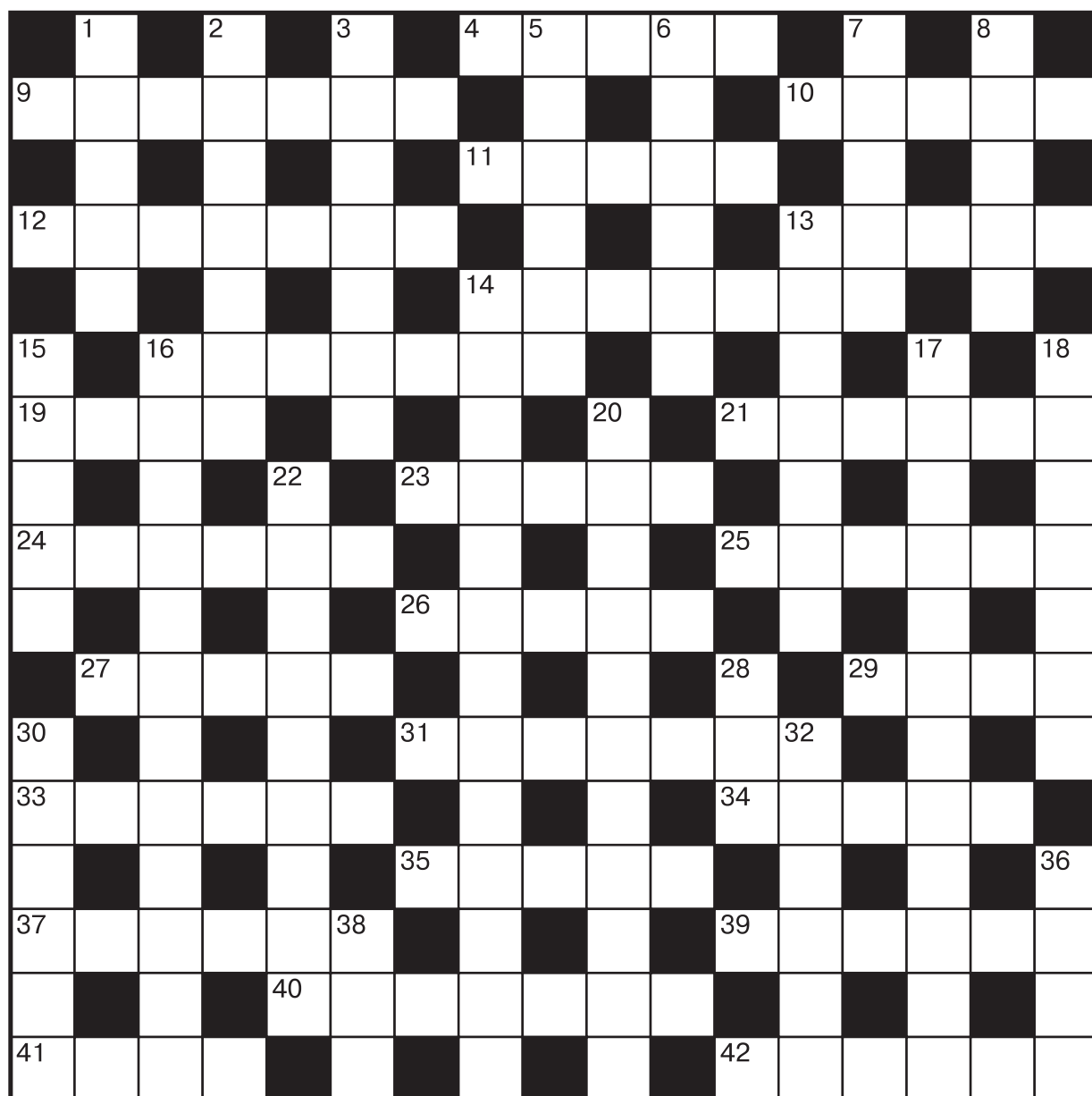
Мы часто вспоминаем Валерия Васильевича.

Памятник ему описать не берусь, но, поверьте, он прекрасен. Как прекрасен был и сам этот человек. А в центре плиты — изображение дома его предков. Нашего дома. Куда же без него!

А сейчас я сижу и жду Тихона с эскизами росписи нашего парадного. И знаю — он придет не один, а с медсестрой, которая ухаживала за ним в больнице. Знаю, что и первая любовь его там навещала, да не одна, а вместе со своим мужем. Познакомился Тихон и с сыном, о котором много лет ничего не знал. Честно говоря, молодой человек не проявил сыновних чувств — вырос с другим отцом, которого и далее намерен считать родным. Но медсестра решительно заявила, что подарит Тихону хоть трех богатырей! Ему эта идея очень понравилась. И всему нашему братству — тоже.

А я часто думаю — может, не все у нас получится из того, о чем мечтали. Что-то пойдет не так, чему-то помешают, на что-то не хватит сил и способностей. Все возможно. Но главное в том, что наш корабль оказался на гребне волны, которая подняла нас ввысь и отправила в большое плавание. И как же прекрасен этот океан — нашими трудами и молитвами!.. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой чернокнижник стал героем оперы Шарля Гуно? **9.** Кто ведет сетевой дневник? **10.** Чем конопатят? **11.** Вулканическая начинка. **12.** Кто создает сценический имидж звездам? **13.** «У тебя на шее ...» **14.** Кем был по роду занятий некий Карл Якобсен, заказавший для Копенгагена знаменитую

скульптуру «Русалочка»? **16.** Чуть ли не единственный цветок, который своим запахом никогда не вызывает аллергии. **19.** Шведская четверка, умевшая не только воспевать, но и зарабатывать «money-money». **21.** Купальник имени атолла. **23.** Кто из литературных героев упомянут в стихотворении «Русь бесприютная»

Сергея Есенина? **24.** Кто совершенно не умеет держать язык за зубами? **25.** Кто в деталях организма копается? **26.** Газ, использованный как первое в мире химическое оружие. **27.** Каким языком владеет Дэвид Духовны? **29.** Ратных дел мастер. **31.** Песня «... щелкает» у Владимира Высоцкого. **33.** С каким секс-символом однажды расторгли контракт из-за выдающегося каддыка? **34.** Изюминка мира Гарри Поттера. **35.** Квадратная одежда на губке Бобе из американского мультсериала. **37.** Какой шрифт придумали в подражание почерку Петрарки? **39.** Горькая выпивка. **40.** Какой соус, если верить его названию, японцы создали, чтобы наводить глянец? **41.** Какую функцию выполняет статуя Свободы в Нью-Йорке? **42.** Какая райская птица символизирует величие и благополучие на гербе Смоленска?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пес из диснеевских мультфильмов. **2.** Кто из звезд американской эстрады первой величины еще в детстве заработал близорукость из-за чрезмерного увле-

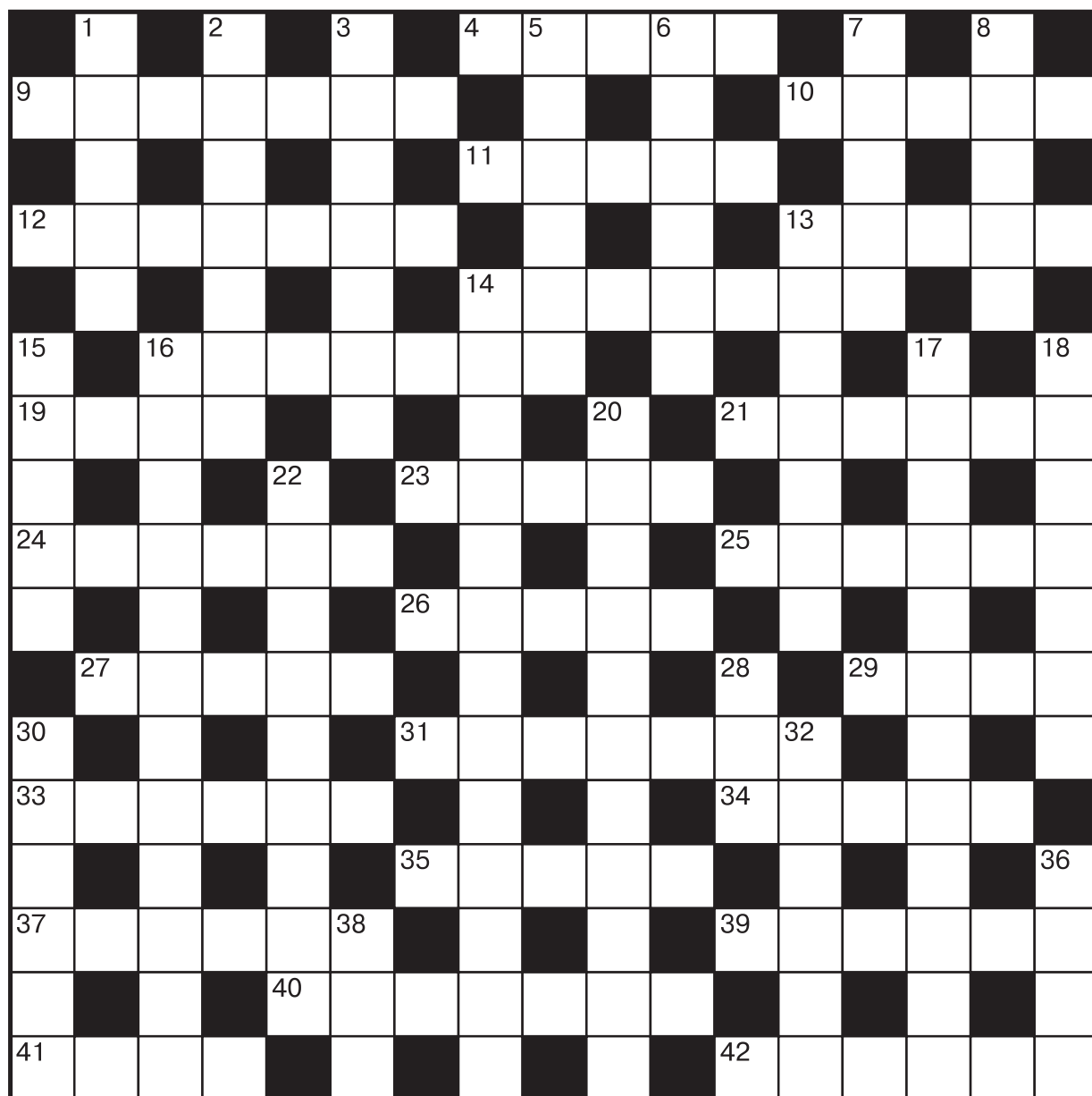
чения компьютерной игрой о Супер-братьях Марио? **3.** Преподаватель американского колледжа, придумавший баскетбол. **5.** Что сделало печально знаменитой на весь мир Чернобыльскую АЭС? **6.** Мировой бестселлер «Утраченный ...» от Дэна Брауна. **7.** Шумный восточный ... **8.** Бриллиантовый ... **13.** Запасной, но не игрок. **14.** Какое звание заслужил от благодарных потомков немец Иоганн Гутенберг? **15.** В какой стране Вест-Индии восемьдесят процентов населения живет за чертой бедности? **16.** Чем, по одной из версий, в древности служил Стоунхендж? **17.** Лыжница со снайперскими навыками. **18.** Бас-гитарист среди основателей культовой группы Kiss. **20.** Кто помогает иллюзионисту фокусы показывать? **22.** Что прострелило на яблоках «дядю Мишу» из мелодрамы «Вокзал для двоих»? **28.** Киношный пес с черным ухом. **30.** Многосерийная комедия. **32.** «Рулевое отделение» грузовика. **36.** Из какого овоща получают реагент для теста на ВИЧ? **38.** «В наш скучный ... в любви все чаще объясняются по телефону».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Трудяга. **7.** Дама. **10.** Тренд. **12.** Благородство. **13.** Алмаз. **15.** Расклад. **16.** Паника. **19.** Зал. **20.** Туалет. **24.** Ясли. **25.** «Гамбринус». **27.** Лупа. **28.** Секрет. **29.** Макраме. **30.** Гарсон. **31.** Бишкек. **33.** Фри. **36.** Бинош. **37.** Креатор. **40.** Зинин. **42.** Нарты. **43.** Бермуды. **44.** Гейша. **45.** Суета. **46.** Бахрейн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Крыло. **2.** Анчар. **4.** Реликт. **5.** Дуглас. **6.** Герб. **8.** Автоинструктор. **9.** Апокалиптика. **11.** Идеал. **14.** Забег. **16.** Парус. **17.** Стиляга. **18.** «Кампари». **21.** Таган. **22.** Сборы. **23.** Бисмарк. **26.** Селифан. **29.** Мокин. **32.** «Победа». **34.** Иридий. **35.** Китеж. **36.** Биешу. **38.** Татум. **39.** Ртуть. **41.** Юмор.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой плющ американцы окрестили «пожирателем домов»? **9.** Из-за какой ядовитой медузы закрывают пляжи в Таиланде? **10.** Подписанный донос прежде на Руси. **11.** Какая столичная химчистка попала в фильм «Москва слезам не верит»? **12.** Поэтический прием, благодаря которому стихи легче писать и труднее читать. **13.** Укра-

шение из подвесок с монетками на Тянь-Шане. **14.** Какой бродяга вдохновил на картину Алексея Коририна? **16.** Частная сеть в виртуальном пространстве. **19.** «Меня интересуется счастье не для всех, но для каждого» (французский писатель). **21.** Какую принцессу спасает Зигфрид? **23.** Какой принц вроде как приказал записать «Древние запове-

ди» масонов? **24.** Какую кинозвезду Эрих Мария Ремарк окрестил «Стальной орхидеей»? **25.** «Мальчишник синеглазых» из Индонезии. **26.** «Рождественское вино» у скандинавов. **27.** «Ночная красавица». **29.** Первая и важнейшая часть Авесты. **31.** Что Виктор Гюго считал «средством защиты для женщин и позором для мужчин»? **33.** Чего, как полагал Ежи Лец, следует остерегаться, «копаясь в деталях»? **34.** Какое сухое вино, с точки зрения европейцев, наиболее подходит под черную икру? **35.** Какая компания не допускает в своих комнатах более одной пылинки на кубический фут? **37.** Легендарный предок династии царей, к которой принадлежал Кир Великий. **39.** Кофе с одной ложечкой сахара у киприотов. **40.** Братья, сделавшие в 1851 году нынешние Кремлевские куранты. **41.** Древний танец в честь Вакха. **42.** Какого из своих сыновей хотела посадить на султанский трон Роксолана?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мировой чемпион, запатентовавший новые шах-

матные часы. **2.** Какую деревню Кристиан Диор избрал местом своего захоронения? **3.** Где участники по шорт-треку готовятся к выходу на старт? **5.** Горная порода, используемая для полировки драгоценных камней. **6.** Вариант вращения в фигурном катании на коньках. **7.** Топленое сало к драникам. **8.** Лицо Джорджа Уизли из поттерианы. **13.** Кувшин для кипячения воды во время восточной чайной церемонии. **14.** Тюрбан из средневековой Европы. **15.** Мистическое служение Богу из каббалы. **16.** Коллекция перстней. **17.** Что подорвало здоровье Леонида Брежнева? **18.** С какой горы «началась история Бразилии»? **20.** «Маленькая страна» в мире животных. **22.** Что относят к масс-маркету? **28.** Один из замков Луары. **30.** Каждый «из людей будущего» в фантастическом романе «Кольцо вокруг Солнца» американца Клиффорда Саймака. **32.** Цепочка шагов при исполнении танго. **36.** Какой Николас крутил романы с Дженнифер Лоуренс и Кристен Стюарт? **38.** Из какого хаоса возникли боги Древнего Египта?

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Абабков. **7.** Агла. **10.** Чиндо. **12.** Ираррасабаль. **13.** Олимп. **15.** Суворин. **16.** Дефолт. **19.** Ран. **20.** Фейхоа. **24.** Кадо. **25.** Гленвилет. **27.** Моос. **28.** Метате. **29.** Каммлер. **30.** Тхелет. **31.** Каньги. **33.** Кач. **36.** Дьюар. **37.** Симонид. **40.** Гидаю. **42.** Накая. **43.** Филиппо. **44.** Руяне. **45.** Долли. **46.** Битрейт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бигль. **2.** Адамс. **4.** Бартон. **5.** Бардин. **6.** Ораи. **8.** Градоначальник. **9.** Альстромерия. **11.** Часен. **14.** Пулог. **16.** Дарем. **17.** Сфумато. **18.** Айдозер. **21.** Алиат. **22.** Унэмэ. **23.** Викелас. **26.** Теламон. **29.** Кешью. **32.** Панини. **34.** Чимпой. **35.** Бифун. **36.** Даэна. **38.** Начос. **39.** Дадли. **41.** Витр.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

